

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФГБОУ ВО «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ТЕХНОЛОГИЙ И УПРАВЛЕНИЯ
ИМЕНИ К. Г. РАЗУМОВСКОГО
(ПЕРВЫЙ КАЗАЧИЙ УНИВЕРСИТЕТ)»

Ю. А. Закунов, А. М. Шарипов

И. А. ИЛЬИН
О ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ
ОСНОВАХ СЛУЖЕНИЯ РОССИИ
И РОЛИ КАЗАЧЕСТВА

Монография

Москва
«Снежный Ком»
2025

УДК 1(091)

ББК 87.3

Издается по решению Ученого совета
Факультета социально-гуманитарных технологий
Московского государственного университета технологий
и управления имени К. Г. Разумовского
(Первый казачий университет)

Рецензенты:

Даренский В. Ю., доктор философских наук, профессор
кафедры журналистики ФБГОУ ВО «Луганский государственный
университет имени В. Даля»

Решетников Л. П., генерал-лейтенант СВР, кандидат
исторических наук

Закунов Ю. А., Шарипов А. М.

**И. А. Ильин о духовно-нравственных основах служения
России и роли казачества.** Монография. — Москва: «Снежный Ком»,
2025. — 218 с.

В предлагаемой монографии рассматриваются духовно-нравственные основы служения России в философском наследии И. А. Ильина, предложена реконструкция его аксиологической модели бытия, излагается развитие идей мыслителя в историческом контексте. Впервые освещаются взгляды И. А. Ильина на русское казачество. В тексте монографии и приложении приводится множество цитат И. А. Ильина, позволяющих приобщиться к его неповторимому блестящему стилю и глубине мысли.

УДК 1(091)

ББК 87.3

© Закунов Ю. А., 2025

© Шарипов А. М., 2025

© МГУТУ им. К.Г. Разумовского
(Первый казачий университет), 2025

© «Снежный Ком»

(ИП Штепин Д.В.), 2025

ISBN 978-5-6054406-4-2

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Раздел 1. И. А. Ильин о философских духовно- нравственных основаниях служения России и аксиологическая модель бытия (Закунов Ю. А.) ...	14
1.1. Реконструкция аксиологической модели бытия согласно И. А. Ильину	14
1.2. Служить высокому, несмотря ни на что	36
1.3. О сопротивлении злу силой	50
Раздел 2. Идеи мыслителя на перекрестках истории России XX века. И. А. Ильин о воинском служении и казачестве (Шаринов А. М.)	82
Приложение	154
Литература	214

ПРЕДИСЛОВИЕ

Жить стоит только тем и верить стоит в то, за что стоит бороться и умереть, ибо смерть есть истинный и высший критерий для всех жизненных содержаний.

Страдание есть цена духовности и предел для животности. Принадлежность к казацкому сословию не привилегия, но служение Богу, стране и людям.

Братся за меч имеет смысл только во имя того, за что человеку действительно стоит умереть: во имя дела Божьего на земле. Бессмысленно братся за меч тому, кто не знает и не имеет в мире ничего выше самого себя и своей личной жизни.

Мы должны надеяться на Бога, на духовные силы национальной России и на самих себя, верных Богу и родине. И только; этого довольно, и больше надеяться нам не на кого.

И. А. ИЛЬИН

Много замечательных оценок Ильина И. А. даны современными российскими исследователями в последнее время¹. Как правило, это желание выразить богатство и глу-

¹ «Духовное наследие И. А. Ильина отличается самой развитой, тщательно продуманной и нравственно ответственной аксиологией с тем должным рангом ценностей, который необходим для духовного единения. И. А. Ильин, как никто другой из русских мыслителей, столь полно вобрал в себя русскую культуру, трагедию и надежду народа, что стал олицетворением духа исторической самобытной России. Его наследие блистает жемчужной первой величины в короне классической русской философии. Он каким-то чудесным образом гармонично соединил в своем творчестве духовный огонь Православия, чувство слова А. С. Пушкина, провидчество и совестливость Ф. М. Достоевского, волевое начало А. В. Суворова, государственный ум П. А. Столыпина и логическую мощь Гегеля. Соединил в мелодию «поющего сердца», в ясное до «очевидности» умозрение самых главных духовных предметов.

бину его трудов, трагичность судьбы, понять величие его образа, пути духовного обновления и утверждения, глубочайшими нитями исторически и метафизически связывающих с вечной Россией, удивительно возрастающую с годами актуальность его духовно-философского наследия. Вот одна из цитат: «Своим наследием Ильин И. А. вернул нам, ныне живущим в России, подлинную Россию во всей её богоочарованности, культурном великолепии и многоголосии, душевной щедрости и духовном благородстве. И вот на фоне такой России ясно понимаешь падения и «звездные часы» России советской, тупики и перспективы России нынешней. Ильин возвращает нам российское национальное самосознание и достоинство, российский характер и волю к совершенству. И все это изложено Ильиным по-пушкински ясно и точно, без ненависти и злобы. Только вздох печали и сострадания трагедии и мукам народа, и вместе с тем всегда — «солнечная» перспектива»².

В предлагаемой монографии приводится много чеканных емких формулировок И. А. Ильина, в частности, из его знаменитого сборника «Наши задачи», где он, пророчески обращаясь в том числе к будущему поколению россиян,

Он — мыслитель одухотворенного волевого плана, кующий в читателе духовное самостоянье, столь актуальное сегодня. Творчество И. А. Ильина целостно как со стороны того духовного акта, каким оно осуществлялось, так и в смысле полноты содержания» (*Сергей Гончаров*. Духовная актология Ивана Ильина. Текст: электронный // Проза.ру. URL: <https://proza.ru/2010/12/19/703> (дата обращения : 03.12.2024) ; См. также : *Юрий Лисица*. Идеи и меч. Даже трудно сказать, что не вошло в круг интересов Ильина. Текст: электронный // Литературная газета. 07 апреля 2023 г. <https://lgz.ru/article/idei-i-mech/>, а также подборку литературы об И. А. Ильине в конце данной монографии.

² *Гончаров С. З.* Духовные ориентиры наследия Ивана Ильина и их значение в образовании / С. З. Гончаров // Русская философия о человекотворческой основе гуманитарного образования: сборник научных статей по материалам 9-й Всероссийской научно-практической конференции, 15–16 ноября 2012 г., г. Екатеринбург / Рос. гос. проф.-пед. ун-т. — Екатеринбург, 2012. — С. 23.

хотел передать всю душевную боль за Россию и одновременно уверенность в её возрождении, высекал в читателе искры духовного разума, веры, чести, воли, горячей любви. Мыслитель призывал к тому, чтобы проводить жизнь «не в слезах слабости и не в горделивых фантазиях, а в личной и совместной подготовке к грядущей работе... должны учиться грозной любви и гибкой борьбе». Он писал: «Мы должны быть твердо уверены в нашей победе, ибо за нами правда и сила воли. За нами история России, за нас её святыни, за нас пробуждающийся инстинкт национального самосохранения. Но первое, первое, чему мы должны научиться: честно исследовать все роковые вопросы перед лицом Божиим и честно выговаривать добытые решения»³.

«Кто бы я ни был, каково бы ни было мое общественное положение, от крестьянина до ученого, от министра до трубочиста, — я служу России, русскому духу, русскому качеству, русскому величию; не «маммоне» и не начальству, не личной похоти, и не партии, не карьере и не просто работодателю, — но именно России, её спасению, её строительству, её совершенству, её оправданию перед лицом Божиим»⁴, — восклицал Ильин и вопрошал: «Чем мы можем служить ей? К чему мы призваны? Что нам надо делать?» и отвечал: «Это — значит выговорить главное; приступить к этому служению значит осуществлять это главное»⁵, т. е. подчинить России свое служение, конечные цели, борьбу, дело, верность. В служении, как он полагал, должен быть отвергнут «...самый способ постановки политических вопросов — мечтательно-доктринерский, рассудочно-формальный, интернациональный, искательно-демагогический. Перед нами не «идеал», не «мечта» и не «доктрина»,

³Ильин И. А. О сопротивлении злу силой. [(1931, Рига); 1984, Мюнхен. Текст лекции] // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 5, 1995. С. 285.

⁴Ильин И. А. О воспитании в грядущей России. Наши задачи // Ильин И. А. Собр. соч. М., 1993. Т. 2. Кн. 2. С. 183.

⁵Ильин И. А. О главном. Наши задачи // Ильин И. А. Собр. соч. М., 1993. Т. 2. Кн.1. С. 160.

а жизненная задача воссоздания России. И Россию мы должны понимать как живое, органически-историческое, единственное в своем роде русско-наследственное государство, с его особой верою, с особыми традициями и нуждами». Решение вопроса «...должно быть живым и верным выводом из русской истории и из христианских бесспорных аксиом с тем, чтобы не стремиться воплотить эти аксиомы вслепую, в меру утопического максимализма, но в меру их исторической вместимости в живую ткань современной русской народной жизни».⁶

Ильин И. А. предстает как пример неустанного служения, духовного горения, претворения и преобразования в личном усилии органичной связи со своими естественными и культурными национально-историческими истоками, наличным бытием и божественным предназначением. Выражаясь словами самого Ильина, сказанными о Пушкине, важен образ или символ нашего национального Боговосприятия, который дается от имени народа и за народ его гениями и пророками, показывающий то, «чем мы призваны быть; и то, к чему мы *способны*; и то, как нам *восходить* на эту высокую и трудную гору. Это наши живые алтари, наши очаги, наши ангелы-хранители»⁷. Одним из таких провидцев и гениев России стал сам мыслитель.

Погружение в жизнь и творчество И. А. Ильина вызывает образы двух великих личностей, с которыми прочитывается глубокое духовное родство мыслителя, образуются параллели и творческие ассоциации. Это св. апостол Иоанн Богослов и великий русский поэт А. С. Пушкин.

Ильин, как и Пушкин, обладал целостным духовным актом и развитым чувством совершенства, был мастером

⁶ Ильин И. А. Надо готовить грядущую Россию. Наши задачи // Ильин И. А. Собр. соч. М., 1993. Т. 2. Кн. 2. С. 72–73.

⁷ Ильин И. А. О России. Три речи. 1926–1933. Родина и гений // Ильин И. А. Собр. соч. М., 1996. Т. 6. Кн. 2. С. 31.

слова и художественного вкуса, воплощая своей философией принципы христианской культуры и русскую идею⁸.

Для св. апостола Иоанна, как и для Ильина, не существовало раздвоенности⁹. Ильин всем своим творчеством

⁸ Сам Ильин видел в Пушкине радостное самоутверждение народного духа в Боге, путь к вере через очевидность вдохновенного созерцания, *мироприятия* и *миропреображения*. Именно в Пушкине видится желанная мера разума, страсти и веры, власти и свободы, мечтательности и реальности, человеческого и божественного. Соблюдение этой меры и есть не что иное, как русский национальный духовный акт или русский дух. Говоря словами Ильина, он пророчески указал народу России его жизненную цель: *жить во всем самобытном многогласии своем в глубочайшей цельности и искренности — божественными содержаниями — в совершенной форме*. (См.: Ильин И. А. Пророческое призвание Пушкина // Собр. соч. Т. 6. Кн. 2. С. 55–56; Также: Национальная миссия Пушкина // Там же. С. 70–72).

⁹ «По убеждению апостола, где нет полной преданности, там нет ничего. Избрав путь служения Христу, апостол Иоанн до конца жизни совершал его с полнотой и безраздельной последовательностью. Он говорит о всецелой преданности Христу, о полноте жизни в Нем, поэтому и грех рассматривается им не как слабость и поврежденность человеческой природы, а как зло, как отрицательное начало, совершенно противоположное добру (Ин. 8, 34; 1 Ин. 3, 4; 1 Ин. 3, 8–9). По его воззрению, можно принадлежать или Христу, или дьяволу, среднего, неопределенного состояния быть не может (1 Ин. 2, 22; 1 Ин. 14, 3). Поэтому он служил Господу с безраздельной любовью и самоотверженностью, отвергая все, что принадлежит исконному врагу человека, врагу истины и родоначальнику лжи (1 Ин. 2, 21–22). Чем сильнее он любит Христа, тем сильнее ненавидит антихриста; чем больше он любит истину, тем больше ненавидит ложь, — свет исключает тьму (Ин. 8, 12; Ин. 12, 35–36). Этим проявлением внутреннего огня любви он свидетельствовал с особой силой духа о Божестве Иисуса Христа (Ин. 1, 1–18; 1 Ин. 5, 1–12). Призывая к святости жизни, он торжественно провозглашает, что «всякий, рожденный от Бога не согрешит» (1 Ин. 5, 18; 1 Ин. 3, 9). В общении с Богом истинный христианин причастен жизни Божественной, поэтому будущее человечества совершается уже на земле. В изложении и раскрытии учения о Домостроительстве спасения Апостол Иоанн переходит в область вечно настоящего, в котором Небо сошло на землю, и обновленная земля освещается

и жизнью следовал именно Иоаннову духу христианства — силе пламенной жертвенной свободной благодатной Любви и сердечного созерцания. Среди всех русских мыслителей, да и всей мировой философской традиции, трудно найти такого мыслителя, как Ильин, столь глубоко погружившегося в философскую духовно-нравственную проблематику непримиримости борьбы со злом, решаемую каждым по-своему, но в современном контексте имеющей не только сугубо моральное значение, но всеобщее, историософское и конкретно-политическое. «Да будет ваш меч молитвою, и молитва ваша да будет мечом!»¹⁰ — призыв мыслителя, обращенный к воинам, а по сути, ко всем людям, ведущим одновременно небесную и земную брань.

Служение само по себе, как известно, требует в человеке повышенного чувства ответственности и способности забывать о своем личном «успехе-неуспехе» перед лицом *высшего дела*. Авторы предлагаемой книги обращаются не к читателю, укрывающемуся малодушно от глубокой и сложной проблемы и «не желающему ничего почувствовать и додумать», но к тому, для кого жизнь, выражаясь словами Ильина, «без соприкосновения с пределом вещей, без пафоса истины (пусть мнимой или ложной) кажется пустой, блеклой, мертвой». Мы взываем к тому, для кого жизнь человека есть не игра естественных сил и не беспринципная борьба за существование, но «творческий процесс, протекающий пред лицом Божиим, и при участии божественных сил, живущих в человеке»¹¹. «Где шумит ничтожное, там смолкает Вечное...», — писал автор «Поющего сердца». Из потенциально благожелательной аудитории читателей мы сразу исключаем тех, кому Ильиным поставлен следующий диагноз современного духовного кризиса: «Холодный, черствый,

Светом Небесной Славы» (См.: Древо. Открытая православная энциклопедия. URL: <https://drevo-info.ru/articles/227.html>)

¹⁰ Ильин И. А. Сопротивление злу силою // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 4. С. 33.

¹¹ Ильин И. А. Религиозный смысл философии. Три речи. 1914–1923 // Ильин И. А. Собр. соч. М., 1994. Т. 3. С. 52

высчитывающий ум и бессердечная, черствая, расчетливая воля презрительно отстранили созерцающее сердце, — эту главную евангельскую силу, — и стали строить культуру самостоятельно. Отсюда все бедствия наших дней»¹².

Сейчас духовно-философское наследие Ильина представляет серьезную угрозу стремлениям внутренних и внешних врагов России не допустить её поступательного развития на основе традиционных духовно-нравственных ценностей. Отсюда шельмование имени мыслителя, клевета, софистическая критика, навешивание ярлыков «фашиста», «гегельянца», «синтеза рациональности, духовного мистицизма и поповщины», «чистого сияния безумного разума» и т. п., что, конечно, не имеет ничего общего с правдой. Приписывание Ильину искаженного понимания православия — якобы сверхэмоционального и неканоничного, лозунгового и популистского, мало содержащего теологии, говорит лишь о незнании его богатейшего наследия и непонимании волевого действенного целостного характера его учения, глубоко пронизанного духом христианства. Тем, кто бессовестно критикует И. А. Ильина и лжет, руководствуясь правилом «тем хуже для действительности», отвечаем цитатой из А. К. Толстого, следуя заветам И. А. Ильина: «Мы возбуждем течение встречное против течения!»

Некоторые ученые критики И. А. Ильина из современных, такие, как Евлампиев И. И., отмечают внешнюю тяжеловесность и академичность, многословно-утомительные умопостроения, назидательность нравоучений, отсутствие новых подходов к традиционным философским проблемам, отказывают в большом философском значении его трудов, при этом отдавая дань принципу нерасторжимого единства его философии и жизни (в русской традиции и самим Ильиным это называлось *цельностью*), что позволяет причислить его к ряду самых ярких представителей экзистенциальной

¹²Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. Исследование в 2-х томах. Париж, 1953. М.: «Русская книга», 2002. Гл.16. 5. п. 4.

философии XX века¹³. Здесь иррациональная, невыразимая целостность и полнота в каждом миге бытия отсылает критиков мыслителя к западной философии жизни, идеями которой якобы питался Ильин после отхода от приверженности Гегелю. Глубокая убежденность Ильина в наличии однозначной и четко проводимой границы между добром и злом в нашем мире привела его якобы к своеобразному нравственному максимализму, не признающему «полутонов» и «светотеней» в человеческих отношениях и нравственной ориентации отдельной личности. На подобную критику ответом служат работы философа Полторацкого Н. П., проф. Лисицы Ю. Т. (редактора и комментатора издаваемого 30-ти томного собрания сочинений И. А. Ильина), замечательные работы проф. Гончарова С. З. о духовных ориентирах наследия мыслителя¹⁴, наконец, многогранное духовно-философское наследие самого И. А. Ильина, предполагающее честного и вдумчивого читателя.

Для Ильина философия была занятием, которое «больше, чем жизнь: она есть *завершение* жизни. Но жизнь *первое* философии: она есть её *источник* и предмет»¹⁵. Философия требует предельной ответственности, «ибо жизнь есть страдание, ведущее к мудрости, а философия есть мудрость, рожденная страданием». Все трагические события жизни народа философ, по его мнению, обязан рассматривать как самое важное в своей духовной работе; он должен сделать их главной темой своих размышлений, чтобы, осмыслив их,

¹³ *Евлампиев И. И.* От религиозного экзистенциализма к философии православия: достижения и неудачи Ивана Ильина // И. А. Ильин: pro et contra. Личность и творчество Ивана Ильина в воспоминаниях, документах и оценках русских мыслителей и исследователей. Антология. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2004. С. 7–64.

¹⁴ *Гончаров С. З.* Опыт понимания духовности с позиций аксиологии совершенства И. А. Ильина (К 120-летию со дня рождения мыслителя) //

¹⁵ *Ильин И. А.* Религиозный смысл философии. Три речи. 1914–1923 // Ильин И. А. Собр. соч. М., 1994. Т. 3. С. 36.

попытаться помочь своему народу преодолеть тяготы и беды, помочь взойти через страдания к новым духовным высотам; «народ сообщает своим философам самый подход к духовному опыту, а философ дает своему народу *углубление, очищение и осмысление* духовного делания»¹⁶.

В первой части книги предлагается реконструкция аксиологических воззрений Ильина И. А., изложение духовно-философских оснований служения России, а также его концепция сопротивления злу, особо актуальная в наши дни. Здесь в свернутом виде дана обобщенная аксиологическая модель бытия, где человеческая душа, представленная данным от Бога единством сердца, воли и ума (начало данности), призвана стать духовной (заданность) через восприятие высших ценностей и реализацию в процессе культурной деятельности (осуществление) в виде художественного творчества, научного поиска, нравственного выбора, искреннего вероисповедания, государственно-правового строительства, брачной жизни и воспитания детей, любви к Родине и защите Отечества. Человек ведется Св. Духом и духовными органами — совестью, верой и любовью к своему духовному призванию — первообразу, к божественным Истине, Добру, Красоте, образуя три движущие силы развития: совестную волю, верующую мысль и чувство любви. Лежащие в основе этих высших духовных актов — «нераздельные и неслиянные» *свобода, предметность и любовь*, выражают саму суть исторического развития и социального бытия в аспекте осуществления. Отсюда ценностно-смысловая «формула» Ильина или идея России: *свободная любовь к безусловно Совершенному*.

Во второй части представлен творческий путь мыслителя в контексте истории России и оценка им роли казачества, рассматриваются узловые моменты развития его идей на перекрестках истории России, начиная с революции. Подчеркнуто, что именно в казачестве, своеобразном русском рыцарстве, неукротимая любовь к свободе была признана

¹⁶ Ильин И. А. Религиозный смысл философии. Три речи. 1914–1923 // Ильин И. А. Собр. соч. М., 1994. Т. 3. С. 58.

государством и «получила свое консервативное, гражданственно-религиозное содержание» – охранять рубежи православно-христианского отечества. «Вся история русских войн есть история самоотверженного предметного служения Богу, Царю и отечеству; а, напр., русское казачество сначала искало свободы, а потом уже научилось предметному государственному патриотизму. Россия всегда строилась духом *свободы* и *предметности* и всегда шаталась и распадалась, как только этот дух ослабевал, — как только свобода извращалась в произвол и посягание, в самодурство и насилие, как только созерцающее сердце русского человека прилеплялось к беспредметным или противопредметным содержаниям...»¹⁷. Казаки, отмечал Ильин, являли собой живой набор черт российского государственного служилого человека — инициативность, отвагу, прилежание, самоуправление и воинственный дух... «И не было в старину твердой грани между разбойниками и казаками, эта грань появлялась лишь тогда, когда «вольные люди» приобретали оседлость и имущество, когда начиналось огосударствление «удалых добрых молодцев» и когда храброе казачество заселяло и обороняло русские окраины. Тогда анархия постепенно принимала закон и подданство и в силу веры и совести возвращалась к монархической верности»¹⁸. С другой стороны, именно в казачестве отражено освоение двух великих «бремён» России — «бремени земли» и естественно присоединявшегося к нему «бремени народности»: «до ста восьмидесяти различных племен и наречий» должны были уживаться в России. В лице казачества отразилась способность русского человека, с одной стороны — к уживчивости, с другой — к освоению социокультурного богатства окружающих народностей»¹⁹.

¹⁷ Ильин И. А. О русской идее. Наши задачи // Ильин И. А. Собр. соч. М., 1993. Т. 2. Кн. I. С. 424.

¹⁸ Ильин И. А. Почему сокрушился в России монархический строй? Наши задачи // Ильин И. А. Собр. соч. М., 1993. Т. 2. Кн. II. С. 95.

¹⁹ См.: Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 6. Кн. II. М., 1996. С. 564.

РАЗДЕЛ 1.

И. А. Ильин о философских духовно-нравственных основаниях служения России и аксиологическая модель бытия

1.1. Реконструкция аксиологической модели бытия согласно И. А. Ильину

И. А. Ильин писал: «Кто хочет глубины», тот должен учиться видеть, тот не может гнаться за «новым», тот должен полюбить «старое». Поэтому Великое и существенное, Святое и Божественное — это древнее и вечное, но всегда новое и благодатное для видящего...»²⁰. Рассмотрение вопроса о служении России естественно начать именно с философских духовно-нравственных основ бытия вообще. И здесь сразу надо подчеркнуть, что творческое наследие мыслителя И. А. Ильина отличается цельностью, тщательно выстроенной аксиологией, опирается на национальную христианскую традицию и осмысленный исторический опыт. Проведенный анализ позволил выявить его триадический характер и православную сердцевину, заключающуюся в преображении человека по божественной благодати через творение христианской культуры как восхождение к первообразу и домостроительство.

Будучи православным философом, И. А. Ильин полагал, что «философия здесь, как и везде, учит познанию того, что **благо есть реальная сила, уже данная** человеку как факт, как возможность большего, как предмет желания и в то же время еще **заданная** человеку для познания и полного **осуществления**»²¹. Важнейшее глубинное значение в философии Ильина имеет категория СМЫСЛА,

²⁰Ильин И. А. Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий // Ильин И. А. Собр.соч.: в 10 т. Т.3. — М.: Русская книга, 1994. С. 123.

²¹Ильин И. А. О сущности правосознания // Ильин И. А. Собр. соч. в 10 т. Т.4. — М.: Русская книга, 1994. С.407.

который есть объективный предмет мысли, психологически переживаемый субъективно, имеющий сверхвременную и сверхпространственную, всеобщую и сверхпсихическую природу²². Антиномичность, противоречивость бытия снимается в триаде *данности, заданности и осуществления*, которая в качестве системообразующей скрытно или явно присутствует во всех его рассуждениях. Хотя сам мыслитель специально этого не делает, рассматривая данные человеку от Бога силы души, он подчеркивает заданность их к цельности, духовному восполнению в творчестве. Они глубоко *субъективны и свободны* по истоку (а мы добавим: по *данной* природе), культурны, национальны и социальны по явлению (добавим: по форме **осуществления**) и *объективны и абсолютны* по предмету (добавим: по смысловой **заданности**)²³.

Ильин обращается прежде всего к внутренним механизмам духовности и пытается определить основные законы развития духа в человеке, ставит задачу: не порывая с научным материалом, конкретными государственными законами, политическими явлениями и историческими фактами — проникнуть в их философский, религиозный, нравственный и художественный смысл и постигнуть их как состояния человеческой души и Духа. Он подробно рассматривает различные отклонения и степени усвоения «Божьих лучей», определяя наилучшее состояние человека в процессе осуществления своего изначального призвания как состояние **ОЧЕВИДНОСТИ**. Для него оно есть восприятие человеческим духом Божественного Предмета, приобщение Его свету, Благодати, живое и живоносное единение. Ильину чужды как абстрактные схемы, схоластические рассуждения о цельности и соборности вне конкретного наполнения, так и внепредметные бессистемные эмпирические

²² См.: Ильин И. А. *Философия как духовное делание* // Ильин И. А. *Собр. соч.* т. 29.

²³ См.: Ильин И. А. *О сущности правосознания* // Ильин И. А. *Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4.* — М.: Русская книга, 1994. С. 241.

стихийные субъективные или коллективные «ощущения». Взамен — стремление выразить живой процесс наполнения, взаимодействия и развития наиболее существенных сторон исторического бытия в их единстве и относительной самостоятельности, определение констант развития или аксиом духовных актов — глубинных реальных движущих сил истории.

Цельность складывается из адекватного полноценного обмена энергиями, взаимной отдачи, взаимодействия, что предполагает, во-первых, наличие самобытия и многообразия, или *автономности*, как называет данный аспект Ильин. Наиболее цельно это проявляется как сила СВОБОДЫ, которая исключает полное слияние, однообразие (в человеке она уже есть как начало **данности**). Во-вторых, она взаимодействует с другой силой — ПРЕДМЕТНОСТЬЮ, которая требует отдачи, будучи силой внешней, причиной и началом единства (началом **заданности**), задает смысл. Очевидно, что подлинная цельность образуется в сочетании с третьей силой — ЛЮБОВЬЮ как формой или наиболее полноценным способом связи, началом действенного жизненного **осуществления**. Любовь — это взаимообусловленность, отдача, жертва. Сама связь между этими великими силами возможна лишь при условии их общего единства на основе сущности высшего порядка — Духа (это начало Предметности Божественного уровня). С другой стороны, в необходимых связях между ними, как и внутри них, также реализуются начала заданности, данности и осуществления. Только выступать они будут здесь в различных ролях. Например, в активной роли самобытия (или данности): *Свобода предметности, свобода любви и самобытие самой свободы*. Каждая из них нуждается в способе осуществления, своем особом акте: отсюда аспект Осуществления, требующий любви к свободе, любви к предметности и самой любви. Аспект Заданности выражается в предметности свободы и предметности любви, то есть в том, что свобода и любовь должны быть направлены на объективно-лучший предмет

или ценность²⁴. С другой стороны, предметность по Ильину, это «верность души созерцаемому и осуществляемому предмету»²⁵. Наиболее полно это выражено, по его мнению, в Христианском духе.

Конкретная гармоничная связь между двумя началами внутри триады обеспечивается как третьей силой, так и божественным предметным духом в целом. Так путь к Предметности без свободы и любви (жертвы) немислим. Предметность «противостоит сразу и **безразличию, и безоглядному своекорыстию**, — этим двум чертам рабского характера»²⁶.

Триада была бы неживой схоластической выдумкой, если путь к Предметности не начинался бы от личной Свободы (воли к духу) и не пролегал через Любовь к Предметности (заданности).

Если отталкиваться от аксиомы автономности личности, то развитие, как стремление к цельности и полноте, будет проявлять себя через объективно-лучшее внутри человека в виде осуществления чистоты самого жизненного акта, его структуры (культивирование лучшего в себе самом, своих переживаниях и деяниях), чистоты предметного наполнения (чистоты содержаний) и переживаемости, горения — субъективно небезразличного отношения к объективно небезразличным состояниям, содержаниям, предметам²⁷. В зависимости от точки отсчета, масштаба, предметной сферы более нижних планов определяются и конкретные условия его осуществления.

²⁴ См.: Ильин И. А. Основы христианской культуры // Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. М., 1993. Собр. соч. Т. 1. С. 303–306; также: Ильин И. А. О воспитании в грядущей России // Ильин И. А. Наши задачи. Т. 2. — М.: ООО «Рарогъ», 1993. С.145–152.

²⁵ Ильин И. А. О сущности правосознания // Собр. соч. Т. 4. С. 337.

²⁶ Ильин И. А. О воспитании в грядущей России // Ильин И. А. Наши задачи. Т. 2.– М.: ООО «Рарогъ», 1993. С. 146.

²⁷ См.: Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта: Исследования: Т.1-2. — М.: ООО «Рарогъ», 1993. С. 180–181.

Роль Духа как объединяющего целостного начала проявляется в синтезе Автономии (самозакония, свободы), которой отдается приоритет перед Гетерономией (чужезаконием) как внешней силы, и Предметности, которая по отношению к бездуховному человеку есть также сила внешняя. И лишь дух может претендовать на силу универсальную: одновременно свободную и предметную, жертвенную и преобразующую²⁸. Дух является универсальной живительной силой, способной охватить собой «все сразу». Это сила самоутверждения лучшего всегда, везде и во всем.

Тезис Ильина о том, что человеку дано быть духом (аспект данности), он призван быть духом (аспект заданности) и что в этом основной и священный смысл его жизни (аспект осуществления)²⁹, утверждает значение Духа как основы цельности: конкретного единства данности, заданности и осуществления. Все попытки угасить этот дух обречены. От этого беды человечества.

Обращаясь к безусловным универсальным основам социального бытия, Ильин находит их в *воле* к духу, то есть во внутреннем желании (силе) человека вести духовную жизнь и обеспечивать её другим. Философ предпочитает синтетическую категорию, выражающую особую целостную реальность как единство объективности и субъективности, свободы и необходимости, всеобщности и индивидуальности. Дух — это наиболее реальная и целостная сила, поскольку он есть самоопределяющееся свободное начало (самобытие) в стремлении и осуществлении (аспект формы или способа) к Совершенному (Предметность, высшая данность)³⁰. Дух восстанавливает, побуждает к равновесию или утверждению большей полноценности. Философия может определить его основные составляющие лишь в абстрактно-понятийной форме, а его целостные акты в виде аксиом.

²⁸ См.: там же. С. 51–52, 64–66.

²⁹ См.: Ильин И. А. Путь духовного обновления // Собр. соч. Т. 1. С. 255.

³⁰ См.: там же. С. 51–52, 65–66.

Ильин утверждает необходимость естественности, но особого рода, которая не есть природная неизбежность, но то, что соответствует предназначению, призвано к развитию. То, что еще не дано, но должно стать. Или дано не как сущее, но должное, т. е. в виде данности особого рода — *духовной Предметности*. Её знаки, элементы, начала уже **даны** в виде очевидных духовных основ окружающей жизни, узреть и понять которые можно лишь с помощью духа, особым духовно-религиозным актом и принять как аксиому. *Духовный Предмет* живет во всем или потенциально (наподобие непроявленного негатива, как задание), или актуально (в раскрытии и осуществлении), поэтому можно сказать, что он всеобщ.

Предметно-лучшее есть не субъективно-приятное и удобное, а объективно совершеннейшее в смысле социальном, художественном, нравственном, религиозном. Отсюда и необходимые социальные **формы** или способы осуществления объективных ценностей — это *искусство, мораль, наука, религия (церковь), государство (право), семья, Родина, хозяйство*. Им соответствуют **духовные акты** — художественного вкуса, совести, очевидности, веры, правосознания, любви, патриотизма (национализма) и частной собственности, которые хотя бы в зачатке присущи каждому человеку. Это внутренние силы, осуществляющие связь между сферой человеческой данности и уровнем божественной заданности (являющейся данностью по отношению к самой себе и заданностью по отношению к человеку). Они составляют основу исторического аспекта ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ как способа связи или синтеза между ДАННОСТЬЮ человеческого бытия и его ЗАДАННОСТЬЮ, предназначением.

Высший уровень — план Божественного бытия, реальное сверхмирное Совершенство, представлен соответственно абсолютными объективными ценностями, великими духовными Предметами³¹ — **истиной, красотой, добром,**

³¹ См.: Ильин И. А. О монархии и республике // Собр. соч. Т. 4. С. 444-445.

верой (откровением), свободой, любовью, справедливостью, от которых исходят лучи к человеку в мир. Внешняя парадоксальность Предметности, объективных ценностей, состоит в том, что она есть заданность для человека и вместе с тем данность для Бога, то есть сверхъестественна для человека бездуховного и естественна в своей сверхъестественности для человека духовного. В человеке душа, представленная данным от Бога единством сердца, воли и ума (*начало данности*) призвана стать духовной (*заданность*) через восприятие ими высших ценностей и реализацию их в процессе культурной деятельности (*осуществление*) в виде **художественного творчества, научного поиска, нравственного выбора, искреннего вероисповедания, государственно-правового строительства, брачной жизни и воспитания детей, любви к Родине и защите Отечества**. Душевные воля, ум и чувства человека, соответствующие своему призванию и природе, ведутся Духом и духовными органами — совестью, верой и любовью, которые образуют **три великие движущие силы развития: совестную волю, верующую мысль и чувство любви**³². Лежащие в основе этих высших духовных актов — нераздельные и неслиянные СВОБОДА, ПРЕДМЕТНОСТЬ и ЛЮБОВЬ, выражают саму суть исторического развития и социального бытия собственно в аспекте его *осуществления*. Его абсолютная целостная формула: **Свободная Любовь к безусловно Совершенному**³³, что и составляет собственно *русскую идею*.

Каждая из этих сил, будучи относительно самостоятельной, наиболее полноценна лишь благодаря связям с другими. Это, например, выражается применительно к свободе как способность к автономии, самостоянию, самообязыванию (отношение Свободы к самой себе), по отношению к Предметности — это чувство собственного духовного достоинства, предстояния и служения Богу, ответственности перед ним; по отношению к Любви — чувство

³² См.: Ильин И. А. Путь к очевидности // Собр. соч. Т. 3. С. 424.

³³ Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. С. 97.

взаимного признания, солидарности, уважения и любви к другим людям³⁴.

Все три взаимообусловлены и необходимо дополняют друг друга. Любая неполноценность или искажение в этой системообразующей триаде, представляющей модель культуры человеческой деятельности вообще, преодолеваются и восполняются взаимосвязями между этими силами. Духовные предметные ценности постигаются только через свободное невынужденное самоопределение к Лучшему и Совершенному. Связь с Предметностью, например, выражена в чувствах предстояния, ответственности, служения. Любовь так же немыслима вне духовной Предметности (без этого она слепа), как и вне Свободы, которая если движется гордыней, тщеславием, не способна на жертвенную любовь во имя духовных благ (Истины, Добра, справедливости и т. д.), что приводит к индивидуализму и релятивизму. Осознание и провозглашение верной цели, но без искреннего, волевого или бескорыстного к ней отношения, равно как и страстная, но слепая преданность ошибочным содержаниям, не адекватным реальному предмету, то есть беспредметная свобода и бездуховность, преодолеваются через Любовь. Предметность постигается Свободой через Любовь. Без Любви — сухой догматизм или фанатизм³⁵.

Каждая из этих трех основ выступает в различных исторических аспектах (религиозном, национальном, политическом, хозяйственном и т. п.). Но именно их возрождение и творческое полноценное развитие через их сочетание и примирение — есть **осуществление** законов духа, всякой человеческой жизни и культуры. Свобода без Предметности ведет к безбожию, безверию, волюнтаризму и субъективизму, а без любви — к политическому, экономическому и пр.

³⁴ См.: *Ильин И. А. О сущности правосознания // Собр. соч. Т. 4. С. 310.*

³⁵ См.: *Ильин И. А. О воспитании в грядущей России. Наши задачи // Собр. соч. Т. 2. С. 147--148.*

своекорыстию, эгоизму. В свою очередь, любовь не может быть несвободна, но полноценна, лишь когда предпочитает Лучшее. Любимая формула Ильина: «Не по милу хорош, но по-хорошему мил». А без свободы Предметность — Истина, Добро, Красота теряют свой высший смысл, самодеятельную природу и в условиях тоталитарного внешнего зажима становятся суррогатами или миражами.

Важен тезис Ильина о том, что «наука, искусство, государство, хозяйство — как бы те духовные руки, которыми человечество берет мир»³⁶. Это необходимые данные способы или формы, которые не должны отсекаются или принижаться по причине их несовершенства или неполноты, но, напротив, призваны совершенствоваться, преобразоваться через проникновение в них изнутри живого предметного духа. Наиболее типичная и существенная ошибка состоит в структурно-функциональном смещении тех или иных конкретных элементов и сторон социального бытия и их неадекватном рассмотрении или реального функционирования в аспектах эмпирической данности, исторического осуществления или заданности.

Приведем примеры действия вышеуказанных триад в наиболее значимых для философского наследия И. А. Ильина сферах.

Ильин предпочитает термин *цельность*. Один из аспектов — целить болезни, всякий распад и разброд³⁷. Другая аналогия — с живой водой исцеления и воскрешения из русской сказки³⁸. Это не есть тоталитаризм, который нельзя путать с единством. Здесь исключено духовное насилие, предполагается религиозная автономность и самодеятельность человека. Объективный дух ищет и побуждает к внутреннему душевному единству и органической согласованности.

³⁶ Ильин И. А. Основы христианской культуры // Собр. соч. Т. 1. С. 316.

³⁷ См.: Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. С. 291. Также: Основы художества. О совершенном в искусстве // Собр. соч. Т. 6. Кн. I. С. 71.

³⁸ См.: Ильин И. А. Путь к очевидности // Собр. соч. Т. 3. С. 423.

Однако цельность нельзя путать с целостностью. Последняя есть лишь проекция на уровне данности самой цельности, всегда неполноценна и формируется в лучшем случае в виде целостных систем как единый способ обращения к благу и спасению. Культура же последних столетий вырастает из внутренних разрывов и расколов и наименее религиозна³⁹. «Целостность», системность (но не цельность) могут быть и беспредметны. Современный ему культурный кризис Ильин рассматривает прежде всего как «кризис нецельного духа, расколотого, расщепленного человека». Задача воссоединения в своем собственном существе более важна, чем всевозможные внешние социально-политические и прочие способы и формы объединений. Последние без «живой воды» исцеления не срастутся как мертвые части тел. Воссоединиться сначала должно не «тело», но дух — и для этого исцеления человек «должен выстрадать и вымолить себе благодать Святого Духа»⁴⁰. Важно всегда не просто «научно» определить какую-либо категорию или аспект, но обозначить прежде всего органичные взаимосвязи, найти внутренние корни частей друг в друге, чтобы «облегчить» их воссоединение в единое целое.

Очевидно, что понимание цельности Ильиным очень близко к идее **соборности**. Так, обращаясь к политическим вождям и партиям в связи с вопросом о наилучшей политической форме государства, философ призывает «приобщиться к мудрости, сочетающей духовное видение «единого» с эмпирическим видением «множественного и различного...»⁴¹ Цельность в трактовке Ильина не становится сама по себе абстракцией, несмотря на частую формулировку в виде аксиом духовных актов. Всегда практически ориентированный на решение конкретных самых животрепещущих проблем, Ильин наглядно показывает, что сами эти акты требуют не простого интеллектуализма, но всегда

³⁹ См.: Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта... С. 292.

⁴⁰ Ильин И. А. Путь к очевидности // Собр. соч. Т. 3. С. 423.

⁴¹ Ильин И. А. О сущности правосознания // Собр. соч. Т. 4. С. 291.

конкретного наполнения, творческого осуществления, чувства меры и живого участия, предполагают духовный опыт в самом воспринимающем.

Ильин утверждает, что **политика** есть социальная форма духовной жизни⁴². Отсюда теснейшая связь политики с религией, искусством, этикой, наукой. Первейшая и основная аксиома политики, которая еще не постигнута большинством людей, заключается в том, что право и государство возникают из внутреннего духовного мира человека, создаются для духа и ради духа и осуществляются посредством правосознания. Великое задание — любовь человека друг к другу как преодоление душевного одиночества и обретение подлинного духовного единства имеет свой **целостный СПОСОБ** осуществления, данный от Бога и призванный к совершенствованию, преобразению. Это особая **форма, или способ организации** людей, в которой **осуществляется** подлинное единство в многообразии и есть не что иное, как Нация, Родина, Государство. «Тот, кто говорит о родине, понимает *духовное единство своего народа*. Он понимает нечто такое, что остается сущим и объективным, несмотря на гибель единичных субъектов и на смену поколений. Родина есть нечто *единое для многих*»⁴³, — пишет Ильин, а *«политика есть солидарная деятельность ради единой и общей цели»*⁴⁴. Государство же в его духовной сущности есть не что иное, как Родина, оформленная и объединенная публичным правом, или иначе: множество людей, связанных общностью духовной судьбы и сжившихся в единство на почве духовной культуры и правосознания. Государство есть установление Божие; призвание его в том, чтобы удерживать людей от злых дел угрозою меча, и чтобы одобрять и поддерживать делающих добро⁴⁵.

⁴² Там же. С. 341.

⁴³ Ильин И. А. Путь духовного обновления // Собр. соч. Т. 1. С. 196.

⁴⁴ Ильин И. А. Путь духовного обновления // Собр. соч. Т. 1. Там же. С. 242.

⁴⁵ См.: Ильин И. А. О сущности правосознания // Собр. соч. Т. 4. Гл. 11, 12.

Во взаимоотношениях граждан и государства более всего опасна и противоестественна самой сущности и призванию формальная связь без искреннего патриотизма. Они должны образовывать живое правовое единство — Родину, где государство призвано жить в душе гражданина, а гражданин — интересами и целями государства. Причем государственная жизнь только отражается во внешних поступках людей, а совершается и протекает в их душе; орудием же его является человеческое правосознание⁴⁶.

«Интерес» как *личное переживание* остается множественным и различным (аспект Свободы, автономности); но интерес как *желаемый предмет* — у всех и для всех один (аспект Предметности); и удовлетворить его можно только посредством совместной организованной деятельности (аспект осуществления и Любви). Общность целей, пространства, этноса, национальной культуры ведут к общности средств и путей — способов политической деятельности, а значит к единству жизни, творчества и исторической судьбы. Такое единство Ильин описывает как положение, при котором «каждый нуждается во всех остальных, и все нуждаются в каждом»⁴⁷.

Для Ильина всегда методологически существенно соответствие, равновесие между данной социальной формой (способом организации), её предметным содержанием и органом или способом осуществления. Так, применительно к проблеме государства, это выглядит как соответствие его своему достоинству и призванию только тогда, когда оно создается и поддерживается верным духовным органом, который, в свою очередь, также соответствует своему призванию и достоинству — *здоровым, государственно настроенным правосознанием*⁴⁸. Употребление Ильиным в данном

⁴⁶ См.: Ильин И. А. Путь духовного обновления // Собр. соч. Т. 1. С. 235, 237.

⁴⁷ Ильин И. А. Путь духовного обновления // Собр. соч. Т. 1. С. 242, 243.

⁴⁸ См.: там же. С. 238.

контексте в качестве системообразующих понятий «достоинство» и «призвание» есть выражение взаимосвязи универсальных начал — **Свободы** и **Предметности**, нуждающихся в третьей силе — **Любви**, конкретизируемой применительно к данной политической и государственной сфере как общность, солидарность, совместность и взаимность⁴⁹.

Государство, по Ильину, есть живое единство культуры, власти и исторической судьбы⁵⁰. Борьбе классов противопоставляется их солидарность. Классовая борьба, совпадение частных интересов, конкуренция — все это неустойчивые способы единения. Различные политические объединения должны расходиться не по принципу групповых интересов. Интерес у всех должен быть один — всенародная справедливость, органическое равновесие, сверхклассовая солидарность, защита естественных прав всех слоев. Расхождение лишь в понимании границ разделения на солидарные и частные и способах достижения равновесия. Общей же целью государства может быть только то, что неделимо, то есть **может** принадлежать сразу всем. То же и в отношении нации.

Ильин дает резкую отповедь подходам, где государству отводится минимальная роль и оно противопоставляется свободе личности и праву из-за печального отрицательного исторического опыта. Она же касается и отвергателей «национализма». Суть критикуемого Ильиным подхода состоит в том, что суррогаты или больные проявления здорового и необходимого начала выдаются за главный, неотъемлемый признак этого начала и на этом основании отвергается или принижается все начало целиком. Так, по причине существования в государственности, политике и праве множества злоупотреблений или разжигания расовой ненависти некоторые пытаются отвергать идею государства, права и нации вообще или незаслуженно их принизить. Ильин утверждает, что ни одни человеческие дела ни в одной области жизни не находились всегда на высоте идей и не творили

⁴⁹ См.: там же. С. 243.

⁵⁰ См.: там же. С. 282.

одно благо. Пошлый роман не компрометирует всю литературу, неудачный брак не отвергает ценности семьи, дурные законы свидетельствуют о необходимости их улучшения, а не об отмене законодательства. «Злоупотреблять, как известно, можно всем — не только ядом, но и здоровой пищей...»⁵¹. Напротив, болезнь жизненно важного органа требует внимания к нему и лечения, а не игнорирования и уж тем более не отсечения — иначе смерть всему организму. Иными словами, недовоплощенность задания в процессе осуществления вовсе не означает его отмены, напротив, еще большую насущность, актуальность. Отсюда и одно из любимых слов Ильина «задача» и общее название статей «Наши задачи», являющихся своеобразным манифестом национального правосознания, одновременно программным произведением его политической философии и духовного возрождения Отечества.

Наконец, политическая власть есть **сила** по родовому признаку и правая сила по видовому. Сила вообще есть способность к воздействию и влиянию. Более того, Ильин утверждает, что «сущность жизни состоит в действии и притом целесообразном действии; способность же к такому действию есть *живая сила*»⁵². Причем сила в виде власти становится подлинной энергией, сосредоточенной и организованной в живое единство. Утверждать, что власть не должна быть сильной, дабы не ущемляла пресловутые «права и свободы» (как их Ильин называет свободой от Бога, совести, чести, долга ради разнуздания инстинктов, процветания пошлости и корысти) есть бессмыслица. Это все равно, что сказать «бессильная сила» заливать огонь водой или пытаться поджечь воду, то есть идти против данной природы. Обличаемая Ильиным И. А. мораль непротивленчества злу в идее добра видит элемент любви и не видит элемента духа, поэтому она утверждает как высшую ценность, бездуховную

⁵¹ См.: там же. С. 201, 244.

⁵² Ильин И. А. О сущности правосознания // Собр. соч. Т. 4. С. 292–293.

и противодуховную любовь, которая оказывается безвольной жалостью и совлекает вслед за собою все высшие жизненные ценности на уровень элементарной, инстинктивной душевности.

Другое дело границы, пределы в аспекте **осуществления**, которые уже связаны с **предназначением** и указывают в соответствии с **данной** природой адекватные формы или **способы жизненного осуществления**. На уровне всеобщем в виде аксиом это может быть выражено как нераздельное и неслиянное единство трех начал, своеобразные проекции заданности, данности и осуществления или в историческом аспекте — известные Свобода, Предметность и Любовь. Это необходимые социальные формы, наполняемые конкретным содержанием — своеобразные носители самобытия каждого из начал и вместе с тем связанные друг с другом в духовное **национальное единство, объединенные общим национальным Духом**.

С другой стороны, сила должна быть правой. А о какой Правде может идти речь, если у каждого «правда» своя и объединение предлагается строить на формально-правовой основе? По Ильину, сказать «сильная власть» все равно что сказать «подлинная, живая власть» или «власть, соответствующая своей природе и своему назначению»⁵³. Причем силу власти слагают: правота цели, авторитет, единство, организованность и исполнительность понудительного аппарата. Соответственно, кризис власти будет слагаться из противоположных начал. Это отнюдь не означает, что Ильин — сторонник жестких принудительных мер со стороны государства по отношению к его гражданам. Напротив, чем меньшее напряжение вызывается сверху для большего отклика снизу, тем сильнее власть. Власть сильна своим достоинством⁵⁴. Ключ к разрешению этого «парадокса» в аксиомах власти и правосознания.

⁵³ Ильин И. А. О сущности правосознания // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 4. С. 293.

⁵⁴ См.: Ильин И. А. О сильной власти // Ильин И. А. Собр. соч. М.,

Но эта любовь не слепа и не тоталитарна. В патриотизме акт духовного самоопределения Ильин считает основным. Он расшифровывает его как обретение инстинктом человека духовной глубины (Предметности) и дара духовной любви. Это особая творческая целостность, обращение к предмету с целью отыскания в нем *безусловного достоинства*. Это отдача всего себя (жертва, любовь), потеря и вместе с тем обретение в самом себе способности радоваться совершенству и творить его преобразованием и осуществлением⁵⁵.

Таким образом, концепция Ильина утверждает приоритет духовного ПРЕДМЕТА человеческой деятельности, который может и должен быть главным, СОДЕРЖАНИЕ соответствовать этому главному, а мотивы или ИНТЕНЦИЯ направлены на это главное — так обеспечивается цельность. Там, где это забывалось и забывается, там неминуемое вырождение жизни и приход очищения в виде крушения, кризиса, массовых преступлений, бедствий и мук⁵⁶.

Подлинный *синтез* состоит в любви к совершенству на основе акта сердечного созерцания, а рожденная ею воля (свобода) лежат в основе всей осуществляющейся многообразной культурной жизни. Ему противостоит *дух формального законничества*. Осуществление любых социальных форм должно соответствовать а) своему предназначению (заданности); б) данной природе. Вне этой любви к совершенному «знание становится пародией на знание, искусство вырождается в пустую и пошлую форму, религия превращается в нечистое самоопьянение, добродетель заменяется лицемерием, право и государство становятся орудием зла»⁵⁷.

Так, предметные объективные ценности права можно сделать предметом воли лишь посредством духа. Верное правосознание — это осознание содержания естественного

1993. Т. 1. Кн. 2. С. 318.

⁵⁵ См.: Ильин И. А. Путь духовного обновления // Собр. соч. Т. 1. С. 184.

⁵⁶ См.: Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта... С. 249.

⁵⁷ Ильин И. А. О сущности правосознания. /Подготовка текста и вступительная статья И. Н. Смирнова. — М.: «Рарогъ», 1993. С. 39.

права, то есть превращение единой и объективной правоты в единую и желанную цель жизни. Пробраз «положительного права» — естественное право. Главная неудача — раздвоение правосознания в содержании на естественное и положительное право. Отсюда призыв к восстановлению внутреннего предметного духовного единства. Целостное правосознание есть единство воли к цели права, знание его, осуществление, борьба за него. Нормальное правосознание — это особый способ жизни, предметно и верно переживающий право в его основной идее и его различных видоизменениях. «Право может сохранить свое обязательное, «связующее» значение и, тем не менее, не выполнять своего назначения; так будет в том случае, если между значащим правом и правосознанием возникает рознь и отчуждение... объективное «связующее» значение, но не всегда выполняет свое назначение»⁵⁸. Разрыв между значащим правом (аспект эмпирической данности в значении осуществления) и правосознанием (аспект данности осуществления в значении свободы) приводит к *обессиливанию права* и к *бесправой силе*. Синтез в **правой силе**, когда право обретает творческую жизненную силу правосознающего субъекта, а правосознание обретает предметную основу и объективную верность. Осуществление своего духовного назначения правом возможно «только тогда, когда правосознание стоит на высоте», которая измеряется не только *знанием* права, но и *признанием* его не за страх, а за совесть, не по привычке, а по разумному убеждению.

«Объективное значение естественного права получает два корня: ценностно-предметный, — через связь свою с жизнью духа, и субъективно-жизненный, — через связь свою с личным, самообязывающимся признанием»⁵⁹. Самоопределение человека, признающего обоснованность правила, получает от этого свое истинное, **предметное**

⁵⁸ Ильин И. А. О сущности правосознания... С. 39–40. См.: там же: С. 229.

⁵⁹ Там же... С. 55.

содержание. Судьба естественного права в том, чтобы долго и тщательно ждать от людей самостоятельного и добровольного признания и постоянно получать форму положительного права с тем, чтобы подойти к людям не в собственном предметно-духовном опыте, а в социально-гетерономном виде. Правосознание образует необходимую цельность, своеобразную духовную дисциплинированность инстинкта, которая вызывает в нем живое чувство ответственности и сообщает ему известное чувство меры во всех социальных проявлениях человека. Оно покоится на вере, совести и любви, которые в свою очередь питаются лично-духовными корнями — чувствами правоты, ответственности, справедливости, свободы, уважения к закону, долга, дисциплины и патриотизма.

Триада Предметности, Свободы и Любви в социально-правовой сфере и соответствующем ей акте правосознания выражается в единстве и относительной самостоятельности трех начал, акцентированных в аспектах *Свободы* и *Осуществления*. Во-первых, это то, что **можно**, отражающее силу и меру человеческой свободы, это так называемые полномочия человека, то, что он может и в состоянии осуществить (начало осуществления). Во-вторых, это то, что **должно**, связанное с Абсолютной свободой, это обязанности человека (начало заданности). И наконец, в-третьих, то, что **нельзя** — заграждающая сила от злоупотребления свободой, это запретности (начало данности). Последнее выражает отрицающий лик любви. Человек не призван любить зло или содействовать этому злу. Позиция Ильина по этому вопросу особо знаменательна в свете известной дискуссии вокруг его работы «О сопротивлении злу силою». Ильин подчеркивал, что «осуждению подлежит не меч, а злые и своекорыстные чувства в душе воина». Призывая любить врагов, Христос имел в виду личных врагов, а не врагов Божиих и не кощунствующих совратителей⁶⁰.

⁶⁰ См.: Ильин И. А. Идея Корнилова // Собр. соч. Т. 5. С. 226; См. также: «О сопротивлении злу силою», «Отрицателям меча», ста-

В рамках изучения творчества Ильиным И. А. разработана трехсоставная модель художественного акта, представляющая процесс создания художественного произведения в виде трех последовательных компонентов: высокого сверхчувственного созерцания художественного Предмета (*духовной идеи, священный мимезис как богоуподобление*); чувственного воображения, способного создавать оригинальные образы (*поэзис*); и совершенного материального воплощения (*техно*)⁶¹. Полноценное творчество подразумевает обязательную иерархию: материя подчиняется требованиям образа, а образ — требованиям Предмета, открывающегося в созерцании и олицетворяющего «высшую власть». Благодаря энергии «божественности» Предметов, овладевающих художником, пребывающем в состоянии созерцания, в произведении искусства происходит сочетание художественного образа и эстетической материи. Нарушение иерархии или ущербность компонентов приводит к вульгарности, китчу, штампам, суррогатам и т. п.

Историософские воззрения Ильина также пронизаны православным мирозерцанием и логикой троичности. История человечества рассматривается им из **духа** христианства через призму **задания** для всего человечества в меру **осуществления** его различными народами, политическими силами и конкретными людьми с учетом **данных** свыше исторических условий существования. Мыслитель систематизирует основные духовные соблазны человечества в терминах *миропочитания* как недооценки божественного в угоду земному и *мироотвержения* как недооценки значения мира и человека. Им противостоит христианская идея *миропреображения*. По мнению мыслителя, наиболее ярко это проявилось в отношении к Христу. Соблазн мироотвержения выразился, в частности, в том, что как нередко думали в первые века, **«надо принять Христа и отвергнуть мир**

ть, письма и выступления в пятом томе.

⁶¹ См.: Ильин И. А. Основы искусства. О совершенном в искусстве // Собр. соч. Т. 6. Кн. 1.

(внутри христианства — «нестяжатели», крайние формы аскетизма, а вне христианства это наиболее ярко воплотилось в буддизме). «Цивилизованное» человечество наших дней **принимает мир и отвергает Христа**. А в Средние века Запад выдвинул еще один соблазн: сохранить имя Христа и приспособить искаженный иудаизмом дух Его учения к лукаво-изворотливому и властолюбивому приятию неображаемого мира. Верный же исход в том, чтобы **принять мир вследствие принятия Христа** и на этом построить христианскую культуру...»⁶² Спасение в цельности, утверждает Ильин, которая образуется через Божественную Благодать, связующую Бога и мир. Первый раз через нее явился мир в акте творения. Второй раз через Иисуса Христа произошло воссоединение мира и Бога в Духе. Теперь эта энергия в виде искры Божией, данной человеку, очеловечивается и индивидуализируется, и человек, предаваясь ей, теряет себя в ней, но тем самым и находит себя вновь преображенным. Далее, разжигая в себе целое пламя, человек превращается в негосгораемую купину духа, творит сам, становясь личным светильником Его света. Так человек оправдывает свое существование и освящается в творчестве. Дальнейший путь человека — внести этот дух во все сферы человеческого бытия.

Служение России состоит в стяжании общего *религиозно-православного Иоаннова духа любви и свободы*, объединяющего историческую Церковь, национальное самочувствие и государство, в духовном преображении светского *национального самосознания, национально-светской культуры и национально-светской цивилизации*.

⁶² Ильин И. А. Основы христианской культуры // Собр. соч. Т. 1. С. 314.

Табл. Реконструкция аксиологической модели бытия согласно И. А. Ильину

<p>Ценностные константы</p> <p>Уровни бытия (иерархичность)</p>	<p>Субъективные ценности</p> <p>СВОБОДА (данность человеку от Бога)</p>	<p>Социокультурные ценности и соответствующие им институции и способы деятельности</p> <p>ЛЮБОВЬ (осуществление как очевидность и преображение на основе внутреннего сердечного созерцания и целостных благодатных творческих актов)</p>	<p>Объективные ценности</p> <p>ПРЕДМЕТНОСТЬ (заданность человеку от Бога)</p>
<p>Высший уровень «Духовный»</p>	<p>Духовные потребности:</p> <p>Цельность →</p> <p>Справедливость →</p> <p>Любовь →</p>	<p>Духовная культура:</p> <p>Религия (<i>вера</i>), Философия (<i>разум</i>)</p> <p>Государство и политическая культура (<i>на основе аксиом власти и правосознания</i>)</p> <p>Семья (<i>брак и род</i>), Патриотизм (<i>родина, народ, историческая память, культурное наследие</i>), Творчество, Воспитание, Индивидуальность (<i>духовно-нравственная культура личности</i>)</p>	<p>Абсолютные ценности (Бог, благодать)</p>

<p>Средний уровень (сознание) «Душа»</p>	<p>Психогенные потребности:</p> <p>Ум</p> <p>Чувства</p> <p>Воля</p>	<p>Научная культура (наука — рациональность, понятийность,)</p> <p>Эстетическая культура (искусство — идейность, художественность, образность, символичность, мастерство)</p> <p>Нормативная культура (мораль, обычай, право — действие, регулятивность)</p>	<p>Истина</p> <p>Красота</p> <p>Добро</p>
<p>Низший уровень (физический) «Тело»</p>	<p>Биогенные потребности:</p> <p>в воздухе, воде, благоприятной температуре, пище, отдыхе, материальных ресурсах, продолжении рода и т. п.</p>	<p>Материальная культура общества и человека:</p> <p>(средства производства, технологии, предметы потребления, квалификация, отношения собственности, обмена, распределения, потребления, физическое здоровье и культура тела)</p>	<p>Природная среда:</p> <p>пространство, ресурсы, климат, флора, фауна, телесные дары и т. п.</p>

1.2. Служить высокому, несмотря ни на что

Жизненное кредо Ильина: «Где бы я ни находился — я служу». И не просто хозяину или начальнику, а Высокому и Вдохновенному. «Ведь все мы — от подметальщика улиц до высшего чиновника, от фабриканта до ученого — не машины проклятого долга, не рабы или галерные арестанты, не равнодушные поденщики мира, не трутни Божьи. Мы призваны смотреть в суть своей работы, думать о живом и творческом смысле своего труда. Тогда имеет смысл жить и работать, не механически крутя шарманку, а одухотворенно и творчески». Благодаря высокому служению «наше сердце, наша воля проникают в самые глубокие слои жизни и труда, для которого только имеет смысл жить: мы творим исходя из нашего самого существенного для вечной сущности нашего народа. Тем самым преодолевая и устраняя обоих врагов: рабское безразличие и личную корысть»⁶³. Верность долгу идет из сердца и теряет налет обязательности. Возникает чувство настоящей ответственности, тяга к созиданию и отрицание всего уродливого, несправедливого, фальшивого, низкого и мелкого.

Всё это закрепляется в укладе бессознательной духовности и национального характера. «Покажи мне, как ты веруешь и молишься; как просыпаются у тебя доброта, героизм, чувство чести и долга; как ты поешь, пляшешь и читаешь стихи; что ты называешь «узнать» и «понимать», как ты любишь свою семью; кто твои любимые вожди, гении и пророки, — скажи мне все это, а я скажу тебе, какой нации ты сын; и все это зависит не от твоего сознательного произвола, а от духовного уклада твоего бессознательного»⁶⁴. Укрепление воли, воображения, творческих замыслов сердца осуществляется благодаря воспитанию, приобщению к национальному духовному опыту и обогащению следующими

⁶³ *Ильин И. А.* Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий. VII. Наставления // Собр. соч. Т. 3. С. 181.

⁶⁴ *Ильин И. А.* Путь духовного обновления // Собр. соч. Т. 1. С. 202.

сокровищами национальной культуры: язык, песни, молитва, сказки, жития святых и героев, поэзия и литература, история, армия, земля (природа и территория), хозяйство (труд)⁶⁵.

Вот как И. А. Ильин понимал, например, значение армии для высшего служения:

«Армия есть сосредоточенная волевая сила моего государства, оплот моей родины; воплощенная храбрость моего народа, организация чести, самоотверженности и служения — вот чувство, которое должно быть передано ребенку его национальным воспитателем. Ребенок должен научиться переживать успех своей национальной армии как свой личный успех; его сердце должно сжиматься от её неудачи; её вожди должны быть его героями; её знамена — его святынею. Сердце человека вообще принадлежит той стране и той нации, чью армию он считает своею. Дух воина, стоящего на страже правопорядка внутри страны и на страже родины в её внешних отношениях, отнюдь не есть дух «реакции», «насилия» и «шовинизма», как думают иные даже до сего дня. Без армии, стоящей духовно и профессионально на надлежащей высоте, — родина останется без обороны, государство распадётся, и нация сойдет с лица земли. Преподавать ребенку иное понимание, значит содействовать этому распаду и исчезновению»⁶⁶.

«Все великое заложено глубоко; оно зреет медленно; требует людей с глубокими чувствами и твердой волей, — писал И. Ильин, — людей, имеющих потребность в окончательной крепости своих убеждений и чувствующих себя только тогда хорошо, когда знают, что их поддерживает верность»⁶⁷. По Ильину, верность — великое созидательное чувство, ибо она «идет изнутри и предполагает цельность души... Если

⁶⁵ См.: Ильин И. А. Путь духовного обновления // Собр. соч. Т. 1. С. 202.

⁶⁶ Ильин И. А. Путь духовного обновления // Собр. соч. Т. 1. С. 207.

⁶⁷ Ильин И. А. Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий. VII. Наставления // Собр. соч. Т. 3. С. 185.

человек целен, он обладает одним-единственным духовным центром, который и определяет его жизнь; тогда он склонен к верности...» Напротив, если в душе человека несколько «бессильных» центров, соперничающих друг с другом, он колеблется, он аморален, он рассыпается духовно и склонен к измене и предательству. «Но верность — это то духовное единство, та духовная «тотальность», из которой рождается внутренняя уверенность верного». Человек становится стойким, уверенным в своей правоте, последовательным в действиях, надежным во всех испытаниях.

В критической исторической ситуации проявляется приоритет общественных ценностей над индивидуальными устремлениями личности. Война зовет людей к общему делу, и самое главное, что это общее дело содержит требование отдать за него жизнь. Именно возникающее здесь противоречие между индивидуальным стремлением к самосохранению и готовностью к самопожертвованию проверяет обоснованность бытия человека. Индивидуальность личности становится значимой, обоснованной только перед лицом смерти: «Война учит нас всех — призванных под оружие и не призванных — жить так, чтобы смерть являлась не постылым и позорным окончанием озлобленного и хищного прозябания, но естественным увенчанием жизни, последним, самым напряженным, творческим актом ее; чтобы действительно каждому стоило защищать дело его жизни хотя бы ценою мучений и смертью. И это простое правило сосредотачивает в себе всю вековую нравственную мудрость человечества»⁶⁸. Эта мысль окажется настолько важной для Ильина, что он воспроизведет её без значительных изменений во многих своих работах, а в поздней книге — «Поющее сердце. Книга тихих созерцаний» — посвятит ей отдельную главу. В разработке этой темы Ильин чрезвычайно близок к экзистенциализму, с его пониманием смерти как «пограничной ситуации», в которой открывается

⁶⁸ Ильин И. А. Духовный смысл войны // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 9–10. С. 15.

подлинная основа нашего бытия — наша абсолютная свобода. Однако нужно подчеркнуть и существенную особенность взглядов Ильина: у него готовность к смерти обосновывает бытие личности только потому, что доказывает её «укорененность» в надчеловеческой общности; «война учит нас жить всегда так, чтобы быть готовым встать на защиту того высшего, которое мы любим больше себя».

Цельность философии Ильина и понимание духовно-нравственных основ служения России выявляется в соединении православной религиозности и решении практических задач социального служения, неразрывности национальной и индивидуальной жизни. Это конкретное воплощение русской идеи, которая есть идея *сердца, свободы и предметности* или иначе: *свободно и предметно созерцающая любовь и определяющаяся этим жизнь и культура*.

Далее сопроводим это важнейшее положение несколькими выдержками из работ И. А. Ильина⁶⁹:

«...во всяком благом деле есть некоторое высшее, сверхличное задание, предметная цель, придающая высший смысл всему тому, что Пушкин обозначал словами «жизни мышья беготня», и указующая человеку, что и как надлежит ему делать. Это и есть то Дело, которым воистину стоит жить, за которое стоит бороться даже до смерти и за которое стоит умереть. Человек, проникающийся этим смыслом, работающий во имя этого Дела, чувствует себя предстоящим, ответственным, включившимся и включенным в некий предметный «кадр» и «фронт». То, что он делает, оказывается уже не службой, а служением. Он носит в своем сердце идею и знает, что такое идейный пафос, т. е. вдохновение, поднимающее личные силы и расширяющее личные возможности. Он сразу поймет, если мы скажем, что служение окрыляет его, или если мы вспомним восклицание Суворова: «Господа офицеры, какой восторг!»... В устах Суворова это слово «восторг» отнюдь не было ни преувеличением, ни аффектацией:

⁶⁹ Ильин И. А. Путь духовного обновления. О национализме. О соблазнах // Собр. соч. Т. 1. С. 196–217.

оно точно выражало то самое, что он разумел и переживал сам, и что он хотел передать другим... — окрыленный подъем души, созерцающей совершенство. То, что составляет самую сущность Христианства

...совестная воля неустанно зовет человека к исканию, обретению и осуществлению самого лучшего, совершенного душевного строя и доступно наилучшего исхода из каждого жизненного положения. Она зовет к тому, чтобы увидеть высший смысл своей жизни, чтобы найти себе сверхличное задание, свою предметную цель, чтобы преобразить «дела» в «Дело» и «службу» в Служение; чтобы всегда чувствовать себя ответственным и предстоящим, включившимся и включенным в духовно-предметный «кадр» и «фронт»; чтобы приобщиться счастью идейного пафоса и тому окрыленному подъему души, который дается ей именно от созерцания совершенства.

Это означает, что религиозность человека отнюдь не кончается вместе с воскресным богослужением, а развертывается в жизни и захватывает всю его деятельность. И первое, что она делает, — она обновляет внутренние мотивы, т. е. движущие силы его жизни. Она противопоставляет психологию предметного служения — психологии личного успеха и добыче. Он делает человека непродажным, но целостно-предметным»⁷⁰.

«Каждое существо на земле и каждое тело человеческое имеет некоторую цель, которой оно и служит. При этом можно иметь в виду чисто субъективную цель, зовущую человека к удовлетворению его личных потребностей и ведущую его к личному успеху в жизни. Но можно иметь в виду и объективную цель, последнюю и главную цель жизни, по отношению к которой все субъективные цели окажутся лишь подчиненным средством. Это есть великая и главная цель человека, осмысливающая всякую жизнь и всякое дело, цель, на самом деле прекрасная и священная, — не та, ради

⁷⁰ Ильин И. А. О предметности и продажности. Наши задачи // Собр. соч. Т. 2. С. 108–110.

которой каждый отдельный человек гнется и кричит, старается и богатеет, унижается и трепещет от страха, но та, ради которой действительно стоит жить на свете, ибо за нее стоит бороться и умереть. Для животного такою целью является продолжение рода, и в служении этой цели мать-самка отдает свою жизнь за детеныша. Но у человека есть более высокая, духовно верная цель жизни, на самом деле и для всех драгоценная и прекрасная или если собрать все эти определения в простой и скромный термин — Предметная.

Человеку стоит жить на свете не всем, а только тем, что осмысливает и освящает его жизнь и самую его смерть. Всюду, где он живет несостоящим, — пустыми удовольствиями, самодовлеющим накоплением имущества, кормлением своего честолюбия, служением личным страстям, — словом, всем, что непредметно или противопредметно, — он ведет жизнь пустую и пошлую и всегда предаст свою цель, как только встанет выбор между этой пустой целью и самой жизнью. Ибо он сейчас же рассудит так: спасу жизнь — останется надежда на удовольствия и приятности; погибну за удовольствия и за богатство — утрачу и их, и жизнь. Но если у человека есть предметная, священная цель жизни, то он мыслит обратно: если предам мою предметную цель, то потеряю и самый смысл жизни, а на что мне жизнь без смысла и святыни?.. — такая жизнь мне не нужна, а предметная цель священна и необходима и тогда, если моя личная жизнь на земле прервется...»⁷¹

«И вот христианство выговорило эту тайну религиозного опыта и укоренило души людей не в силу и мощь (ветхозаветное представление), не во внешнюю красоту (религия древних греков), не в магический государственный обряд (религия Древнего Рима) и не в успех земных дел (протестантизм), а в объективно сущее Совершенство, которое обретается любовью. Религиозный опыт при всем его

⁷¹ Ильин И. А. О воспитании в грядущей России. Наши задачи // Собр. соч. Т. 2. С. 182.

многообразии заключается в воле к совершенному, в благоговении перед ним и в верности ему...»⁷²

«Здоровое правосознание... есть нечто более широкое и глубокое, чем «сознание» как таковое. В правосознании участвует не только «знание» и «мышление», но и воображение, и воля, и чувство, и вся человеческая душа. Недостаточно верно знать свои правовые полномочия, обязанности и запретности; бывают люди, которые отлично знают их и постоянно злоупотребляют этим знанием для того, чтобы превысить свои полномочия, преуменьшить свои обязанности и сложить с себя запретности. Необходимо не только знать все это, но и *признавать* в порядке *самомнения* и, признавая, иметь достаточную силу воли для того, чтобы *соблюдать признанное*. Надо обратиться к своему *инстинкту* и *приучить* его к «законопослушности» или «лояльности», а это удастся только тому, в ком живет *духовность инстинкта*, достаточно сильная и определенная, чтобы усвоить *духовный смысл права*, его цель и его назначение.

Напрасно думать, будто дух и инстинкт враждебны друг другу, будто *дух и инстинкт* не совместимы и находятся в вечной борьбе. Это не соответствует действительности. Конечно, бывают люди, почти не живущие духом, безразличные к духовному началу и духовным содержаниям; они живут духовно-безразличным инстинктом, которому и следует вся их деятельность. Но и у них дух может внезапно загореться в глубине инстинкта и привести их к необычайным для них проявлениям совести, молитвы, художественно верного выбора, чувства права или справедливости, милосердия, щедрости и любви. А задача верного воспитания состоит именно в том, чтобы с детства пробудить в человеческом инстинкте духовное начало и притом не в смысле дисциплинарно навязанного обыкновения, а в смысле *свободной радости и свободного предпочтения*.

⁷²Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта: в 2 т. — М.: Русская книга, 1993. Т. 1. С. 66.

Где-то, в глубине бессознательного, живет священная способность человека отличать *лучшее от худшего*, предпочитать именно лучшее, радоваться ему, желать его и любить его. С этого и начинается духовность человека, в этом и состоит жизнь духа. При этом, говоря о «лучшем», надо разуместь не субъективно-приятное или удобное, а *объективно-совершеннейшее*, в смысле художественном, нравственном, социальном и религиозном. Человеку дано от Бога и от природы некое *инстинктивное чувствилище для объективно-лучшего*; и воспитать ребенка, значит пробудить и укрепить в нем на всю жизнь его инстинктивное чувствилище. В искусстве это называется художественным чутьем или «вкусом», в нравственности — совестью, или чувством справедливости, или еще органической добротой души; в науке — чувством истины или, иногда, очевидностью; в религии — жаждой Совершенства, молитвою или, иногда, Бого-созерцанием; в общественной жизни это выражается в здоровом и крепком правосознании»⁷³.

«...Во всяком жизненном деле, где *личное своекорыстие* сталкивается с *интересом дела, службы, предмета, совесть* является *главную силою, побуждающею человека к предметному поведению*; поэтому там, где совесть вытравляется из жизни, ослабевает чувство *долга*, расшатывается *дисциплина*, гаснет чувство *верности*, исчезает из жизни начало *служения*; повсюду воцаряются *продажность, взяточничество, измена и дезертирство*; все превращается в *бесстыдное торжище*, и жизнь становится невозможной...

...Вот почему я утверждаю, что совесть есть не только источник праведности и святости, но и *живая основа элементарно упорядоченной или тем более расцветающей культурной жизни*. Совесть есть то светящееся лоно, из которого исходят, пронизывая всю жизнь, лучи *качественности, ответственности, свободы, справедливости, предметности, честности и взаимного доверия*. И если бы однажды

⁷³ Ильин И. А. О сущности правосознания // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 4. С. 230–231.

злому духу в ночи удалось погасить в душах спящих людей все лучи совести, хотя бы на сравнительно короткое время, то на земле воцарился бы такой ад, о котором самые злые сновидения не могли бы дать нам верного представления»⁷⁴.

Ильин пишет, что «личная духовность в России всегда имела свободное дыхание в области веры, ибо Православие (в отличие от протестантизма, утратившего веру в личное бессмертие человека) всегда утверждало лично бессмертную и лично ответственную душу и (в отличие от католицизма, строящего свою веру на воле, дисциплине и гетерономии) всегда культивировало тайну личного восприятия Бога, личного созерцания святости и личного, автономного совестного делания. Россия не знала инквизиционной системы и системы истребления еретиков: православно верующий был по самой идее своей призван к религиозному самостоянию и личному строительству своей веры — и если это осуществлялось недостаточно (и со стороны верующих, и со стороны церкви), то идея православия и задание его от этого не менялись»⁷⁵.

Для Ильина «Родина есть дух народа во всех его проявлениях и созданиях; национальность обозначает основное своеобразие этого духа. Нация есть духовно своеобразный народ; патриотизм есть любовь к нему, к духу, его созданиям и к земным условиям его жизни и цветения»⁷⁶.

«Истинный национализм есть как бы завершительная ступень в духовном восхождении. И в нем, как в фокусе, собираются все другие духовные лучи. Почему ныне появились люди, сомневающиеся в правоте национализма? Потому что они представляют себе национализм в отрыве от веры, как проявление земной, обособляющейся гордыни; в отрыве от любви, как воплощение самомнения и жадности;

⁷⁴Ильин И. А. Путь духовного обновления // Собр. соч. Т. 1. С. 114–115.

⁷⁵Ильин И. А. Возникновение и преодоление большевизма в России. Наши задачи // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 1. С. 315.

⁷⁶Ильин И. А. Путь духовного обновления // Собр. соч. Т. 1. С. 208.

в отрыве от свободы, как воинственное стремление поработить все иные народы; в отрыве от совести, как системы агрессивности, кровожадности и хищности; в отрыве от органической семейственности, как произвольную и неискреннюю выдумку; в отрыве от патриотизма, как начало противодуховное и противокультурное... Кто же виноват в этих заблуждениях? Позволительно ли молчать при виде этого соблазна?»⁷⁷.

«Что бы ни случилось с моим народом, — пишет Ильин, я знаю верою и ведением, любовью и волею, живым опытом и победам и прошлого, что *мой народ не покинут Богом*, что дни падения преходящи, а духовные достижения вечны, что тяжкий молот истории выкует из моего народа духовный меч, именно так, как это выражено у Пушкина:

Но в искушеньях долгой кары
Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.

Любить свой народ и верить в него, верить в то, что он справится со всеми историческими испытаниями, восстанет из крушения очистившимся и умудрившимся, не значит закрывать себе глаза на его слабости, несовершенства, а может быть, и пороки. Принимать свой народ за воплощение полного и высшего совершенства на земле было бы сущим тщеславием, большим националистическим самомнением»⁷⁸.

Ильин констатирует: «...задача совсем не сводится к тому, чтобы установить инстинктивную необходимость и эмпирическую целесообразность “патриотического настроения”. Любовь к родине должна быть духовно оправдана и обоснована, а все то, что доселе установили, есть не более, чем ряд соображений о жизненно-бытовой

⁷⁷ Ильин И. А. Путь духовного обновления // Собр. соч. Т. 1. С. 282.

⁷⁸ Ильин И. А. Путь духовного обновления. О национализме. О соблазнах // Собр. соч. Т. 1. С. 197–198.

пользе патриотизма. Мы совсем еще не подошли к последнему и глубочайшему источнику любви к родине, который действительно дает христианину основание и право поставить свой патриотизм на первое место, а вселенскому гражданству отвести второе, осуществляя это и чувством, и волею, и поступками. Дело не в том, что нам навязывает природа и история; они могут навязывать нам и духовно неприемлемые вещи (напр., людоедство в эпоху голода, панику на тонущем корабле и т. п.). Дело в том, чтобы вскрыть духовную и религиозную правоту патриотизма. А для этого необходимо показать, что любовь к родине есть творческий акт духовного самоопределения, верный перед лицом Божиим и потому благодатный. Только при таком понимании патриотизм и национализм могут раскрыться в их священном и непререкаемом значении; только при таком освещении инстинктивная необходимость и историческая целесообразность — все эти соображения об опасности, солидарности и взаимной обороне — получают свое главное и последнее обоснование»⁷⁹.

Верность России можно нарушить и утратить на разных путях и в различных формах. И первая форма этого, по Ильину, есть отчуждение и забвение.

Насколько разоблачительно звучат его слова сегодня в отношении «перелетных птиц», которые «улетели» за Запад после начала СВО, имея там свои капиталы «про запас» и мечта о возврате к «лихим 90-м» или «тучным нулевым»:

«Спросим себя и друг друга; — верны ли России те, кто забывают её язык? И еще спросим: верны ли России те, в ком угасает её живой дух и её культура? Нам приходилось встречать в эмиграции людей, которые помнят два-три петербургских вида, свой домик в Тамбове или Твери или вид с Жигулей на Волгу. Но они не знают, кто был Владимир Мономах, что сделал для России Жуковский, в чем заслуги Сперанского и Столыпина и в чем своеобразие русской песни, русской

⁷⁹Ильин И. А. Путь духовного обновления. О национализме. О соблазнах // Собр. соч. Т. 1. С. 175.

живописи и русской музыки... Они не читают по-русски и не берегут русскую книгу. Россия для них — прошлое, отжившее, полузабытый сон, перевернутая страница...

Все это — еще не отречение и не измена, а только утрата, забвение и отчуждение. Это беда денационализации. Отречение приходит через интернационализацию.

Спросим же себя: блюдем ли мы верность России, вступая в интернациональные организации и обязуясь подчиняться их указаниям? Могу ли я, вступая во Второй (Социалистический), или в Третий (Коммунистический), или же в Четвертый (Троцкистский) Интернационал, блюсти свое независимое русское служение? Принимая на себя «антропософские» или иностранно-фашистские обязательства, что оставляю я для своей родной страны? Нам приходилось встречать в эмиграции людей, которые, спасаясь от трудных условий жизни, становились анабаптистами или католиками и начинали нести о России и о Православии такую зорную ложь, что русское сердце замирало от стыда и негодования... Это была уже не «беда забвения», а дело сущего отречения. Это был уже прямой уход от России и переход к её недругам.

Но есть и худшее — это прямая измена. Спросим только себя: добровольно и не за страх принимая на себя подданство враждебной державы, что сохраняю я для своего отечества? Верность? Подготавливая расчленение России и разделение её территории между соседями, имею ли я право и основание считать себя русским? И если — нет, то кем же я становлюсь? Не иностранцем ли, извлекающим выгоду из своей бывлой русскости?

Допросим же сами себя — о себе — по всем этим пунктам и предоставим будущим русским национальным правителям и историкам — решить этот вопрос применительно к другим»⁸⁰.

Нельзя не привести здесь следующий отрывок из Ильина:

⁸⁰ *Ильин И. А. Верность России. Наши задачи // Ильин И. А. Собр. соч. М., 1993. Т. 2. Кн. 1. С. 325–326.*

«Россия держалась и строилась памятью о Боге и пребыванием в Его живом и благодатном дуновении. Вот почему, когда русский человек хочет образумить своего ближнего, он говорит ему: «Побойся Бога!» — а укоряя, произносит слова: «Бога в тебе нет!» Ибо имеющий Бога в себе носит в своей душе *живую любовь и живую совесть*: две благороднейшие основы всякого жизненного Служения, — священнического, гражданского и военного, судейского и царского. Это воззрение исконное, древнерусское...

...Здоровая государственность и здоровая армия невозможны без чувства собственного духовного достоинства, а русский человек утверждал его на вере в свою бессмертную, Богу предстоящую и Богом ведомую душу: вот откуда у русского человека то удивительное религиозно-эпическое и спокойное восприятие смерти — и на одре болезни, и в сражении, которое было отмечено не раз в русской литературе, в особенности у Толстого и Тургенева.

Но здоровая государственность и здоровая армия невозможны и без верного чувства ранга. И прав был тот капитан у Достоевского, который ответил безбожнику: «Если Бога нет, то какой же я после этого капитан?» Творческая государственность требует еще *мудрости сердечной и вдохновенного созерцания* или, по слову Митрополита Филарета, сказанному во время коронавания Императора Александра II — она требует «наипаче таинственного осенения от Господня Духа владычного, Духа премудрости и ведения, Духа совета и крепости.

Этим духом и держалась Россия на протяжении всей своей истории, и отпадения её от этого духа всегда вели её к неисчислимым бедам. Поэтому верить в Россию, значит принимать эти глубокие и великие традиции, — *её воли к качеству, её своеобразия и служения*, укореняться в них и уверенно строить на них её возрождение»⁸¹.

⁸¹ Ильин И. А. Почему мы верим в Россию. Наши задачи // Ильин И. А. Собр. соч. М., 1993. Т. 2. Кн.1. С. 107–108.

Ильин обращается к своеобразному и тому лучшему, что задано свыше и осуществлялось в народной душе: «Русский человек верил и верит любовью, молится сердцем, свободно читает Евангелие; и авторитет Церкви помогает ему в *его* свободе и научает его свободе, раскрывая ему духовное око, а не пугая его земными казнями во «избежание» потусторонних. Русская благотворительность и «нищелюбие» русских Царей — шли всегда от сердца и доброты. Русское искусство все целиком выросло из свободного сердечного созерцания: и парение русской поэзии, и мечты русской прозы, и глубина русской живописи, и искренний лиризм русской музыки, и выразительность русской скульптуры, и одухотворенность русской архитектуры, и прочувствованность русского театра. Дух христианской любви проник и в русскую медицину, с её духом служения, бескорыстия, интуитивно-целостного диагноза, индивидуализации пациента, братского отношения к страдающему; и в русскую юриспруденцию с её исканием справедливости; и в русскую математику с её предметной созерцательностью. Он создал в русской историографии традиции Соловьева, Ключевского и Забелина. Он создал в русской армии — традицию Суворова, а в русской школе традицию Ушинского и Пирогова. Надо увидеть сердцем ту глубокую связь, которая соединяет рускоправославных Святых и Старцев с укладом русской, *простонародной и образованной души*. Весь русский быт — иной и особенный, потому что славянская душа укрепила свое сердце в заветах Православия. И самые русские инославные исповедания (за исключением католицизма) восприняли в себя лучи этой свободы, простоты, сердечности и искренности»⁸².

⁸² Ильин И. А. О православии и католичестве. Наши задачи // Ильин И. А. Собр. соч. М., 1993. Т. 2. Кн. 1. С. 394.

1.3. О сопротивлении злу силой

Не случайно носителям православного меча, добровольцам русского государственного тягла, живущим «православной рыцарской традицией, которые жизнью и смертью утвердились в древнем и правом духе служения, соблюли знамена русского Христолюбивого Воинства», Ильин И. А. посвятил свою знаменитую книгу «О сопротивлении злу силой». Здесь мыслитель черпал силы и чаял источник своего нового видения в религиозной и государственной мудрости русского Православия, в наследии предков, строивших святую Русь.

Мыслитель констатировал, что зло в XX веке открыто узаконило себя, сформулировало свои догматы и каноны, восхвалило свою, не скрытую более природу и явило миру свое духовное естество. С другой стороны, оно получило поддержку в своей мнимой противоположности. Таким учением оказалась доктрина непротивленчества — учение, узаконивающее слабость, возвеличивающее эгоцентризм, потакающее безволию, снимающее с души общественные и гражданские обязанности и, что гораздо больше, трагическое бремя мироздания. Такое учение рассчитано было на успех среди людей, особенно неумных, безвольных, малообразованных и склонных к упрощающему, наивно-идеалистическому мирозерцанию. Придавая ложную видимость согласия с духом Христова учения, оно отравляло русскую религиозную и политическую культуру.

Митрополит Антоний (Храповицкий), занявший сторону Ильина в связи с развернувшейся полемикой вокруг труда философа, приветствовал его мысли и книгу, полагая, что тот «глубоко и всесторонне понимает христианское учение о степенях совершенства и смотрит правде в глаза без замалчивания». В частности, митрополит писал: «Недостойное отношение к Св. Писанию проявили и мизерные, нанятые критики книги г. Ильина по поводу его ссылки на слова Апостола Павла: «Всяка душа влаstem предержавшим да повинуется». Они требовали ссылки на «первоисточник

Откровения» — слова Христовы — и злорадно предупреждали, что соответствующих слов найти невозможно, ибо Христос сказал: «Не убий»⁸³.

Другой защитник Ильина, А. Билимович, отвечал его критикам: «Куда девалась их христианская любовь и незлобивость, на которые они так усиленно ссылаются? Почему эти люди считали в свое время моральной и христианской, например, «Думу народного гнева», а призыв Ильина к священной борьбе считают кощунством? Почему требующие

⁸³ *Митрополит Антоний*. О книге И. Ильина («О сопротивление злу силой») // И. А. Ильин: pro et contra. Личность и творчество Ивана Ильина в воспоминаниях, документах и оценках русских мыслителей и исследователей. Антология. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2004. С. 644–645.

И. А. Ильин, по мнению митрополита Антония, «ясно и определенно указал на ложь и лицемерие непротивленцев, могущих продолжать свое существование только благодаря наличности армии и полиции во всяком культурном народе, а следовательно, ответственных за те карательные законы, которые действуют в их стране. Не все граждане палачи, не все сражаются на войне, но без армии и палачей они бы не могли жить в безопасности, и следовательно, если война и казнь грех, то это грех всех. Вот эту истину И. А. Ильин выясняет со всею ясностью: если не казнить нераскаянных злодеев, то они будут казнить мирных граждан; все это знают, все непротивленцы, пережившие революцию последних лет. Эту совершенно ясную мысль автор подкрепляет философскими и психологическими основаниями, справедливо доказывая, что человек не есть индивидуальный только субъект, но связан в добре и зле со всеми: «Ни добро, ни зло не имеют в жизни людей чисто личного или частного характера. Всякий добрый, независимо даже от своих внешних поступков, добр не только про себя, но и для других; всякий злой, даже если он злится только про себя, зол, вреден и ядовит для всего человечества» (с. 147). Вот почему в живом общении людей каждый несет в себе всех и, восходя, тянет всех за собою, и падая, роняет за собою всех (с. 148). Мысли эти, конечно, давно высказаны еще ап. Павлом и отцами Церкви и в последнее время Достоевским, но Л. Н. Толстой совершенно бездоказательно отверг их и заявил уверенно, но неосновательно, что он не обязан защищать жертв злодея силой потому, что отвечает за свою собственную деятельность». (И. А. Ильин: pro et contra... 2004. С. 645–646.

сейчас христианской любви сотрудники «Современных записок» не вспоминали об этой любви, когда их товарищи по журналу, если не по партии, признавали возможным бросать бомбы в выходящих из церкви губернаторов, разрывая при этом ни в чем не повинных молящихся. Вот эти две мерки у рассматриваемых писателей уничтожают всякое доверие к их писаниям и ссылкам на христианство»⁸⁴.

Здесь прямая параллель с сегодняшним днем в оценке ситуации на Украине и Ближнем Востоке тех «миротворцев» либералов-западников, которые поддерживают режим Зеленского, политику Израиля, обвиняют Россию, Палестину, Сирию и Иран в агрессии, терроризме, авторитаризме, а сами оправдывают насилие в отношении народов, вплоть до их полного уничтожения. Если оставаться в логике формального права и лицемерной («двойной») морали, дискредитируя право и мораль как таковые, руководствоваться лишь «национальными интересами» участников конфликта без обращения к глубинным духовно-нравственным корням противостояния, то *Неправая Сила* может победить *Бессильную Правду*, представив ситуацию зеркально, с точностью до наоборот, что, собственно, сейчас и происходит благодаря современным *ударным* технологиям массмедиа. Последние способны не просто отражать реальность, зеркально переворачивая её, но, говоря словами Маяковского В. В., могут быть *молотом, её формирующим* (сказано революционным поэтом про искусство).

Чтобы *Правда* нашла *Силу* и стала *Правой Силой*, способной победить, то есть духовно *преобразить действительность*, а не жестоко подчинить её своей воле или ей рабски покориться, необходимо осмысление всех сторон человеческого бытия на почве верного **правосознания**, имеющего верную духовно-нравственную природу. А это область святого, высокого, незапятнанного, реально-жизненного, **со-вершенного** (в смысле не только идеально-образцового,

⁸⁴А. Билимович. Критикам И. А. Ильина // И. А. Ильин: pro et contra... 2004. С. 755.

но прежде всего **со-вершаемого**) в своем историческом осуществлении (служении), исходя из абсолютной (божественной) заданности. В таком радостном целостном принятии данности бытия как великого дара и возможности преображения, а не как обузы или наказания, видится начало подлинного **служения**.

Вот цитаты Ильина из ответов на критику своей книги тем, кто, по его словам, не желает ничего почувствовать и додумать и малодушно укрывается от глубокой и сложной проблемы или тем, чья тактика «есть бессовестная демагогия, разжигание дурных страстей, ложь, подкуп, угашение духовности, поругание святынь, террор и грабеж».

«...Все мое исследование доказывает, что меч не «свят» и не «праведен»; что Крест не меч и что меч не есть оружие Христа; что понуждения и меча абсолютно недостаточно для борьбы со злом; что зло и злой человек совсем не одно и то же и т. д... я подробно выясняю различие, во-первых, между «принуждением», «понуждением» и «насилием» и, во-вторых, между «неправедностью» и «грехом»»⁸⁵.

«...Подумайте только: русская интеллигенция девятнадцатого века гуманнее апостола Павла и преподобного Сергия, милосерднее апостола Петра и любвеобильнее Патриарха Гермогена... И традиция наших великих святых, ныне мною выдвинутая, оказывается традицией «злого добра»... Именно об этой малодушной гуманности, именно об этой педантической морали, именно об этой крайности в «добре» я и писал в моей книге, что она умеет вести себя всю жизнь с обычной черствостью и грешить всю жизнь в свою пользу и потом выражает священный ужас, как только трагическая борьба со злом ставит её перед необходимостью совершить неправедность во имя любви. Тут непротивленчество начинает просто изнемогать от прилива гуманных чувств и от жалости; и вся аргументация подлинного толстовства выступает мало-помалу вперед. Мало того, если кто

⁸⁵ *Ильин И. А. Отрицателям меча // И. А. Ильин: pro et contra...* 2004. С. 573.

вздумает назвать все это настроение и течение надлежащим именем (в совершенно не личной форме), тогда извлекается из-под спуда самая неудержимая личная злоба и изнемогший от любви «христианин» начинает «аргументировать» самой вопиющей клеветой...»⁸⁶.

(Подробнее аргументированные ответы самого Ильина критикам см. в антологии «И. А. Ильин: pro et contra...»)

Ильин убежден, что не должно быть всепрощения. Нельзя, руководствуясь христианской любовью, прощать такие злодеяния, как клевета, разбой, убийство, осквернение детей, торговлю девушками, измену Родине и т. п. Необходимо участие к страждущим, а не к тем, кто несет страдания и боль, — не фальшивое лицемерие, прикрытое христианскими заповедями, а борьба со злом и носителями зла. Ильин считал точным и верным афоризм Леонардо да Винчи: «Кто не наказывает зло, тот поощряет его». Бесхарактерные моралисты сами творят зло, потакая безнаказанности злодеяния. Ильин выступал за неотвратимость наказания, расплаты за зло, и был категорически против вольных или невольных заступников, творящих зло. Зло коренится и в забвении совести, без которой жизнь подчинена ложным ценностям и ведет к постепенному угасанию «святого пламени сердца». Современному человеку «недостает духовной энергии убеждения, порыва духовной страсти, без которых в мировой истории не свершалось ничего великого. Он слишком умен, чтобы быть цельным... слишком «образован», чтобы неизменно во что-то верить... слишком скептичен, чтобы стать сильным». Его душа подобна миру без солнца. По мнению Ильина, с утратой святости человек лишился силы, составляющей сердцевину любого творчества, совершенства, художественного вкуса, чувства прекрасного и подлинно великого. Между тем у человека есть настоятельная потребность в твердой почве, воля не к относительному, а постоянному, дабы стоять на ногах в этом

⁸⁶ Ильин И. А. О сопротивлении злу (Открытое письмо В. Х. Даватцу) // И. А. Ильин: pro et contra... 2004. С. 751.

весьма неустойчивом и изменчивом мире, строить свой дом на граните, а не на зыбучем песке.

По Ильину, из сказанного в Евангелии: «Нет большей любви, чем жизнь положить за други своя», казалось бы, следует, что самая сильная любовь — та, что делает человека способным пожертвовать собой за друзей. Это еще не значит, что такая любовь автоматически делает человека христианином. Немцы тоже любили своих. Христианином делает любовь ко Христу и готовность умереть за Него, а не за своих. Верно то, что кто не любит своих, которых видит, не может любить Бога, которого не видит (1Иоан. 4:20). Но если кто любит своих, даже и до смерти, еще не значит, что любит Бога. (Лук. 6:32).

Приведем здесь выдержки из раздела «О сентиментальности и наслаждении» ключевой работы «О сопротивлении злу силою»⁸⁷, содержащие важную аргументацию Ильина.

«Любовь», воспеваемая учением Толстого, «есть, по существу своему, чувство жалостливого сострадания, которое может относиться к какому-нибудь одному определенному существу, но может захватывать душу и безотносительно, погружая её в состояние беспредметной умиленности и размягченности. Именно такое чувство, укореняясь в душе, захватывая её глубочайшее чувствилище и определяя собою направление и ритм её жизни, несет ей целый ряд опасностей и соблазнов. Так, прежде всего это чувство само по себе дает душе такое *наслаждение*, о полноте и возможной остроте которого знают только те, кто его пережил»⁸⁸.

⁸⁷ Ильин И. А. Сопротивление злу силой // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 4. С. 98–100; 106–111.

⁸⁸ Л. Н. Толстой настаивает на блаженстве праведных, и притом именно в здешней, земной жизни, и согласно этому излагает и учение Христа. См.: «В чем счастье», т. XI, 201–203. Оказывается, что учение Христа есть разновидность гедонистической морали: «Христос учит именно тому, как нам избавиться от наших несчастий и жить счастливо», стр. 203; еще более плоско звучит другая формула: «Христос учит людей не делать глупостей», стр. 210; срв. «В чем моя вера», стр. 193; срв. «Так что же нам делать», XI, 300; о «полном удовлетворении» см.: «О жизни», XI, 428; «любовь-жизнь

Испытывать его — есть благо совсем не в том только смысле, что оно морально *ценно* и что его *следует* испытывать, но и в том смысле, что оно само по себе дает душе величайшее удовлетворение, услаждая её и насыщая её эту сладостью. В этом состоянии душа переживает себя блаженно-единою, целостно охваченною и растворенною; в ней все как бы течет и струится, звучит и светится, поёт и сияет; она обретает в себе самой источник ни в чем другом не нуждающегося счастья, и притом такой источник, которого не может отнять у нее чужой произвол и по сравнению с которым другие источники кажутся скудными, слабыми и ненадежными. Но именно эта непосредственная доступность ключа к наслаждению, его самодовлеющий характер, интенсивность даруемого им удовлетворения и особенно способность его играть и петь в беспредметном умилении⁸⁹ — могут незаметно приучить душу к духовно неоправданному и духовно малозначительному самоуслаждению, к сосредоточенности на этом самоуслаждении и на его добывании. Это «благо» может приковать к себе душу не силою своего духовного превосходства и совершенства, а силою своего услаждающего блаженства⁹⁰, и, далее, именно постольку оно может повести к охлаждению и инстинктивному отвращению ото всего, что не есть это благо или что не ведет к нему. Это может породить практику и теорию морального наслажденчества («гедонизма»), искажающую и силу *очевидности*, и *миросозерцание*, и основы личного характера.

блаженная и бесконечная», там же; «то, что делает жизнь человеческую доброй и счастливой». «Предисловие к статье Карпендера», XIII, 484.

⁸⁹ Срв. «О жизни», XI, 429, где подробно описывается «блаженное чувство умиления, при котором хочется любить всех» и «чтобы самому сделать так, чтобы всем было хорошо». «Это-то и есть, и это одно есть та любовь, в которой жизнь человека». Срв. «Воскресение», XIV, 416–417, «жалость и умиление... ко всем людям» и др.

⁹⁰ Особенно, если следовать правилу Толстого: «Не рассуждать о том... нет ли какой, еще лучшей любви, чем та, которая заявляет требования». «О жизни», XI, 428. Может быть, действительно, «только такая любовь дает полное удовлетворение» (там же, 428), но зато она наверное ведет человека к духовной слепоте.

Моральный гедонист⁹¹ инстинктивно тяготеет ко всему, что вызывает в нем состояние блаженного умиления, и столь же инстинктивно отвращается ото всего, что грозит нарушить, обрвать и погасить это состояние. Его духовное око начинает искать во всем умиляющего и быстро отвертывается или закрывается, как только в поле его зрения появляется что-либо возмущающее или отвратительное. Раздражение, ожесточение, злоба — тягостны ему и в нем самом, как чувства, противоположные искомому блаженству, и в других, как колеблющие его собственное блаженное равновесие и самочувствие; поэтому он как бы из инстинкта самосохранения приучается отвертываться от зла и предаваться своему внутреннему благу. Постепенно его духовное око приспосабливается и научается видеть во всем «умилительное» и не видеть того, что подлинно отвратительно. Тягостный, мучительный, изнуряющий душу опыт подлинного зла совсем отстраняется им и отводится; он не хочет этого опыта, не позволяет ему состояться в своей душе и вследствие этого постепенно начинает вообще «не верить во зло» и в его возможность. Осознав этот прием свой, он формулирует его в виде правила, рекомендующего отвертываться от зла, недосматривать, забывать⁹². И согласно этому правилу все воспринимаемое им начинает систематически процеживаться, перетолковываться, искажаться. Моральный гедонист *не видит того*, что ему реально дается, и видит *не то*, что Подлинно есть. Он ценит в опыте не объективную верность и точность, а соответствие своим субъективным настроениям и выросшим из них фантазиям. Он приучается фантазировать в опыте и испытывать свои фантазии как реальность⁹³: его миро-

⁹¹ От греческого слова «гедоне» (удовольствие, наслаждение) образуются термины «гедонизм» и «гедонист» для обозначения такого учения и такого человека, которые усматривают в наслаждении — высшую цель человеческой жизни. Толстой, по-видимому, не замечал своего гедонизма;

⁹² Срв. «Круг чтения», I, 15.

⁹³ Именно этим объясняется то осуждение, которое он высказывает Шопенгауэру, эпикурейцам, утилитаристам и магометанству за их «гедонизм». Срв. «Религия и нравственность», XIII, 205, 208. Было бы, впрочем, вообще грубою исследовательскою

созерцание приобретает черты *идиллической противопредметности*. Понятно, как отзывается это все на его жизнеучительстве, особенно когда он касается вопроса о «сопротивлении злу» «насилием»... Только по недоразумению можно видеть в нем учителя и вождя.

Понятно также, что моральный гедонизм повреждает не только очевидность, но и *характер человека*. Состояние умиленности и растворенности не только не включает в себя *волю*, но отводит её как начало, с одной стороны, ненужное, а с другой стороны, напрягающее, сковывающее и потому мешающее растворению и текучести. Ибо воля не растворяет душу, а собирает её и сосредоточивает; она не погружает её в безгранное, беспредельное течение, а творит грань и форму, она не беспредметна, а определительна и определена; она не может говорить всему — блаженно приемлющее «да», но нуждается и в твердом, обоснованном отрицании. Поэтому гедонистическое умиление, охватывая душу и завладевая её центральным чувствилищем, вовлекает её в некое *безволие*, выражающееся то в *безразличии*, то в прямой *враждебности* ко всем волевым порывам и заданиям. «Любовь», исповедуемая и проповедуемая умиленными моралистами, оказывается состоянием *безвольным* или «пассивно-волевым»: эта «любовь» не укрепляет характер сосредоточением сил и выковыванием духовного центра личности, а постепенно ослабляет его; она не формулирует личный дух, а услаждает душу беспредельностью и неопределенностью; она отучает её от стойкого отрицания и тянет её к всеприемлющему и всепримиряющему нейтралитету. Такая *безвольная любовь* не есть уже *активная эмоция*, ибо эмоция не враждебна воле, а нуждается в ней и ищет сближения с ней...»

«Мораль *требует* от человека сострадания, *понуждает* к нему, *укоряет* за его отсутствие. Этим она сосредоточивает

ошибкою, если бы кто-нибудь захотел искать у Толстого принципиальной последовательности и систематической философской продуманности.

Срв. «Закон насилия», 129 — о мирной, ненасильственной жизни среди животных; срв. «исследование» князя П. Кропоткина «О взаимопомощи среди людей и животных».

внимание человека на *самом себе*, приучая его к своеобразному, иногда довольно утонченному эгоцентризму⁹⁴: морализирующий человек интересуется главным образом (иногда исключительно) тем, что он *сам* испытывает и чего он сам не испытывает, и, укоряя себя, старается ввести в состав своей *личной* жизни новые, морально-ценные переживания. Но если ему это удастся и он начинает испытывать и переживать сладость сентиментальных настроений, то сложившийся эгоцентризм не только не ослабевает и не исчезает, но закрепляется и упрочивается в наслаждающейся душе. Вот почему для сентиментального моралиста в его настроениях существует не внешний, «любимый» им предмет, а он сам, «любящий» субъект. Важно, что «я сострадал», и это морально важнее, ценнее и психически реальнее, чем состояние того, к которому я имею сострадательное отношение. Необходимо, чтобы я *умиленно жалел*; тогда я буду блаженствовать, и по сравнению с этим событием начавшегося во мне блаженства — судьба желаемого мною предмета решительно отходит на второй план. Дело не в том, что кто-то страдает, страдания даже полезны⁹⁵ людям. Дело и не в том, чтобы во внешних отношениях и делах людей — что-то состоялось или чего-то не состоялось: это не в человеческой власти, а в Божией воле⁹⁶. Дело вообще не в «последствиях» поступка, соображения о них совсем не должны весить в мотивах и намерениях человека настолько, что поступок прямо объявляется тем более морально

⁹⁴ Интересно отметить, что этот наивный эгоцентризм выступает и в отношении к государству. Срв. всю систему аргументов в «Царстве Божием», стр. 88: «мне не нужно более государство...»; «мне не нужно отделение себя от других народов...»; «мне не нужны все те правительственные учреждения...»; «мне не нужны ни управления, ни суды...» Курсив всюду принадлежит Толстому.

⁹⁵ Срв. «Закон насилия», 3. «Страдания», XI, 460–471. Замечательно, что об этой «полезности страданий» Толстой вспоминает только тогда, когда эта ссылка подкрепляет правоту наслаждающегося моралиста, и решительно не считается с нею при обсуждении социально-педагогической работы.

⁹⁶ «Закон насилия», 187. «Круг чтения», II, 18–21 и др.

совершенным, чем менее совершивший его думал о его последствиях⁹⁷. Все дело в том, чтобы я внутренне исполнял «волю Божию», т. е. «любил», а остальное не в моей власти и потому не определяет собою моих заданий.

Вот почему «любовь» сентиментального моралиста не уводит его душу от него самого и не освобождает её от собственного бремени и личных пределов, но наоборот — закрепляет их. Сентиментальный человек не уходит в то, что любит, и не отождествляется с любимым, не забывает себя. Поэтому он и не строит любимого предмета, не творит его, ибо для этого необходимо переложить целевой центр своей жизни из себя — в него. Такой моралист центрирован эгоистически, и именно вследствие этого его «любовь» оказывается *практически мертвенною!* Он воспевает её и призывает к ней, но то, что он воспекает, есть состояние внутренней завернутости и практической недейственности. Это есть «любовь» беспредметно-экстенсивная и общественно вялая, безразличная к последствиям своих поступков и к общественному благу. Её лозунг выражается словами: *предоставить других самим себе, а самому жить доброю жизнью*⁹⁸. Любящий субъект оказывается несравненно важнее любимого объекта, и понятно, что в тот момент, когда сентиментальной душе приходится выбирать между тем и другим, она, оставаясь верною своей природе и своим принципам, останавливает свой выбор на субъекте и его драгоценной моральной правоте...

...при внимательном анализе обнаруживается, что он жертвует своею жизнью не ради спасения любимого, а *ради собственной праведности*. Ибо, как уже установлено, ответ должен иметь в виду именно те случаи, в которых спасти любимого может *только физическое противодействие* угнетателю, а не предложение

⁹⁷ Срв. «Закон насилия», 122, 137. «Круг чтения», II, 21–56; особенно II, 56–59. Это не мешает, впрочем, и самому Л. Толстому, и его единомышленникам аргументировать в пользу «непротивления» — его благими последствиями. Срв. «Крестник», т. XI, 177–178; «Свечка», т. XI, стр. 47–59; «Круг чтения», 1, 238–240 и др.

⁹⁸ Срв. «Круг чтения», III, 14; а также «Закон насилия», 122, 150, 152; срв. «перестать заботиться о делах внешних и общих», «Царство Божие».

самого себя в заместители убиваемой жертвы. Если *волевая, героическая, несентиментально любящая душа стоит перед заданием спасти от смерти любимого человека* (или, соответственно, оградить от насильников-растлителей семью, церковь, родину) — то она не может считать свое задание разрешенным, если она праведнически погибнет *вместе со спасаемым*, и при этом погибнет потому, что не решится преступить пределов своей моральной праведности. Но сентиментальный моралист «любит» только до пределов своей личной моральной праведности. За спасение «любимого» он согласен отдать в крайнем случае свою жизнь⁹⁹, но не свою моральную безукоризненность. Правда, он «любит» и готов защищать любимое, но лишь до тех пор, пока не окажется необходимым физическое противодействие, которое для него морально запретно, как греховное, постыдное «насилие». Поэтому, если жизнь ставит его перед необходимостью выбора между «спасением любимого» и «спасением своей личной праведности», он не обвиняясь спасает свою праведность (хотя бы ценою её смертного конца) и предает любимый предмет¹⁰⁰. Его жертва заключается не на алтаре любимого предмета, а на алтаре собственного морального совершенства...

...Сентиментальный моралист не видит и не понимает, что право есть необходимый и священный атрибут человеческого духа, что каждое духовное состояние человека есть видоизменение права и правоты и что ограждать духовный расцвет человечества на земле невозможно вне принудительной общественной организации, вне закона, суда и меча. Здесь его личный духовный опыт молчит, а сострадательная душа впадает в гнев и «пророческое» негодование. И в результате этого его учение оказывается разновидностью *правового, государственного и патриотического нигилизма*.

⁹⁹ «Любовь есть предпочтение других существ себе — своей животной личности». «О жизни», XI, 425. Курсив мой.

¹⁰⁰ Этот критерий: кто чем чему пожертвует при необходимости выбора? — известен и Толстому, см.: «Религия и нравственность», XIII, 210. И здесь выше всего ставится «исполнение воли Божией», т. е. моральных требований.

При таком слепом и наивно морализирующем подходе все огромное хранилище духовной культуры оказывается опустошенным и сокровища его извергнутыми, все творческое духовное напряжение человеческого духа оказывается осужденным и запрещенным. Религиозно обескрыленный, осмеянный и низведенный; познавателью обессиленный и ослепленный; художественно урезанный и поработанный; лишенный прав, обороны и родины — человек остается к концу этого противодуховного циклона жалким существом об одном, моральном измерении, и высшим призванием его оказывается *самопонижение к безвольно-сентиментальной жалости*. Сентиментальный моралист знает только одно измерение совершенства — моральное; вся сущность духа, вся жизнь духа сводится для него к моральному самоулучшению; и все моральное достижение сводится для него к насыщению души жалостливым состраданием. И в результате этого все понимание *человека, добра и зла* — становится мелким, плоским и бездуховным¹⁰¹.

Если усвоить эту точку зрения и довериться ей, то окажется, что человек не есть индивидуальный дух с живым отношением к живому и личному Богу, со священными правами на участие в жизни богосозданного мира, с видением нечувственной тайны и чувственной красоты, с изучением закона и ведением мудрости... Нет, все это отвергнуто и погашено. Человек есть — с одной

¹⁰¹Срв. нижеследующую формулу духовно-нигилистического утилитаризма, достойную любого последовательного материалиста и целиком вытекающую из сентиментального гедонизма: «В этом одном деле» (в «борьбе с природой») «получает человек, если уже разделять его, полное удовлетворение телесных и духовных требований своей природы: кормить, одевать, беречь себя и своих близких есть удовлетворение телесной потребности; делать то же для других людей — удовлетворение духовной потребности. Всякая, всякая другая деятельность человека только тогда законна, когда она направлена на удовлетворение этой первейшей потребности человека, потому что в удовлетворении этой потребности состоит и вся жизнь человека». «Это первый и несомненный закон Бога или природы». «О назначении науки и искусства», XI, 371; срв. «Выдержка из частного письма...», XI, 401: «служение людям как "призвание всякого человека"».

стороны — *страдающий субъект* и тем самым *объект жалости и сострадания*, с другой стороны — он есть *жалеющий субъект* и соответственно *объект, ограждаемый от страдания*. Вся жизнь человечества сводится к тому, что люди страдают и причиняют друг другу страдания, что люди то жалеют, то не жалеют друг друга. Хорошо, когда люди жалеют друг друга, не мучают и «соединяются»¹⁰²; плохо, когда люди друг друга не жалеют, мучают и разъединяются. Высшая цель человечества — жалеть и не мучить; высшее совершенство, доступное человеку, сводится ко всеобъемлющей жалости (*всех жалеть, всей душой*); праведная деятельность состоит в ограждении всех от страданий, хотя бы ценою *своих* страданий и *своей* жизни. Дальше этого сентиментальный моралист не видит, не показывает, не учит, не зовет. Мало того, он отвергает и осмеивает все остальное.

Именно в этом обнаруживается с полной очевидностью ограниченность и упрощенность его жизнепонимания. Сентиментальность его — эта повышенная и обостренная, но беспредметная и безвольная чувствительность — чрезвычайно легко, быстро и остро отвечает на всякую человеческую неудовлетворенность, на всякое чужое страдание; она ранится им, содрогается, ужасается и начинает безвольно мечтать о его устранении, о его прекращении, о его конце. И к этому сводится вся жизненная «мудрость». *Страдание есть зло*, это первая, скрытая аксиома этой мудрости, из которой выводится все остальное. Если страдание есть зло, то и причинение страданий (*насилие!*) есть зло. Наоборот, отсутствие страданий есть добро, а сочувствие чужим страданиям есть добродетель¹⁰³. Этим определяется и судьба нашей основной проблемы: в борьбе с страданием — допустимо ли причинять новые страдания, умножая и осложняя их общий объем и состав? Ответ ясен: нет смысла громоздить Пелион на Оссу...

¹⁰² Срв. «Часовщик», XI, 616: «смысл... жизни только в том, чтобы содействовать соединению людей», «жить» «в любви с братьями», к этому и сводится «делание Божьего дела» (615).

¹⁰³ «В Евангелии с поразительной грубостью, но зато с определенностью и ясностью для всех выражена та мысль, что отношение людей к нищете, страданиям людским есть корень, основа всего». См. «О переписи в Москве», т. XI, стр. 221.

«Сатану нельзя изгнать сатаною», «неправду» нельзя очистить «неправдою», «зло» нельзя победить «злом», «грязь» нельзя смыть «грязью»¹⁰⁴. И ответ этот только последователен: если страдание действительно есть зло, то кто же согласится увеличивать его объем, стремясь к уменьшению этого объема? Или — кто согласится вступить на «путь дьявола» для того, чтобы на него не вступать?..

Так вскрывается первооснова сентиментальной морали: она покоится на *противодуховном гедонизме*.

Вопреки всему этому в действительности человек с его природой, его влечениями, способностями и заданиями устроен так, что легче всего ему дается удовлетворение потребностей и наслаждение и труднее всего ему дается воля к духовному совершенству, усилия, возводящие к нему, и достижение его. Человека всегда тянет вниз, к наслаждениям, и особенно к чувственным наслаждениям, и редко влечет его вверх, к совершенному, *его* увидению и созданию. Путь вверх открывается человеку и дается ему, но дается только в страдании и только благодаря страданиям. Ибо сущность страдания состоит прежде всего в том, что для человека оказывается закрытым или недоступным путь вниз, к низшим наслаждениям. Эта закрытость низшего пути не означает еще духовного достижения, но есть первое и основное условие восхождения. Не всякое страдание, не всякого человека и не всегда — возводит и одухотворяет, ибо здесь необходима некая верная направленность страдающей души и некое внутреннее умение. Но всякое подлинно духовное движение и достижение вырастает из страдания, давнего или нового, кратко-глубокого или долго-длительного, забытого или незабвенного. К Богу восходит только та часть, только та сила души, которая не нашла себе наслаждения и успокоения в первобытном, земном отпавлении; только та, которая не изжилась в слишком человеческих удовлетворениях, которая не радовалась им, а страдала, и стыдилась, и ужасалась от их приближения. Страдание есть цена духовности и предел для животности; это есть грань

¹⁰⁴ «Закон насилия», 55, 173–175; «Круг чтения», I, 238–239, III, 220. Срв. «Крестник», т. XI, 179; «Три притчи», XIII, 184.

беспечному наслажденчеству, увлекающему и совлекающему человека; это есть источник воли и духа, начало очищения и видения, основа характера и умудрения. Поэтому жизненная мудрость состоит не в бегстве от страдания как от мнимого зла, а в приятии его как дара и залога, в использовании его и окрылении через него. Это приятие должно быть совершено не только для себя и за себя, *но и для других*. Оно не означает, что человек будет нарочно мучить себя и ближних; но оно означает, что человек преодолет в себе страх перед страданием, перестанет видеть в нем зло и не будет стремиться прекратить его *во что бы то ни стало*. Мало того: он найдет в себе решимость и силу причинить страдание и себе, и ближнему — в меру высшей, духовной необходимости, заботясь об одном, *чтобы это страдание не повреждало силу духовной очевидности и духовной любви в человеке*. Ибо дух больше души, а страдание есть цена духовности.

Именно перед этим трагическим законом человеческого существа сентиментальный моралист остановился, содрогнулся и не принял его¹⁰⁵. Он не принял *такую* цену одухотворения и закрыл себе глаза на основную трагедию человека. Он испытал страдание как *зло* и отверг его. Согласно этому отвержению, он начал искать путь к внутреннему наслаждению и нашел его в упоении жалостью; он начал жалеть всякого страдающего и положил как высшее — непричинение страданий другим. И далее, он не только отверг страдающий путь, но и самую *цель* страдающего восхождения: *дух*. Сентиментальность его излилась в гедонизм и привела его к противодуховности. Вся духовная сокровищница, все духовное делание человечества было осуждено и отвергнуто ради того, чтобы люди не мучились и не «обижали» друг друга, — ради единственного, высшего достижения: *всеобщего наслаждения всеобщую взаимную жалостью*.

¹⁰⁵ Ранний очерк Толстого «Страдания» делает попытку доказать гедонистическую (XI, 461), моральную (XI, 462–471) и биологическую (XI, 461, 469) полезность страданий, но тут же устанавливает, что «все наслаждения покупаются страданиями других существ» (461) и что борьба со страданием, освобождающая ближних от него, есть «единственная радостная работа» (470).

Этот сентиментальный гедонизм учит, что нет на свете ничего высшего, во имя чего людям стоило бы страдать самим и возлагать страдания на своих ближних. Вся задача в том, чтобы все внутренне претворили свое *страдание в сострадание* и тем проложили себе путь к высшему *наслаждению*. Выше этого идти некуда и незачем. «Насильственно» этого нельзя достигнуть, и потому «насилие», как бесцельно умножающее страдания людей, осуждается безусловно. Но это и означает, что *духовный нигилизм* есть порождение *сентиментального гедонизма*; учение о непротивлении злу насилием есть последовательный вывод из того и другого.

Все это может быть выражено так: мораль Л. Н. Толстого видит в идее *добра* элемент *любви* и не видит элемента *духа*. Поэтому она утверждает как высшую ценность *бездуховную и противодуховную* любовь, которая оказывается безвольной, сентиментальной жалостью и совлекает вслед за собою все высшие жизненные ценности на уровень элементарной, инстинктивной душевности. Соответственно с этим мораль Л. Н. Толстого видит в идее *зла* элемент *ненависти* и не видит элемента *противодуховности*. Поэтому она усматривает самый тяжкий грех во вражде или её внешних проявлениях, осуждает духовно верное отъединение незлодеев от злодеев и не замечает, что она сама включает в свой «идеал» черту сущего зла — противодуховность. Вследствие этого все учение о добре и зле оказывается искаженным и несостоятельным. «Добро» предстает в образе мелком и плоском, гедонистически-самодовлеющем, духовно мертвенном и сентиментально-идиллическом. «Зло» предстает в образе сравнительно безвредном (внешнее насилие), легко преодолимым, лишенном своей существенной ядовитости и в то же время вызывающем у моралиста несоответственно преувеличенное, аффектированное негодование. Все размежевание добра и зла оказывается неверным: духовно-нигилистические, сентиментально-пошлые, безвольные и духовно-безответственные настроения и поступки относятся к добродетельным; напротив, деяния героически-волевые, пророчески-гневные, пресекающие зло и карающие злодея, причисляются к самым позорным и низменным проявлениям человека. И надо

всем этим царит прямолинейность рассудка и наивность рассуждающего обывателя ...»

«...употребление физической силы в борьбе со злом является *возможным и небесмысленным*, но отнюдь не *исключительным и не самодовлеющим*, а *вторичным и подчиненным* средством в общей системе духовного воздействия и воспитания, и притом средством, применимым в границах духовной допустимости и необходимости. В силу самой природы своей оно должно применяться не тогда, когда его *можно* применить, а тогда, когда его применить *необходимо*; и всюду, где в нем *нет необходимости*, его применять не следует. Ибо его внешняя, физическая природа инородна и неадекватна побораемому началу зла. Физическое понуждение и пресечение имеет дело не с самим злом, а только с его внешним проявлением; оно не проникает в необходимую глубину ожесточенной души, и тот уровень, до которого доходит его положительное влияние, остается сравнительно весьма поверхностным; поэтому оно бессильно преобразить зло как таковое и настигает его только тогда, когда духовное преобразование уже не состоялось и злу удалось излиться во внешний поступок»¹⁰⁶.

После выхода в свет работы «О сопротивлении злу силой» разразилась настоящая буря в среде русской эмиграции. В ответ на яростную атаку со стороны своих оппонентов Ильин в письмах и выступлениях, в частности лекции, прочитанной в Мюнхене, подытоживал, что философия Льва Толстого «слагалась из сентиментального умиления и отвлеченного рассудка, выносила и выдвинула настоящий духовно-культурный нигилизм, отрицавший государство, науку, искусство и христианскую положительную церковную религиозность ради сентиментально понятой и истолкованной добродетели. Он выдвинул такое понимание добра и зла, которое религиозно сводилось к отвержению мира, а практически к непротивленчеству. И так как это непротивленчество отвечало целому ряду склонностей и слабостей

¹⁰⁶ Ильин И. А. Сопротивление злу силой // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 4. С. 127.

русского националистического характера, то это учение его получило особое значение в жизни и в судьбах русской интеллигенции»¹⁰⁷. По мнению Ильина, если русский человек для строительства России нуждается в чем-нибудь, то прежде всего и больше всего в воспитании волевого характера — в личности и в массах, в школе и в политике, в быту и в суде; если что-нибудь могло и может повредить этому делу и ослабить его в жизни — то идеи мироотвержения, непротивленчества и аполитизма¹⁰⁸. Насколько данный тезис Ильина звучит актуально в сегодняшнее время, когда крайне обострилось противостояние исторической России с врагами, ведущими с ней скрыто или явно масштабную гибридную войну уже не одно столетие!

Далее изложим тезисно положения Ильина, опираясь на его лекцию «О сопротивлении злу силой»¹⁰⁹, которые имеют принципиальное нравственно-практическое значение при принятии конкретных решений.

Ильин полагал, что необходимо позаботиться, прежде всего, о верной постановке вопроса. Неверная постановка вопроса нередко обеспечивает ложный ответ. Таковы особенно почти все дилемматические постановки вопроса, например: эта вещь или металл, или минерал — а она, может быть, растение; или: что мне делать — заняться торговлей или поступить на военную службу, — а вы, может быть, поэт по призванию. Французская поговорка гласит: «На нелепый вопрос бывает нелепый ответ». И так во всем. Смет ли человек, стремящийся к нравственному совершенству, сопротивляться злу силой и мечом? Смет ли человек, религиозно приемлющий Бога, Его мироздание и свое место в мире, не сопротивляться злу силою и, когда необходимо, то и мечом?

¹⁰⁷ Ильин И. А. О сопротивлении злу силой. [(1931, Рига); 1984, Мюнхен. Текст лекции] // Собр. соч. Т. 5, 1995. — С. 268

¹⁰⁸ См.: Там же.

¹⁰⁹ См.: Ильин И. А. О сопротивлении злу силой. [(1931, Рига); 1984, Мюнхен. Текст лекции] // Собр. соч. Т. 5, 1995.

Далее, зло и добро — суть состояния душевные и духовные, внутренние, возникающие и созревающие в таинственной глубине личной души, и потому не вынудимые и не искоренимые извне; быть добрым и стать добрым можно только свободно по формуле: «не мешай — я сам, и не принуждай — я сам». Зло есть злая воля и злое чувство; и лишь потом — злое внешнее дело и система злых внешних поступков. Победить зло значит в последней инстанции умирить его, растворить его, преобразить его. Победить зло не значит пресечь его внешние проявления или испугом, угрозой, тюрьмой удержать злую волю от внешних проявлений. Христианину это ясно уже две тысячи лет.

Человек, признавший это, слишком часто видит себя поставленным перед следующими условиями, в наличности коих он должен удостовериться:

а) Во-первых, он должен удостовериться, что ему дано подлинное зло, злая воля, злое чувство, злое дело, а не бедствие, страдание, заблуждение, слабость — ибо все это люди тоже часто называют «злом».

Налицо должна быть злая воля, изливающаяся во внешнем деянии, направленная против духа и его свободы, против живого и любовного единения людей. Там, где духовное воздействие, внутреннее понуждение оказывается бессильным и злая воля выступает в качестве внутреннеодержимой внешней силы, где она проявляется как духовно слепая злоба, ожесточенная, агрессивная, бесстыдная, безбожная, духовно растлевающая и перед средствами не останавливающаяся — сопротивление злу пресекающей силой становится не правом человека, а его обязанностью. Это пресечение не умирит и не растворит злую волю, но или даст ей основание вернуться в себя и пересмотреть свою природу, свои мотивы и побуждения, или лишит её возможности довершать свою внутреннюю злобность соответствующими внешними деяниями. Толстой пытался обосновать свое непротивленчество тем, что истолковывал наличное зло как недуг, заблуждение, слабость, случайное совпадение. Этим он не разрешил основную проблему, а снимал ее; он не отвечал на вопрос,

а скрыто уклонялся от ответа на него. У него выходило так. Вопрос: следует ли мне бороться со злом посредством физического пресечения, если зла нет, а то, что кажется злом, есть страдание и слабость? Ответ: конечно, нет, не следует. Но это есть мнимый ответ на неверный вопрос, который к тому же сам себя упраздняет.

б) Вторым условием правильной постановки вопроса является наличие верного восприятия зла, восприятия, не переходящего в его приятие и одобрение.

Пока зло никем не воспринято, никто не имеет ни основания, ни повода ставить и разрешать наш основной вопрос. Именно поэтому многие люди, заранее тяготясь предчувствуемой необходимостью ответа, отвертываются от зла и предпочитают не видеть его: они то уклоняются от сообщаемых сведений; то начинают делать натяжки, чтобы «доброжелательно» истолковать их; то начинают ссылаться на непозволительность судить ближнего; то начинают исповедовать и проповедовать, что зло вообще не присуще людям.

в) Третьим условием правильной постановки проблемы является подлинная любовь к добру в вопрошающей и решающей душе.

Проблема не только теоретическая, но и практическая. Она предполагает, что человек не только воспринимает поступки других, но связуется с ними живым отношением, оценивает, одобряет, предпочитает, выбирает и соединяет с избранным и предпочтенным свои радость и горе, жизнь и судьбу. Человек, безразлично относящийся к судьбам добра и зла, индифферент, не различающий и ничего не любящий, не сумеет ни поставить вопроса, ни разрешить его. Вся проблема открывается только тому, кто берет её главным, центральным чувствилищем своей души — из главного и по главному, для кого вопрос о победе добра над злом есть вопрос его личного бытия и небытия.

Подлинное сопротивление злу ставит человека перед вопросом о жизни и смерти, требует от него ответа — стоит ли ему жить при наличии победы зла и как именно

он будет жить для того, чтобы этой победы не было. Если торжество насилия, кощунственной противодуховности и озлобленного мучительства не душит человека, не гасит свет в его очах, то это значит, что он не чувствует нашу проблему и не имеет почвы для её верного разрешения.

Проблема формулируется так: «Что следует делать тому, кто любит стихию духа, свободы и любви и вот присутствует при её намеренном опорочении, извращении и угашении?» Компетентен ли нелюбящий судить о трагедии нелюбимого предмета? Имеет ли смысл допытываться у безразличного, что он будет делать, если увидит гибель того, к чему он безразличен?

г) Четвертым условием верной постановки вопроса является наличие волевого отношения к мировому процессу в спрашивающей и отвечающей душе.

Здесь нужна не только и не просто любовь к тому, что оказывается под угрозой и ударом, но еще и способность к волевому действию и притом к волевому действию не только в пределах собственной личности, как у аскета, но и за её пределами — в отношении к другим людям, к их злой деятельности и к тому мировому историческому процессу, в который они включены. Этот процесс есть великая борьба, в которой живой и здоровый дух уже участвует и не может не участвовать, прятаться. Человек, сознательно извлекающий свою волю из участия во внешнем мире или удерживающий свою волю от влияния на других людей, не имеет основания ставить нашу проблему. Такому человеку и не стоит ставить весь вопрос, потому что он для него не существует, ему не стоит и решать его, потому что он уже предрешен для него в отрицательном смысле.

д) В-пятых, проблема сопротивления злу внешним пресечением действительно возникает и верно ставится только при том условии, если у человека отсутствуют внутренние мотивы воздержаться от злодейства и внешние уговоры оказываются бессильными.

Физическое воздействие должно испытываться как необходимое, т. е. как практически единственно

действительное средство при данном стечении обстоятельств. Самая сущность проблемы в том, что человеку практически даются всего две возможности, всего два исхода: или потакающее злу бездействие, или физическое сопротивление. В первом случае он прекращает борьбу совсем и отходит в сторону (моя хата с краю) или же он продолжает применять лицемерно то средство, которое заведомо обречено на неудачу. Во втором случае он решается приступить к внешнему воздействию и вступает в пресекающую борьбу. Тот, кто выдвигает при этом третий исход — именно, что буйствующий сам постепенно опомнится, надо только дать ему волю и не мешать его насилию; или он будет буйствовать, а мы будем его уговаривать, — тот не разрешает проблему, а угашает ее: он доказывает ненужность внешнего пресечения; а проблема начинается там, где оно становится единственным и необходимым средством.

«Следует ли мне бороться со злом посредством пресечения, если столь же действительны или еще гораздо более действительны ласка, уговоры, доказательства или обращение к стыду и совести?» Ответ ясен: конечно, не следует. Но ведь этот ответ не относится к нашему вопросу: **нужна ли операция, если она не нужна.** Этот ответ игнорирует трагическую глубину той дилеммы, о которой вопрос умолчал.

Итак, человечеству нельзя жить без государственного организованного понуждения и пресечения. Угроза, тюрьма и казнь не суть средства святые и праведные; они не преображают злой воли; они допустимы только тогда, когда по совести считаются необходимыми и единственно целесообразными; и наконец, душа человека, прибегающего к ним, должна постоянно заботиться о своем внутреннем, духовном очищении.

Отвергающие путь меча настаивают на том, что путь меча есть несправедливый путь. Это верно — в смысле абсолютно нравственной оценки; это неверно — в смысле указания практического исхода. Понятна мечта о том, чтобы для нравственно-совершенного человека не было

неодолимых препятствий в чисто духовном поборании зла, так, чтобы он мог остановить и преобразить всякого злодея одним своим взглядом словом и движением. Эта мечта понятна: она есть отображение двух скрестившихся идей — идеи богоподобия нравственно-совершенного человека и идеи всемогущества Божия; она как бы ссылается на то, что истинно добродетельный человек приближается к божественному совершенству, от которого увеличивается его духовное могущество, так что перед этим духовным могуществом злодею становится все труднее устоять. Это — благородная, но наивная мечта. И несостоятельность её обнаруживается тотчас же, как только её пытаются превратить в универсальное правило поведения. Эта мечта несостоятельна духовно потому, что обращение и преобразование злодея должно быть его личным, самостоятельным актом, пламенем его личной свободы, а не отблеском чужого совершенства, и если бы это могло быть иначе, то он давно уже преобразился бы от дыхания уст Божиих. Эта мечта несостоятельна и исторически: духовная сила праведника имеет свой предел перед лицом сущего злодейства. И казалось бы, что именно христианину не подобало бы переоценивать эту мечту, имея перед глазами образы многого множества святых, замученных не обратившимися и не преобразившимися злодеями...

Путь мечта есть неправедный путь; но кто же этот человек, который пугается этой неправедности, объявляет её «злодейством» и бежит от нее? Это тот самый человек, который в течение всей своей жизни не только мирился со всевозможной неправедностью, поскольку она ему была «нужна» или «любезна», но и ныне постоянно грешит со спокойною душой, грешит «в свою пользу» и даже не вспоминает об этом. И вдруг, когда необходимо принять на себя бремя государственности, служение, которое, по глубокому слову Петра Великого, есть подлинно «дело Божие» и потому не терпит «небрежения», тогда он вспоминает о том, что он непременно должен быть безгрешным праведником, пугается, аффективно объявляет эту неправедность

«грехом» и показывает себя «в нетях»... Да, путь меча есть несправедный путь; но нет такого духовного закона, что идущий через несправедность идет ко греху... Если было бы так, то все люди, как постоянно идущие через несправедность и даже через грех, были бы обречены на безысходную гибель, ибо грех нагромождался бы на грех, и неодолимое бремя его тянуло бы человека в бездну. Нет, **жизненная мудрость состоит не в мнительном праведничании, а в том, чтобы в меру необходимости мужественно вступать в несправедность, идя через нее, но не к ней, вступая в нее, чтобы уйти из нее.** Да, путь силы и меча не есть праведный путь. Но разве есть другой, праведный? Не тот ли путь сентиментального непротivления, который уже раскрыт выше, как путь предательства слабых, соучастия со злодеем, «совиновности» с пресекающим и в довершение — наивно-лицемерного самодовольства? Конечно, этот путь имеет более «спокойную», более «приличную», менее кровавую внешнюю видимость, но только легкомыслие и злая тупость могут не чувствовать, какой ценою оплачены это «спокойствие» и это «приличие». Тот, **кто перед лицом агрессивного злодейства требует «идеального» по своему совершенству, нравственного исхода и не приемлет никакого иного, тот не понимает основной жизненной трагедии: она состоит в том, что из этой ситуации нет идеального исхода.**

Борьба со злом требует всегда героизма. Не только тогда, когда она ведется в форме внутренних усилий, воспитывающих человека и возвращающих его духовные крылья; но и тогда, когда она ведется в форме понуждающего и пресекающего меча. Героизм меча состоит не только в том, что его дело трудно, беспокойно, полно лишений, опасностей и страданий, но и в том, что меченосец нуждается в особых духовных усилиях для ограждения своего личного духовного кремля: **ибо его героизм есть героизм о сознательно и убежденно принятой несправедности.**

Человек, берущийся за меч в безысходной борьбе со злодеем, героичен потому, что он подымлет этим бремя мира. Поставленный перед основной трагической дилеммой,

не оставляющей для него нравственного исхода, он религиозно приемлет эту безвыходность; и избирая наименее несправедный и наиболее трудный путь меча, он принимает этот путь как свою судьбу.

Религиозное приятие своей судьбы есть тот основной героизм, к которому призван каждый из людей; не к приятию судьбы в смысле квиетизма, или детерминизма, или безволия, или фатализма: но к волевому, жизненно-деятельному и религиозно-преданному приятию, которое созерцает жизнь как служение, освещает её лучом призвания и вливает всю личную силу в религиозное служение этому религиозному призванию. Судьба человека в том, чтобы в жизни на земле иметь дело с буйством неуговоримого зла. Уклониться от этой судьбы нельзя; есть только две возможности: или недостойно отвернуться от нее и недостойно изживать её в слепоте и малодушии, или же достойно принять ее, осмысливая это принятие как служение и оставаясь верным своему призванию. Но это и значит принять меч во имя Божьего дела.

В этом приятии своей судьбы и меча человек «полагает свою душу», но утверждает свой дух и его достоинство. Он полагает свою душу не только в том низшем смысле, что соглашается отдать свою земную жизнь в борьбе со злом; но еще и в том высшем смысле, что берет на себя совершение дел, бремя которых он потом несет, быть может, через всю жизнь, содрогаясь и отвращаясь при непосредственном воспоминании о них. Он принимает не только бремя смерти, но и бремя убийства; и в бремени убийства не только тягостность самого акта, но и тягость решения, ответственности и, может быть, вины. Его духовная судьба ведет его к мечу; он принимает ее, и меч становится его судьбой. И в этом исходе, в этом героическом разрешении основной трагической дилеммы он не праведен, но прав. Христос учил не мечу; Он учил любви. Но ни разу, ни одним словом не осудил он меча, ни в смысле организованной государственности, для коей меч является последней санкцией, ни в смысле воинского звания и дела. И уже первые ученики

его, Апостолы Петр и Павел (Петра, II, 13–17; Римл., XIII, 1–7) раскрыли положительный смысл этого неосуждения. Правда, Апостолам было дано указание, что меч не их дело и что «все, взявшие меч, мечом погибнут» (Мтф. XXVI, 52); и воинствующей обороны для Себя Христос не восхотел; но именно в этом отказе от обороны, и в вопросе об уплате подати (Мтф. XXII, 17–21; Мрк. XII. 14–17), и в разговоре с Пилатом (Иоанна XVIII, 33–38: XIX, 9–11) веет тот дух свободной, царственной лояльности, который позднее утверждали Апостолы и который не постигли и утратили в дальнейшем такие миро-отрицатели как Афинагор, Тертуллиан и другие. И вот, земная гибель от взятого меча остается высшею Евангельскою «карою», предреченной для меченосца. Христос учил любви; но именно любовь подымлет многое: и жертву неправедности, и жертву жизни. Да, взявшие меч погибают от меча, но именно любовь может побудить человека принять и эту гибель.

Обиженный может и должен простить *свою* обиду и погасить в *своем* сердце свою обиженность, но именно его личным сердцем и его личным ущербом ограничивается компетентность его прощения; дальнейшее же превышает его права и его призвание. Вряд ли надо доказывать, что человек не имеет ни возможности, ни права — прощать обиду, нанесенную другому, или злодейство, попирающее божеские и человеческие законы, — если только, конечно, он не священник, властный отпускать грехи кающемуся, и не верховный государственный орган, властный даровать амнистию. В составе каждой неправды, каждого насилия, каждого преступления, кроме личной стороны «обиды» и «ущерба», есть еще сверхличная сторона, ведущая преступника на суд общества, закона и Бога, и понятно, что личное прощение частного лица не властно погасить эту подсудность и эти возможные приговоры. В самом деле, кто дал мне право «прощать» от себя злодеям, творящим поругание святыни, или злодейское соблазнение малолетних, или гибель родины? И каков может быть смысл этого мнимого «прощения»? Что означает оно: что «я» их не осуждаю и не обвиняю?

Но кто же поставил меня столь милостливым судьей? Или — что «я» примиряюсь с их злодеяниями и обязуюсь не мешать им? Но откуда же у меня может взяться такое мнимое право на предательство, на предательство святыни, родины и беззащитных? Или, быть может, это «прощение» означает, что я воздерживаюсь от всякого суждения, умываю руки и предоставляю события их неизбежному ходу? Однако такая позиция безразличия, безволия и попущения не имеет ничего общего с христианским прощением и не может быть обоснована никакими ссылками на Евангелие...

Сопrotивляющийся злу должен прощать личные обиды, и чем искреннее и полнее это прощение, тем более простивший способен вести неличную, предметную борьбу со злодеем, тем более он призван быть органом живого добра, не мстящим, а понуждающим и пресекающим. Но в душе его не должно быть места наивным и сентиментальным иллюзиям, будто зло в злодее побеждено в тот момент, когда он лично простил его. Прощение есть *первое условие* борьбы со злом или, если угодно, *начало* ее, но не конец и не победа. Ибо для этой великой борьбы со злом необходимо иметь поистине не менее «нежели двенадцать легионов ангелов» (Мтф. XXVI. 53), и настоящий злодей, пока не увидит этих легионов, всегда будет усматривать в «прощении» прямое поощрение, а может быть, и тайное сочувствие.

Именно в этой связи следует понимать и евангельские слова «не противься злomu» (Мтф. V. 39). Правило, заключающееся в них, определительно разъяснено последующими словами — в смысле *краткого перенесения личных обид*¹¹⁰, а также щедрой отдачи *личного* имущества¹¹¹ и *личных* услуг¹¹². Истолковывать этот призыв к кротости и щедрости в личных делах как призыв к безвольному созерцанию насилий и несправедливостей или к подчинению злодеям

¹¹⁰ «Кто ударит тебя в правую щеку твою». Мтф. V. 39; Луки VI. 29.

¹¹¹ «Взять у тебя рубашку». Мтф. V. 40, 42; Луки VI. 29, 38; «Прощающему у тебя»... «взявшего твое». Луки VI. 30.

¹¹² «И кто принудит тебя идти с ним». Мтф. V. 41.

в вопросах добра и духа было бы противосмысленно и противоестественно. Разве предать слабого злодею — значит проявить кротость? Или человек волен подставлять нападающему и чужую щеку? Разве щедрость не распространяется только на свое, личное? Или растративший общественное достояние и отдавший своего брата в рабство — тоже проявил «щедрость»? Или предоставлять злодеям свободу надругиваться над храмами, насаждать безбожие и губить родину — значит быть кротким и щедрым? И Христос призывал к *такой* кротости и к *такой* щедрости, которые равносильны лицемерной праведности и соучастию со злодеями? Учение Апостолов и Отцов Церкви выдвинуло, конечно, совершенно иное понимание. «Божии слуги» нуждаются в мече и «не напрасно носят его» (Римл. XIII. 4); они — гроза злодеям. И именно в духе этого понимания учил св. Феодосий Печерский, говоря: «Живите мирно не только с друзьями, но и с врагами; однако только со своими врагами, а не с врагами Божиими»¹¹³.

Так, начало духа *ограничивает* действие любви в её непосредственном, наивном разливе. Понятно, что это ограничение неизбежно ведет за собою и видоизменение её духовного строения и облика.

Взявший меч готов убить, но он должен быть готов к тому, что убьют его самого: вот почему приятие меча есть приятие смерти, и тот, кто боится смерти, тот не должен браться за меч. Однако в любви не только отпадает страх смерти, но открываются те основы побуждения, которые ведут к мечу. Смерть есть не только «кара», заложенная в самом мече, она есть еще и живая мера для приемлемости меча. Ибо браться за меч имеет смысл только во имя того, за что человеку действительно стоит умереть: во имя дела Божьего на земле. Бессмысленно браться за меч тому, кто не знает и не имеет в мире ничего выше самого себя и своей личной жизни: ибо ему вернее бросить меч и спастись, хотя бы ценою предательств и унижительной покорности

¹¹³ См.: Н. Костомаров. Русская история, т. I, гл. 3, стр. 29.

злодеям. Но за Божие дело в себе самом, в других и в мире — имеет смысл идти на смерть. Ибо умирающий за него отдает меньшее за большее, личное за сверхличное, смертное за бессмертное, человеческое за Божие. И именно в этой отдаче, именно этой отдачею он делает свое меньшее — большим, свое личное — сверхличным, свое смертное — бессмертным, ибо себе, человеку, он придает достоинство Божьего слуги. Вот в каком смысле смерть есть мера для приемлемости меча.

Государственное дело совершенно не сводимо к мечу, но меч есть его последняя и необходимая опора. Тот, кто не признает меча, тот разрушает государство; но напрасно он думает, что он избавляет себя этим от компромисса: ибо он только предпочитает безвольный, трусливый, предательский и лицемерный компромисс компромиссу волевому, мужественному, самоотверженному и честному. Меч как символ человеческого разъединения на жизнь и смерть не есть, конечно, «нравственно лучшее» в отношении человека к человеку. Но это «нравственно нелучшее» духовно необходимо в жизни людей. Не всякий способен взяться за меч и бороться им, и остаться в этой борьбе на духовной высоте. Для этого нужны не худшие люди, а лучшие, люди, сочетающие в себе благородство и силу; ибо слабые не вынесут этого бремени, а злые изменят самому призванию меча...

Так слагается один из трагических парадоксов человеческой земной жизни: именно лучшие люди призваны к тому, чтобы вести борьбу со злодеями — вступать с ними в неизбежное взаимодействие, понуждать их злую волю, пресекать их злую деятельность и притом вести эту борьбу нелучшими средствами, среди которых меч всегда будет еще наиболее прямым и благородным. Вести государственную борьбу со злодеями есть дело необходимое и духовно верное; но пути и средства этой борьбы могут быть и бывают вынужденно-неправедные. И вот, только лучшие люди способны вынести эту неправедность, не заражаясь ею, найти и соблюсти в ней должную меру, помнить о её неправедности и о её духовной опасности и найти для нее личные и общественные

противоядия. Счастливы, в сравнении с государственными правителями, монахи, ученые, художники и созерцатели: им дано творить чистое дело чистыми руками. Но не суд и не осуждение должны они нести политику и воину, а благодарность к ним, молитву за них, умудрение и очищение: ибо они должны понимать, что их руки чисты для чистого дела только потому, что у других нашлись чистые руки для нечистого дела. **Они должны помнить, что если бы у всех людей страх перед грехом оказался бы сильнее любви к добру, то жизнь на земле была бы совсем невозможна.**

Ильин неоднократно подчеркивал, затрагивая эту тему, что такой исход требует прежде всего и больше всего целостного характера: «А что есть характер? Это органическое единство личности — её духа и её инстинкта; это непререкаемый авторитет внутренней святости; это власть над собой и своею страстью. Не стоит любить от бесхарактерности, от безволия, слабости и робости; любить из безволия и долюбиваться до сентиментального расслабления. Учитесь христианской любви у Преподобного Сергия, у Патриарха Гермогена, у Александра Невского; и не учитесь ей у Льва Толстого и его последователей. Помните: в любви нужна не только мука за другого, но и гроза за него; ибо настоящая любовь видит в человеке не только стонущую животность, а ангельский зрак; и знает, что падшему ангелу подобает не сентиментальное сочувствие, а огненный меч»¹¹⁴.

Завершая первую часть монографии, хочется привести цитату философа Н. П. Полторацкого, ученика И. А. Ильина, одного из хранителей творческого наследия мыслителя, создателя его архива в Мичиганском университете:

«Относительно русской религиозной философии XX века можно сказать, что много было званных, но мало избранных. В идейном наследии каждого из русских религиозных философов есть, конечно, немало — а в некоторых случаях и много — ценного, но только немногие из этих философов

¹¹⁴Ильин И. А. О сопротивлении злу силой. [(1931, Рига); 1984, Мюнхен. Текст лекции] // Собр. соч. Т. 5, 1995. С. 285.

могут быть отнесены к категории учителей, духовно-идейных водителей — в точном смысле этих слов. Ильин принадлежит к категории людей, по-настоящему избранных. У него есть чему поучиться и нынешним поколениям, и будущим. Ибо он был носителем не только верных идей, но и духовного меча и животворящего креста. Именно такие вдохновенные и вдохновляющие — и предметно-компетентные и ответственные — учителя и нужны в наше смутное и трудное время. И, конечно, именно такие нужны будут и в будущем»¹¹⁵.

¹¹⁵ *Полторацкий. Н. Иван Александрович Ильин. Жизнь, труды, мировоззрение. Сборник статей. 1989. С. 236.*

РАЗДЕЛ 2.

Идеи мыслителя на перекрестках истории России XX века.

И. А. Ильин о воинском служении и казачестве.

В круг научных исследований Ильина русская история и проблематика национально-культурного своеобразия России первоначально не входили. Но катастрофические события 1917-го и последующих годов вызвали у философа желание серьезно разобраться над глубинными причинами краха русской исторической государственности. Он принимает активное участие в обсуждении социальных проблем России, погруженной в революционный водоворот. Характерные названия его статей этого короткого и бурного времени – «Порядок или беспорядок», «Демагогия и провокация», в которых Ильин обозначает начавшийся распад общественного порядка под воздействием антигосударственных сил.

После июльского мятежа большевиков — их попытки установить свою власть, Верховный главнокомандующий русской армией Лавр Георгиевич Корнилов предлагает главе Временного революционного правительства Александру Федоровичу Керенскому привлечь армию для укрепления власти в стране. Корнилова поддерживают участники собравшегося в Москве Всероссийского демократического совещания.

Марина Цветаева описала свои впечатления от казачьего лидера, ставшего надеждой на спасение России:

...Сын казака, казак ...
Так начиналась — речь.
— Родина. — Враг. — Мрак.
Всем головами лечь.

Бейте, попы, в набат.
— Нечего есть. — Честь.

— Не терять ни дня!
Должен солдат
Чистить коня...

Однако договоренность Верховного главнокомандующего о введении верных частей армии в Петроград для укрепления государственной власти нарушается Керенским. Как писал Ильин по следам событий, Керенский объявил выступление Верховного главнокомандующего мятежом, страшая, что, «уступив первенство великому патриоту, т. е. “мятежнику и изменнику” Корнилову»¹¹⁶, он может потерять личную власть. Казачьи части под водительством Корнилова остаются в одиночестве. И очень скоро оставшееся без поддержки Армии Временное революционное правительство свергается отрядами той самой Красной гвардии Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, которую Л. Д. Троцкий резко увеличил и хорошо вооружил с подачи Керенского, призвавшего на борьбу с Корниловым.

8 и 12 октября 1917 года в газете «Утро России» появились статьи И. А. Ильина «Куда идет революционная демократия» и «Отказ г. Керенского», с указанием, что за последние месяцы революция медленно, но неуклонно вырождалась в *гражданскую войну*, когда левые партии деморализовали народ, превратив его в толпы погромщиков и террористов. «Патриотизм смолк, государственность поругана, идея правовой организации народоправства не имеет будущего»¹¹⁷, — предрекает Ильин. В отказе Керенского от «водворения дисциплины в армии и порядка в стране» мыслитель увидел сентиментальную беспомощность перед надвигающимся всероссийским погромом. Ильин разоблачает председателя Временного революционного правительства как человека, который «вообще не понимает, в чем

¹¹⁶Ильин И. А. Отказ г. Керенского // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 9–10. М., 1999. С. 180.

¹¹⁷Ильин И. А. Куда идёт революционная демократия? // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 9–10. С. 175.

состоит сущность государственной власти», в неосведомленности о том, что происходит в стране. А происходит даже «не гражданская война, но избиение культурного меньшинства темною толпою»¹¹⁸.

На 2-м Московском совещании общественных деятелей 12 октября Ильин выступает с речью, где продолжает обвинять Временное революционное правительство в провокационном безвластии: «Что осталось сейчас от власти? Семь месяцев она совершенствовала линию своего поведения и, наконец, излилась в своего рода словоблудие... Когда смотришь на совершающееся вокруг, невольно спрашиваешь себя: провоцировать честного патриота, вовлечь его в своего рода неповиновение и объявить его мятежником и изменником — это тоже революция? Тогда *мы контрреволюционеры*... И если нам говорят, что всё то, что происходит, есть революция, то мы, слава Богу, не революционеры. *Мы контрреволюционеры*»¹¹⁹. Открытое провозглашение себя контрреволюционером в окружающем море террора «революционной анархии» было весьма смелым поступком. Но Ильин уже определился с ориентирами: не только большевики, но и Керенский для него стали стихией развала. Он смело и бесповоротно встал на сторону «вождя партии порядка», «великого патриота» генерала Корнилова. В дальнейшем философ всегда разоблачал события 1917 года как крупнейший провал русской государственности¹²⁰.

При отсутствии дееспособной государственной власти, в условиях нарастающего общественного хаоса шла подготовка к выборам и созыву Учредительного собрания,

¹¹⁸ Ильин И. А. Отказ г. Керенского // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 9–10. С. 181.

¹¹⁹ Ильин И. А. Речь на 2-м Московском совещании общественных деятелей // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 9–10. С. 182 — 183.

¹²⁰ См. статьи Ильина «О формальной демократии», «Заветы февраля», «Фанатики “Общественного договора”», «Демократия — немедленно и во что бы то ни стало [третий путь]», «Политическое наследие революции», «Русская революция была катастрофой», «Русская революция была безумием».

о котором многие годы мечтала русская либеральная интеллигенция. В статье «Чего ждать?» Ильин предупреждает «наивные души»: «По-видимому, в ноябре и декабре русскому народу предстоит дожить до Учредительного собрания и разочароваться в нем»¹²¹.

Уже в те дни И. А. Ильин обращается к анализу исторических корней кризиса, приведшего к катастрофе государственности. В статье «Корень зла» он отмечает: «Напрасно было бы сводить переживаемое ныне разложение России к ошибкам и провалам последних месяцев... Напрасно думать, что “всё дело в войне” или “в революции”»¹²². И указывает на **корни беды – вековое возношение государства над народом.**

Далее он отметит глобальный масштаб духовно-нравственного кризиса: «В мире поднялось упорное и жестокое гонение на любовь – поход на семью, отрицание родины, подавление веры и религии... Злоба стала доктриной»¹²³. «Зияющая расселина образовалась в современном мире... **По одну сторону расщелины стоят люди, отстаивающие свое достоинство, серьезно и свято относящиеся к своей чести; по другую – люди, презирающие честь**»¹²⁴, – так обозначает Ильин начавшуюся эпоху революций и гражданский войн.

Погружение в революционные события и гражданскую войну дали ученому обширный материал для размышлений. В дальнейшем И. А. Ильин будет изнутри наблюдать и ключевые события в Италии (1920-е годы)¹²⁵, в Германии 1930-х годов и весь этот личный опыт поможет ему в осмыслении исторического пути наций и государств, прежде всего – русского народа.

¹²¹ Ильин И. А. Чего ждать? // Ильин И. А. Собр. соч. Т.9–10. С. 184.

¹²² Ильин И. А. Корень зла // Ильин И. А. Собр. соч. Т.9–10. С. 197.

¹²³ Ильин И. А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 3. М., 1994. С. 235.

¹²⁴ Ильин И. А. Я вглядываюсь в жизнь // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 3. М., 1994. С. 145–146.

¹²⁵ См. цикл статей *Ильина* «Письма о фашизме».

Многократно арестованный ВЧК¹²⁶ и судимый за контрреволюционные настроения после Октябрьской революции И. А. Ильин в 1922 году приговаривается советским государством к высылке из страны, а в дальнейшем его лишают советского гражданства. 26 сентября 1922 года корабль «Oberbürgermeister Hacken» уходит из Петроградского порта и направляется в германский порт Штеттин. На борту «философского парохода» – большая группа русских ученых с семьями. В их числе и супруги Иван Александрович и Наталья Николаевна Ильины.

Вскоре после изгнания философ писал родственнице: «В самые трудные, мучительные минуты я испытываю каждый раз неопишное спокойствие от чувства и сознания себя в Его воле и в Его любви. Стоит мне только почувствовать, что главное в моей жизни есть любовь к Нему — и я осезаю себя не одиноким, нужным, принятым и устроенным. Он ведет; может ли быть не ко благу? И спрашивать ли еще, куда ведет? *Только бы мне всегда любить Его больше всего — и понимать, что остальное в Его воле; и тревожиться ли тогда еще за себя, за дорогих сердцу, за нашу чудесную родину?»*¹²⁷.

Ильин становится профессором финансируемого германским правительством Русского Научного Института в Берлине. 17 февраля 1923 года на его открытии в те дни исполняющий обязанности декана формируемого юридического факультета профессор И. А. Ильин произносит программную речь «Проблемы современного правосознания», в которой определяет современную эпоху как **«эпоху великого духовного разоблачения и пересмотра»**, а главная

¹²⁶ Арест пр.-доц. И. А. Ильина // Заря России. М., 1918.04.17.

¹²⁷ Ильин И. А. Письмо к Л. И. Гуревич 28.05.1922 // Ильин И. А. Собр. соч. Дневник. Письма. Документы (1903–1938). М., 1999. [Т. 11]. С. 98–99.

причина мировых потрясений — духовное оскудение, вырождение духовной культуры человека¹²⁸. «Разложение современного правосознания так велико, и коренится оно столь глубоко, что продолжение этого процесса грозит гибелью всей цивилизации и всей культуре... Необходимо поставить перед собою задачу верного воспитания верного правосознания в наших детях и детях наших детей; чтобы избавить их и их внуков от того горя и того стыда, в котором ныне медленно сторают наши души... Пусть главным источником нашего вдохновения в этом трудном и ответственном деле будет глубокая и предметная любовь к нашей чудесной и страдающей России!»¹²⁹.

* * *

Уже вскоре после прибытия в Берлин Ильин устанавливает с связь с вождем белого русского воинства генералом Петром Николаевичем Врангелем. Он пишет Главнокомандующему русской армией в изгнании: «В армии, руководимой Вами, мне всего дороже её живое вдохновение, уже превратившееся в волевой характер. Это вдохновение в корне своем *религиозно*; этот характер в строении своем *рыцарственен*. История человечества обогатилась новым *орденом*; Россия рухнула потому, что такого ордена у нее не было; без такого ордена Россия не возродится; падение большевиков и конец революции не должны быть концом его, но укреплением. Идея этого ордена должна быть осознана, выговорена, раскрыта во всей её государственно-патриотической силе. В разложении мировой политики, культуры и религиозности — это *гнездо духовного здоровья*. Драгоценнее всего — блюсти его внутренний, вполне не насиуемый и вполне необходимый рост. Я сам — глубоко убежденный

¹²⁸Ильин И. А. Проблема современного правосознания // Ильин И. А. Собр. соч.: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). [Т. 14]. М., 2001. С. 445.

¹²⁹Ильин И. А. Проблема современного правосознания. С. 462–463.

монархист; я считаю подлинную монархию одним из самых чудесных достижений духовной жизни. И в то же время я считаю глубоко правильной позицией Главного Командования в этом вопросе: бутон не расковыривают, он расцветает сам; и когда расцветет – явит красоту»¹³⁰. В генерале Врангеле философ увидел единомышленника, защитника России с надпартийной позицией.

Действительно, Пётр Николаевич оказался духовно и идейно близок Ильину. И когда 1 сентября 1924 года Главнокомандующий П. Н. Врангель преобразовал кадры русской армии в зарубежье в воинское братство, названное «**Русским Общевоинским Союзом**», Иван Александрович установил с Союзом тесное сотрудничество. Для белых русских воинов он становится как бы внепартийным идеологом Белого движения. Позже И. А. Ильиным была написана статья «Что такое Русский Общевоинский Союз»¹³¹.

* * *

Весной 1926 г. И. А. Ильин принимает участие в работе Российского зарубежного съезда, где произносит речь, разоблачающую дух партийности, царящий в эмиграции: «Если дух партийный, дух гражданской войны не откипел в наших сердцах, то мы не способны к единению»¹³². И констатирует: «Дух партийности царит еще среди зарубежной эмиграции. И пока этот дух царит, не заслужим мы царственного обновления России. Нет еще мудрости, нет надпартийного парения; *нет государственной зрелости*. И пока нет её — всякий орган, всякая организация будет партийным

¹³⁰ Ильин И. А. Письмо к П. Н. Врангелю 05.04.1923. [Т.11]. С. 211.

¹³¹ См.: Ильин И. А. Что такое Русский Общевоинский Союз // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. 1. М., 1993.

¹³² Речь И. А. Ильина [на Российском Зарубежном съезде]. 1926 г. // Ильин И. А. Собр. соч.: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). М., 2001. [Т. 14]. С. 465.

и гибельным делом... Да не будет партийного совдепа ни слева, ни справа»¹³³.

Но эмиграция оказалась неспособной к какому-либо единению в целях общей работы во благо грядущей России. Проходят еще годы эмиграции, и Ильин понимает, что его призыв к русским соотечественникам в эмиграции, участвовавшим в дореволюционной России в различных партиях и течениях, смотреть на проблему не с партийных и идеологических позиций — не находит отклика.

С утверждением Гитлера во главе Германии в 1933 году и его активной политики отрицания коммунизма в правых кругах русской эмиграции появляются надежды на возможное сотрудничество в деле военного свержения советской диктатуры в России. Эти надежды отразились как в сотрудничестве части русской эмиграции с правительством Гитлера, так и в публикациях зарубежной прессы. Например, в 1936 году в прессе появился обмен мнениями русского генерала М. Скородумова и военного историка А. Керсновского. Если Керсновский отрицал всякое военное сотрудничество с иностранцами в деле освобождения России, то генерал Скородумов надеялся использовать это сотрудничество в интересах России.

Из европейских лидеров реально поддерживал Гитлера польский лидер Пилсудский, установивший с ним связь с первых дней прихода национал-социалистов к власти в Германии, и если бы не смерть польского политика, возможно, поляки так бы и остались ближайшими соратниками Третьей германской империи. В 1938 году происходит сговор Польши с Гитлером по разделу Чехословакии (надо отметить, что Чехословакия была абсолютно про-русской, после гражданской войны из России туда перебралось много беженцев). В 1936 году в Германии прошли Олимпийские игры, и весь мир рукоплескал Гитлеру. А успехи в экономике и социальных преобразованиях были невероятными на фоне всеобщего кризиса.

¹³³ Речь И. А. Ильина [на Российском Зарубежном съезде]. С. 467.

В 1939 году, через два месяца после начала войны Гитлера с Польшей и вступления советских войск в восточные регионы Польши, председатель Совета Народных Комиссаров СССР В. М. Молотов выступил на сессии Верховного Совета СССР со словами обличения империалистов Англии и Франции в их противостоянии социалисту Гитлеру. В 1940 году председатель СНК СССР Молотов посещает Берлин с дружественным визитом. Отношения СССР и Германии в августе 1939 — июне 1941 годов — отдельная страница истории, когда в пике Великобритании и Франции лидеры двух держав устраивают показное сотрудничество и чуть ли не единодушие.

Сам Ильин 17 мая 1933 года публикует в Париже статью «Национал-социализм. Новый дух», в которой отмечает первые социально-экономические преобразования нового правительства Германии¹³⁴.

Однако Ильин очень быстро разобрался с сущностью происходящих в Германии процессов и уже осенью 1933 года, когда русского профессора с немецкими корнями приглашают в ведомство Геббельса, предлагая ему возглавить Русский Научный Институт в Берлине и стать лидером пропаганды идей германского национал-социализма во всей русской эмиграции Европы, И. А. Ильин отказывается от головокружительной карьеры войти в элиту Третьего рейха. Философ высказывает свое несогласие с идеологией и программой национал-социализма, с идеей разделения России на отдельные государства и территории.

19 августа 1934 года в Германии проводится референдум и по его итогам Гитлер — с 30 января 1933 года рейхсканцлер Веймарской республики — совмещает этот пост с постом рейхспрезидента. Ему официально присваиваются титулы вождя (фюрера) и рейхсканцлера Германии. В тот же день на верность фюреру и рейхсканцлеру приводятся к присяге

¹³⁴ См.: *Ильин И. А. Национал-социализм. Новый дух // Ильин И. А. Собр. соч.: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954)*. М., 2001.

Вооруженные Силы Германии. Устанавливается личная диктатура Гитлера и его партии вне всякого контроля со стороны каких-либо организаций и учреждений. Начинается зачистка неблагонадежных во всех сферах. С этого момента у Ильина начинаются серьезные проблемы: его ставят на учет в государственной тайной полиции, в дальнейшем неоднократно допрашивают в гестапо. С сентября 1934 года профессора Ильина исключают из Русского Научного Института, ему запрещена преподавательская деятельность, общественные выступления и публикации в Германии.

В октябре 1934 года Ильин писал Шмелёву, что в гитлеровской Германии «Русская национальная карта бита»¹³⁵, русскому патриоту с Гитлером нельзя иметь никаких дел, он — враг национальной России. А осознал это еще летом 1933 года, почему и не продолжил заявленный цикл статей о национал-социализме. Тем не менее мы знаем, что Шмелёв не послушал Ильина и в июне 1941 года публично поддержал вторжение Гитлера в СССР, как и Мережковский, Краснов, Марков и немало других русских эмигрантов и выходцев из России, не принявших революцию и большевистскую диктатуру.

В дальнейшем Ильин в письмах всегда указывал единомышленникам, всем русским эмигрантам: нельзя освободить Родину чужими руками, надо самим готовить это освобождение. Он один из немногих в русском зарубежье был абсолютно уверен, что Гитлер не сможет победить Россию, пусть даже и Советскую.

Здесь уместно вспомнить, что в середине 1930-х годов Гитлер признавался мировыми лидерами как руководитель, успешно восстанавливающий экономику, образование, культуру, строящий социализм в стране, еще недавно лежащей в разлухе после поражения в Первой мировой войне в 1918 году. Переделанные под более массовое использование

¹³⁵Ильин И. А. Письмо к И. С. Шмелёву. 02.10.1934. [Переписка с И. С. Шмелёвым] // Ильин И. А. Переписка двух Иванов (1932–1934). М., 2000. С. 491.

океанские туристические лайнеры с путешествующими рабочими из Германии заходили в порты стран всех континентов и свидетельствовали о заботе режима о простом рабочем человеке. Весь мир в 1936 году направил своих спортсменов на проводимые в Германии Олимпийские игры. И вот на этом фоне позиция И. А. Ильина поражает своей прозорливостью: уже летом — осенью 1933 года он твердо определился в своем отрицании идей национал-социализма. Ибо он узрел, что «Гитлер идет по пути антихриста, предваряя большевиков»¹³⁶, как сам позже писал.

* * *

Постоянные преследования в нацистской Германии¹³⁷ и запрет на работу вынуждает Ильиных эмигрировать. Летом 1938 года им удается выехать в Швейцарию и остаться там лишь благодаря финансовой помощи композитора Сергея Васильевича Рахманинова, внесшего в швейцарскую казну за беженцев-эмигрантов денежный залог. Именно здесь Ильин обращается к серьезному изучению русской истории, культуры и цивилизации.

В Швейцарии Ильины поселяются в небольшом пригороде Цюриха Цолликоне, где живут до конца своего земного пути.

Русская эмиграция в Швейцарии, по оценке Ивана Александровича, была несколько иного склада, чем политизированная эмиграция Германии и Франции: «Уровень здешних русских не идет дальше сплетен и интриг. Поп (соборянин) злобный интриган, черносотенец и кляузник; член масонской “русской правды”. Так ничего не придумал лучшего, как на исповеди допросить меня, не масон ли я, и получив категорическое (конечно) отрицание — допустить меня к причастию и *postfactum* объявить меня масоном...

¹³⁶ Ильин И. А. О фашизме // Ильин И. А. Наши задачи. Кн. I. С. 87.

¹³⁷ Арест проф. Ильина // Последние новости. Париж, 1933.09.09.

– А туземцы – считают себя законченными, каждый на свой лад, не “ищут” и свободы духовного видения лишены вовсе. Каждый имеет свою готовую карманную “ми-мистику” и ею меряет людей. Словом, я чувствую себя в беспросветной ссылке. Права на труд не имею. И удивленно спрашиваю: “Господи! Я мнил себя слугою Твоим... Неужели я не нужен Тебе для России? Доколе же быть мне забытым в чужом архиве?!”... И — покоряюсь. Плачу, но не ропщу»¹³⁸.

Друживший многие годы с Ильиным Иван Сергеевич Шмелёв также отмечал удивительную подозрительность и немилосердность «коренной» русской эмиграции. После смерти своей супруги Иван Сергеевич изливал в письме свои переживания другу: «В эти недели я часто видел притчу о милосердном Самарянине. Меня утешали чужие, да, чужие, многие. Вы утешали меня, да — и Вы чувствовали себя в этом — бессильным. Да чем же, да как же в отдалении можно утешить? Чужие меня тщились утешить взглядом, слезами. Да, М. Вишняк — плакал со мной. И Фондаминский — плакал. А Семёнов и Гукасов даже не почтили память Светлой моей... Но — сухость, жесткость наших национальных — даже в беспамятстве мом — мне кололи сердце»¹³⁹.

И. А. Ильин жил в Швейцарии «без права оседлости и без права на труд»: «Не сомневаюсь, что имел бы и то и другое, если бы примкнул к католикам или к масонам. Но я останусь до конца дней русским “мустангом”, свободным патриотом, повинующимся только Богу и Совести»¹⁴⁰. Тем не менее надо было налаживать жизнь в новых условиях. Ильин продолжает много читать и писать «в стол», ищет возможность

¹³⁸ *Ильин И. А. Письмо к И. С. Шмелёву 20.01.1940 // Ильин И. А. Собр. соч. Переписка двух Иванов. (1935–1946). [Переписка с И. С. Шмелёвым]. М., 2000. [Т. 13. Кн. II]. С. 288.*

¹³⁹ *Шмелёв И. С. Письмо к И. А. Ильину 13.08.1936. [Т. 13. Кн. II]. С. 155.*

¹⁴⁰ *Ильин И. А. Письмо к Н. П. Рыбакову, ноябрь 1947 г. // Ильин И. А. Собр. соч.: Письма. Мемуары (1939–1954). [Т. 12]. М., 1999. С.196.*

заработка. Под псевдонимами Альфред Норманн, Старый политик, Юлиус Швейкерт и другими стали публиковать его статьи.

В 1940–1941 гг. И. А. Ильин ведет заочные чтения «О грядущей России», которые размножают на ротаторе в Женеве. Было напечатано 9 выпусков чтений по 4 – 10 страниц каждый: «Вера в Россию», «О свободе», «В поисках справедливости», «Основная задача», «О сильной власти», «О русском национализме», «Утверждение личного начала», «О русской идее», «Идея предметного воспитания». Здесь мыслитель отмечает характеристики русского народа.

С началом германо-советской войны Иван Александрович читает для русских и швейцарцев курсы лекций по русской истории и культуре. Попытка проведения культурологического семинара с добровольными пожертвованиями не увенчалась успехом: «Во время войны всем было не до того, посещение стало неаккуратное, мужской элемент то и дело отзывался в армию, женщины — на трудовую повинность. Тогда я решил, что если я запишу эти мои лекции, то они послужат потом России больше и лучше, чем эти неаккуратные занятия»¹⁴¹. Так появляется выдающийся труд И. А. Ильина, на который его многократно вдохновлял И. С. Шмелёв — «**Сущность и своеобразие русской культуры. Три соображения**». Первые три части были изданы в 1942 году в Цюрихе на немецком языке¹⁴², позже дополнены еще тремя частями:

- I. Душа;
- II. Вера;
- III. Ход исторического развития;
- IV. Главные национальные проблемы России;
- V. История становления государства;
- VI. Творческая идея России.

¹⁴¹ Ильин И. А. Письмо к Н. В. Борзову 21.07.1948. [Т.12]. С.113, 115–116.

¹⁴² Jvan Iljin, professor. Wessen und Eigenart der russischen Kultur. DreiBetrachtungen.

Именно в швейцарской эмиграции за последние полтора десятилетия своего научного творчества Ильиным высказаны основные идеи о русской нации-цивилизации в её творческом саморазвитии.

* * *

Итак, с конца 1930-х годов Ильин активно включается в изучение собственно русской истории и культуры. Привыкший к глубокому погружению в предмет исследования, ученый обращает внимание на концептуальные труды по русской истории и культуры. Среди исследований, способствующих пониманию русской истории и культуры, Ильин выделяет книгу Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», труды Н. М. Карамзина, И. Е. Забелина, А. С. Хомякова, И. В. Киреевского, Н. Н. Сухотина, М. И. Кояловича, произведения Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского.

Обращение мыслителя к **теории культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского** – показатель того, что он по-прежнему уделяет научной теоретической базе первостепенное значение. И. А. Ильин воспринял идеи Данилевского о полицентризме развития мировой культуры и соглашается с базовым тезисом о наличии культурного начала у всех народов, вне зависимости от степени их цивилизационного развития: «Богат и прекрасен сад Божий; обилен видами, блещет формами, сияет и радуется многообразием. И каждому народу подобает быть, и красоваться, и Бога славить – по своему»¹⁴³.

И. А. Ильин ведет разговор о нации в историческом развитии, он близок к Данилевскому с его обозначением локальных цивилизаций — «**культурно-исторические типы**». Ученый разделяет ключевые понятия — «**культура**» и «**цивилизация**». Собственно научные исследования И. А. Ильина говорят не о «цивилизации», а о «культуре». По Ильину,

¹⁴³ Ильин И. А. Основы христианской культуры // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 1. С. 324.

культура — духовна, первична, творчески целенаправленна, органична. Цивилизация — технична, вторична, размножаема, механистична, вещественно и инструментально создаваема¹⁴⁴. Культура укоренена в духе бытия, и если для нее главный вопрос «*что?*» — что есть бытие и в чем его *смысл*, то «цивилизация всегда имеет дело с вопросом “*как?*”»¹⁴⁵.

Сущность всякой нации отражается в культуре, в непрестанном живом творчестве народа. Культура всеохватна — от межличностных и семейных отношений до государственного строительства, от быта до высших достижений в искусстве — литературе, музыке, архитектуре, живописи, танце. Культура и есть «*живое органическое единство*» нации, базирующееся на духовно-религиозном своеобразии народа¹⁴⁶. Как пишет И. А. Ильин, «*культура начинается там, — где духовное содержание ищет себе верную и совершенную форму*»¹⁴⁷.

Ученый указывает на национальную жизнь как на формообразующее начало культуры. «Люди связуются в единую нацию и создают единую родину именно в силу *подобия их духовного уклада*», постепенно вырабатываемого как из эмпирической внутренней данности, скрытой в самом человеке — *раса, кровь, темперамент, душевные способности и неспособности*, так и из внешней — *природа, климат, соседи*. Однако вся эта «внешняя и внутренняя эмпирическая данность, полученная народом от Бога и от истории, должна быть *проработана духом*», в результате чего возникает «*единный национально-духовный уклад*», который и связует людей в национальное единство, отмечает Ильин¹⁴⁸.

Таким образом, **культура, творчество формирует из народонаселения нацию**. Именно культурное творчество оформляет и завершает духовную жизнь народа, оправдывая

¹⁴⁴ Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 6. Кн. II. М., 1996. С. 590.

¹⁴⁵ Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 591.

¹⁴⁶ Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 467.

¹⁴⁷ Ильин И. А. Основы христианской культуры. С. 271.

¹⁴⁸ Ильин И. А. Путь духовного обновления. С. 189.

своеобразие жизни нации перед Богом и перед всеми остальными нациями в истории¹⁴⁹.

* * *

Всё многообразие народов Ильин группирует в три основных типа наций-цивилизаций (культурно-исторических типа).

У народов, предрасположенных к **рационализму**, «вся их внутренняя жизнь мышлением побуждается и мышлением определяется; поэтому их первой потребностью является потребность *”понять”*, и значит, *сознание* является главным органом души»¹⁵⁰. Они создают «культуру рассудка».

Другие народы предрасположены к **волюнтаризму**: «вся их внутренняя жизнь определяется волевыми решениями и сохраняет волевую окраску... Их первой потребностью является осознанная потребность в чем-либо»¹⁵¹. К укладу волевых народов И. А. Ильин относит древних римлян, а также древнеиудейскую культуру.

Есть народы, пишет И. А. Ильин, «склонные к **созерцанию**, ведомые сердечным разумением и проникновенным восприятием»: «раскованно-свободные, естественные чувства и живое, спонтанное созерцание составляют их исконную стихию»¹⁵². Так, пластичность воображения, любовь к свободе, (вместе с «лукавым духом предпринимательства») изначально задавали тон в Древней Греции¹⁵³. Греки искали «совершенства» более всего в чувственном созерцании и создали «религию образной красоты»¹⁵⁴. К созерцательно-му культурно-национальному укладу Ильин относит также «азиатского индуса», с его «мечтательной умозрительной

¹⁴⁹ Ильин И. А. Путь духовного обновления. С. 194.

¹⁵⁰ Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 413.

¹⁵¹ Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 414.

¹⁵² Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 414.

¹⁵³ Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 411.

¹⁵⁴ Ильин И. А. Путь духовного обновления. С.85.

фантазией»¹⁵⁵. «Сердце и созерцание — эмоциональны, интуитивны; они органичны, не поддаются ни дисциплине, ни механизации, они восходят как бы из нижнего, более глубокого, иррационального пласта»,¹⁵⁶ — пишет Ильин. «Именно так живет и творит русский в своей не сломленной и не изъеденной абстрактным, пустым рассудком, несколько детской доверчивости, в своей темпераментно захватывающей эмоциональности»¹⁵⁷.

* * *

Русский культурно-исторический тип, нацию-цивилизацию И. А. Ильин квалифицирует как чувственно-созерцательную: «Русский народ — народ сердца...; народ с воображением, склонностью к созерцанию»¹⁵⁸.

Как таковой «национально-русский духовный акт», пишет Ильин, сложился под влиянием «четырёх великих факторов:

- природы (континентальность, равнина, климат, почва),
- славянской души,
- особой веры и
- исторического развития (государственность, войны, территориальные размеры, многонациональность, хозяйство, образование, техника, культура)»¹⁵⁹.

По мнению Ильина, «свободное созерцание русскому дано от природы»¹⁶⁰. «Русская «природа не плывет мимо души, она вторгается в нее, захватывая её в свой круговорот — то сумасшедше-пьянственной весной, то раскаленным грозным летом, то красавицей осенью, то бело-покровной,

¹⁵⁵ Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 411.

¹⁵⁶ Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 570–571.

¹⁵⁷ Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 414.

¹⁵⁸ Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 570.

¹⁵⁹ Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 595.

¹⁶⁰ Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 405.

крепко-морозной, вихре-метелистой зимой»¹⁶¹. Бескрайние просторы России «раскрыли наши души и дали им ширину, вольность и легкость, каких нет у других народов», поэтому сама «*духовная свобода дана нам от природы; духовное оформление задано нам от Бога*»¹⁶². Бескрайность просторов и разноликая красота породили «наше видение, нашу мечтательность, нашу песню, нашу созерцающую “лень”»¹⁶³.

Ильин указывает, что природно-климатические «внешние явления» тысячи лет «настраивали душу нашего народа, испытывали, и проникали, и укрепляли его дух»¹⁶⁴. Обилие степей, пустынь, топей, болот и суровый климат — русскому народу предназначено судьбою жить **в суровой среде**, безжалостно требующей от него приспособления, закалки, выносливости без меры и за любой бытийный шаг заставляющей расплачиваться тяжким трудом и лишениями¹⁶⁵. Отсюда происходит, по мнению И. А. Ильина, и великая выносливость русского народа, неистощимое терпение и стойкость, способность вынести самый низкий жизненный уровень и при этом не падать духом, искусство самопожертвования и безрассудной самоотдачи, определенная независимость от земного, религиозная стойкость души, покладистость и гибкость, наследственная отвага¹⁶⁶.

Ильин указывает «для русской души две великие координаты, стоящие в тесной связи с природой и расой» — «*страстный темперамент и природная гармоничная свобода*»¹⁶⁷. Не случайно «борьба была на Руси извечно любимым видом народно-спортивных игр»: улица на улицу

¹⁶¹ Ильин И. А. Россия в русской поэзии. С. 219.

¹⁶² Ильин И. А. О России. Три речи. С. 9.

¹⁶³ Ильин И. А. О России. Три речи. С. 14.

¹⁶⁴ Ильин И. А. Россия в русской поэзии // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 6. Кн. II. С. 204.

¹⁶⁵ Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 380–382.

¹⁶⁶ Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 540.

¹⁶⁷ Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 397.

(уличанский бой), предместье на предместье (кончанский бой)¹⁶⁸.

При всем значении крови, расы, Ильин указывает на первенство религии в формировании национально-культурного акта. Он отмечает: «Когда я говорю о вере русского народа, я имею в виду *религиозный акт русского православия*, как он формировался исторически, как вынашивался и переживался ядром русско-славянского рода, как воплощался в культуре, какое распространение получил среди национальных меньшинств в России»¹⁶⁹.

Под христианским влиянием сформировалось своеобразие «русского национально-духовного акта»: «у русского человека чувство и созерцание выступают как первичная, то есть изначально более мощная и тем самым определяющая, ведущая и руководящая сила, в то время как воля и рассудочное мышление являются силой вторичной»¹⁷⁰. Параллельно чувству и сердцу следуют внутреннее и внешнее видение, воображение, художественная фантазия и *только затем идет всё остальное — воля и сила суждения ясно осознанной мысли*»¹⁷¹.

Это вовсе не значит, будто русский по природе своей безволен. Но «его воля и мышление побуждаются чувством и сохраняют чувственную окраску; он должен любить, чтобы по-настоящему хотеть»¹⁷². Когда русский человек творит, то он, отмечает И. А. Ильин, «прежде всего и больше всего *любит и ненавидит; любимое свое он созерцает и воображает; и во всем этом остается свободным* (даже без удержу) *и искренним* (даже до безоглядности)»¹⁷³.

Таким образом, главное своеобразие русской души, по убеждению И. А. Ильина, в том, «что созерцание сердцем

¹⁶⁸ Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 518.

¹⁶⁹ Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 416.

¹⁷⁰ Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 413.

¹⁷¹ Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 409.

¹⁷² Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 413.

¹⁷³ Ильин И. А. Россия в русской поэзии. С.227.

является первичной, основополагающей, ведущей душевно-духовной силой, которая заложена в ней и которую она проводит в жизнь»¹⁷⁴.

* * *

В характере русского человека И. А. Ильин на первый план всегда выдвигает *«любовь к свободе»*: **«Свобода – вот воздух России, которым она дышит и о котором русский человек всюду тоскует, если он лишен его. Это есть та свобода, которая уже присуща русскому человеку, изначально данная ему Богом, природой, славянством и верою; свобода, которую надо не завоевывать, а достойно и творчески нести, духовно наполнять, осуществлять, освящать, оформлять... Я понимаю свободу как способ *быть и действовать*; как уклад души и инстинкта; как живой стиль чувства и его проявления – естественного, непосредственного, откровенного в личном и искреннего в великом... Как размах души и полет духа»**¹⁷⁵.

И в культурном творчестве отражена эта *«основная черта русскости, русской души»* – «русская душевная свобода», выраженная в «творческой легкости, подвижности, гибкости, легкой приспособляемости», «эмоциональной текучести и певучести, склонности к игре и импровизации»¹⁷⁶. И сама «история России в целом есть история её борьбы за независимость, за свободное развитие, за вольный дух в вере и культуре»¹⁷⁷.

Конкретным историческим проявлением русской любви к свободе Ильин называет внутреннюю колонизацию и казачество. Как и В. О. Ключевский, И. А. Ильин считает, что история России есть «история нескончаемой внутренней

¹⁷⁴ Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 383.

¹⁷⁵ Ильин И. А. Пророческое призвание Пушкина // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 6. Кн. II. М., 1996. С. 56.

¹⁷⁶ Ильин И. А. Пророческое призвание Пушкина. С. 59.

¹⁷⁷ Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 553.

колонизации, и притом в двух параллельно протекающих процессах: первый — это колонизация как массовое мероприятие правительства, как проведение государственной политики возделывания новых земельных площадей; второй — колонизация как спонтанное творческое движение людей, как свободно растекающийся поток народа, стремящегося к хозяйственной независимости и свободе»¹⁷⁸. Именно частная инициатива и свободное расселение способствовало росту государства вширь, и как таковая колонизация одновременно являлась миссионерством.

И этот дух свободы русского человека попирался некоторыми «историческими бременами» Руси-России, формировавшими русскую нацию. Прежде всего, Ильин указывает на **«время земли»** – «необъятного, непокорного, разбегающегося пространства», которое было не захвачено, но «само навязалось нам; оно заставило нас овладеть им, из века в век насылая на нас вторгающиеся отовсюду орды кочевников и армии оседлых кочевников»¹⁷⁹. Такая «географическая трибуна», на которой разыгрывается русская история, сама по себе ставила проблемы и определяла народную судьбу. Огромная территория Восточной Европы, расположенная между двумя мощными континентальными блоками – Западной Европой и Азиатским континентом, «стала проходным двором для переселения народов, подлинной “ареной” вечных кочевников или тех, кто не успел обрести оседлости»¹⁸⁰. Восточные славяне вынуждены были жить и создавать на открытой равнине, обустроившись на «проходном дворе предыстории и истории», служить оборонительным форпостом западноевропейской культуры, от которой они ничего не унаследовали, рассчитывать только на свои силы, и в любой момент ждать опасности

¹⁷⁸ Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 554–555.

¹⁷⁹ Ильин И. А. О России. Три речи // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 6. Кн. II. М., 1996. С. 20.

¹⁸⁰ Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 474.

нового вторжения и нападения¹⁸¹. Так было во все эпохи — «вечный нажим презрительно-завистливой Европы и вторжения хищно-погромной Азии»¹⁸². Россия должна была выдерживать «своеобразный, только ей свойственный груз жизненных проблем, который требовал от народа сил и способностей, развитие и упрочение которых в высшей степени осложнялось самой историей»¹⁸³.

Вся русская история – «скрижаль безмерных трудностей, медленно и терпеливо, кровью и терпением, жертвенностью и храбростью одолеваемых народом»¹⁸⁴. История России подобна истории осажденной крепости, пишет И. А. Ильин: «Века тревоги, века бранного напряжения, века неудачи, ухода, собирания сил и нового, непрекращающегося ратного напряжения»¹⁸⁵. С древних времен русский крестьянин должен был брать с собою в поле оружие, а русский воин кормиться от плуга и косы. Именно суровой школой военной истории многое в России определялось: она привила национальному характеру своеобразную стойкость, подобной которой не найти во всей человеческой истории и которую никогда не следует упускать из виду¹⁸⁶.

* * *

Казачество особый тип земледельца-воина, порожденный бременами земли и духом свободы. И. А. Ильин считает казачество особым русским явлением, которое связано с историческими особенностями развития Руси-России, и «правильно освещенная проблема казачества

¹⁸¹ Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 475–476.

¹⁸² Ильин И. А. О страданиях и унижениях русского народа // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 196–197.

¹⁸³ Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 471.

¹⁸⁴ Ильин И. А. Россия в русской поэзии. С. 229.

¹⁸⁵ Ильин И. А. О России. Три речи. С. 22.

¹⁸⁶ Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 398–399.

дает поучительный взгляд на историю русского народа вообще»¹⁸⁷. Потому он не раз обращается к его истории. Имея возможность издавать альманах «Русский колокол» еще в конце 1920-х годов, И. А. Ильин привлекает казачьих авторов для публикации научно-популярных очерков по истории казачества и описания характерных особенностей их воинского служения¹⁸⁸.

Расселенный с древних времен на «огромной равнине, лишенной защитных природных границ, русский народ был вынужден веками нести тяжкое бремя сражений, обороняясь то от азиатских кочевников монгольского происхождения, то от нападков европейских народов»¹⁸⁹. Со времен Ордынского завоевания Руси в XIII веке и вплоть до XIX века открытость и подвижность границ вели к серьезной напряженности народной жизни. Потому «государству приходилось прилагать все силы и порою перегибать палку, распределяя по возможности бремя, объединяя все сословия и налагая на них обязательства, из-за чего в XVII веке появился “Сословный кодекс”, чтобы на два столетия тяжким бременем лечь на плечи народа. Для дворянства этот кодекс означал обязательную воинскую и государственную службу, для купечества — очень большие налоги на защиту отечества, для крестьянства — *крепостничество*, которое было отменено лишь Александром II в 1861 году... Большая часть привязанного к земле терпеливого и лояльного народа примирялась со своей участью, оставалась на своих местах, несла службу, трудилась и стойко, с готовностью помогала строить национальное государство. Наряду с этим появилось свободолобивое и склонное к мятежу меньшинство, которое стремилось ускользнуть от принуждения. Оно пустилось в бега и стало жить своенравной авантюрой

¹⁸⁷ Ильин И. А. Русский казак // Ильин И. А. Собр. соч. Гитлер и Сталин. Публицистика 1939–1945 годов. [Т. 19]. М., 2004. С. 151.

¹⁸⁸ См.: Ильин И. А. Собр. соч. Русский колокол: журнал волевой идеи. [Т. 21]. М., 2008. 854 с.

¹⁸⁹ Ильин И. А. Русский казак. С. 151.

жизнью в степях *на юге России или в дебрях сибирской тайги*. Эти люди, большей частью темпераментные и предприимчивые, стекались сюда отовсюду; они сбегали от твердого государственного порядка и, будучи свободными индивидуумами, собирались на территории, недоступной государеву оку, между укрепленными и охраняемыми границами русского царства, с одной стороны, и поселениями беспокойных кочевников — с другой. Это и были *первые казаки*¹⁹⁰.

И. А. Ильин указывает, что **самоназвание «казак»** — татарского, тюркского происхождения, означающее «легко вооруженного всадника, который влачил свое существование в степи на собственный страх и риск, будь то охота, война или разбой»¹⁹¹. Не связанные службой никакому государству, никому не обязанные «первые русские казаки сбивались в предприимчивые и всегда готовые к нападению шайки, которые пускались в военные авантюры. *По языку, национальности, вере, темпераменту и выносливости они были русскими. По образу жизни, вооруженности, нравам и обычаям своего ремесла это были кочевники, зарабатывавшие на жизнь разбоем*»¹⁹².

Придерживаясь *внегосударственной свободы и братства*, они на свободных собраниях сами выбирали себе атаманов и предводителей. Для обороны они строили в степи крепости, однако кроме выпаса стад скота хозяйством не занимались. То есть вплоть до XVIII века «их ни в малой степени не заботила внешняя политика Российского государства. Их практической программой были: военная добыча, борьба с «иноверцами», борьба против политического, социального и религиозного гнета»¹⁹³. И. А. Ильин считает, что внешние войны казаков, особенно с Персией и Турцией — были походами за добычей.

¹⁹⁰ Ильин И. А. Русский казак. С. 151–152.

¹⁹¹ Ильин И. А. Русский казак. С. 152.

¹⁹² Ильин И. А. Русский казак. С. 152.

¹⁹³ Ильин И. А. Русский казак. С. 153.

Казачья вольница продолжалась до XVIII века. И. А. Ильин указывает как на борьбу, так и на сотрудничество казаков с Московской властью — с XVI века, со времен царя Ивана Грозного, когда казаки «ведут стихийную борьбу с опричниками»¹⁹⁴, загоняющими население Московии во всё ужесточающееся государево тягло. Склонность населения к анархии, побег от государственных тягот выливалась в колонизацию на периферию, до природных границ. Но постепенно казачья вольница эволюционировала, и уже в XVI веке потянувшиеся в Сибирь казаки с атаманом Ермаком при том же царе Иване Грозном стали колонизировать её для короны¹⁹⁵.

К концу XVIII века, в царствование Екатерины II, случайный отбор казачества прекратился: «Государство поглотило и признало свои мятежные аванпосты и расширило и организовало их предоставлением новых поселений. Началась **планомерная колонизация казаками пограничных территорий империи**. Почти все южные пограничные территории России — от Бессарабии до Кавказа, от Кавказа через Среднюю Азию до Амура на Дальнем Востоке — имели свое **казацкое сословие**, которое признавалось государством, было своеобразно организовано в области управления и самоуправления и подчинялось короне»¹⁹⁶. При том, что «различались дунайские, азовские, донские, волжские, кубанские, терские, оренбургские, уральские, сибирские, среднеазиатские, закавказские и, наконец, амурские казаки», все армии казаков были подчинены наследнику русского престола как своему верховному казацкому атаману¹⁹⁷.

¹⁹⁴ Ильин И. А. Отзыв на роман «Князь Серебряный» А. Толстого \ В издательство Fretz&Wasmuth, Цюрих // Ильин И. А. Собр. соч.: Гитлер и Сталин. С. 535.

¹⁹⁵ Ильин И. А. Отзыв на роман «Князь Серебряный» А. Толстого. С. 535.

¹⁹⁶ Ильин И. А. Русский казак. С. 154.

¹⁹⁷ Ильин И. А. Русский казак. С. 154.

Наряду с «бременем земли», отмечает И. А. Ильин, именно казачество осваивало и другое «бремя» российской государственности — **«бремя народности»**: «до ста восьмидесяти различных племен и наречий» должны были уживаться в России¹⁹⁸. И в лице казачества отразилась способность русского человека, с одной стороны — к уживчивости, с другой — к освоению социокультурного богатства окружающих народностей.

Запорожское, Кубанское, Донское, Сибирское и иные казачьи войска славянских корней являли собою не только отдельные боевые формирования, но, активно соприкасаясь с окружающими их народами, взаимно обогащались с ними особенностями культуры, быта, боевого искусства. Потому так разнообразна сама казачья культура, при всем сведении государственного служения казачьих войск под общий знаменатель.

К началу XX века по образцу русских казачьи войск были сформированы и включены в казацкое сословие казачьи войска из мусульман башкиров и из буддистов калмыков — прямых потомков некогда завоевавших русские земли монголов. Естественно, они сохраняли свои религиозные и культурные традиции. В составе казачьих войск Сибири были буряты — как буддисты и ламаисты, так и христиане. Казачество являло собою собирательный, многоликий имперский образ России.

Ильиным определяется специфика строительства России как нации и государства: это была и остается упорная борьба между порывом к свободе и жесткой государственной необходимостью, между склонностью к анархии и инстинктом национального самосохранения. Именно *из этих двух побудительных мотивов — порыва к свободе и инстинкта самосохранения*, из этих двух сил — центробежной

¹⁹⁸ Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 564.

и центростремительной, единства и множества, разъединенности и сплоченности — складывался исторически государственный строй России. И именно в казачестве, своеобразном *русском рыцарстве*, неукротимая любовь к свободе была признана государством и «получила свое консервативное, гражданственно-религиозное содержание» – охранять рубежи православно-христианского отечества¹⁹⁹.

По слову Ильина, «со временем мятежный беглец сделался консервативным земледельцем, который населял пограничные территории, соединял свободлюбивые традиции с консервативными воззрениями и в то же время, будучи закаленным воином, обладал великолепной, закреплённой генетически военной выучкой. Тем самым казак стал неоценимым обитателем границы»²⁰⁰.

* * *

Иван Александрович Ильин описывал **трагическую судьбу казачества** после революционного краха Российской империи, которую он сам наблюдал в годы Гражданской войны и в изгнании. Он без сомнений поддержал казачьего генерала Лавра Георгиевича Корнилова, Верховного главнокомандующего русской армией, в августе–сентябре 1917 года в его попытке остановить революционный хаос в России, и всегда оставался на стороне Белого дела защиты исторической Руси-России.

И. А. Ильин отмечает, что в «грандиозной гражданской войне 1917–1920 гг. казаки как православные и свободлюбивые крупные крестьяне воевали против коммунистов на стороне “белых армий”,... Огромная часть сражавшегося большинства погибла в гражданскую войну. Были уничтожены и искоренены целые казацкие поселения, по-русски — “станции”. Многие из казаков бежали из страны»²⁰¹.

¹⁹⁹ Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 563.

²⁰⁰ Ильин И. А. Русский казак. С. 153–154.

²⁰¹ Ильин И. А. Русский казак. С. 154.

Установленная большевиками после революции «диктатура пролетариата» даже не подразумевала свободу мнений и самоуправления сословий, которые были упразднены советским декретом сразу же после переворота. Созданная в декабре Всероссийская чрезвычайная комиссия стала органом революционного террора, подавлявшего любые попытки представителей различных сословий отстаивать имеющиеся у них права, в том числе общегражданские. Не случайно в начале 1918 года узурпаторами власти было разогнано Учредительное собрание, собравшее представителей различных партий и представлявшее основные слои населения страны для учреждения формы власти и дальнейших преобразований в России.

Уже в начале 1918 года советская власть начала насильственные мероприятия против Церкви, с конфискацией имущества, стала закрывать «буржуазные» газеты. Тогда же по указанию вождей большевиков Ленина и Свердлова был развязан геноцид и против казачества, так называемое «*расказачивание*».

Естественно, что веками жившее на основе свободы самоуправления вольное казачество не могло смириться с уничтожением свободы. Революция не принесла свободы казакам, как и не дала земли, ибо они ею обладали в достаточной мере, чтобы собственным трудом обеспечивать себе жизнь с достатком. Сопrotивление казачества советской власти разгорелось в 1918 году под водительством атаманов Каледина, Краснова, Семёнова, Дутова и иных по всей стране и соединилось в своей борьбе с Добровольческой армией. В своем основном составе казаки стали на сторону «белой» борьбы против «красной» революции²⁰².

Потому советской властью всегда «казаки считались подозрительными контрреволюционерами», и у них не только отняли самоуправление, но и запретили традиционное военное обучение. И. А. Ильиным время после

²⁰² Ильин И. А. Русский казак. С. 155.

революции определено так: «для казачества наступили годы разрухи»²⁰³. Самоназвание казаков оставалось под запретом все советские годы: их стали записывать в советских документах как русских и украинцев. Лишь накануне военной угрозы в конце 1930-х годов советским руководством было решено из «бывших» казаков формировать армейскую конницу.

В издаваемый под редакцией Ильина журнал «Русский колокол» приглашался для опубликования писатель, казачий атаман генерал Петр Николаевич Краснов, в обзорах которого «Армия», «Казачи, их прошлое, настоящее и возможное будущее» можно почерпнуть серьезную информацию по армейской теме, казачьей истории и судьбы.

* * *

Когда летом 1939 года в европейской среде возникают опасения о возможностях военного сотрудничества Гитлера и Сталина, Ильин, уже находящийся в Швейцарии, пишет: «Европейская оценка Советского государства, его возможностей и перспектив очень часто грешит главным недостатком, а именно — незнанием... Один из последних страшных снов подобного незнания обещает примерно следующее: “Гитлер договорится со Сталиным напасть на демократические страны и уничтожить их”»²⁰⁴. Ильин опровергает возможность стратегического партнерства Гитлера и Сталина: «Распространители этого устрашения рассуждают примерно так: национал-социалистская Германия и Советское государство оба — “тоталитарные государства”; они проявляют большое сходство друг с другом; поэтому им будет легко договориться. Но на самом деле главное не абстрактная “схожесть друг с другом”, а взаимная непримиримость убеждений, конкуренция планов завоевания мира и, в особенности, притязания Германии на так называемое “восточное

²⁰³ Ильин И. А. Русский казак. С. 156.

²⁰⁴ Ильин И. А. Гитлер и Сталин. С. 7.

пространство», т. е. на территорию России, которая представляет собой это самое пространство и неустранимый трамплин мирового коммунизма. Нельзя считать Гитлера доверчивым и наивным; а у Сталина хватило бы хитрости, чтобы перехитрить и обмануть доверчивого врага. Советская Россия только там и только тогда вмешается в мировую войну, когда в другом государстве наступит разложение и когда она будет иметь надежду без риска сорвать устрашающий плод коммунистической революции... Советское государство никогда не станет помогать победе одной коалиции буржуазных государств над другой коалицией; оно постарается стравить и погубить всех без исключения... От Советского Союза Германия могла бы по-настоящему пожелать себе лишь неограниченных поставок сырья»²⁰⁵.

Русский ученый точно определил истинные намерения обеих сторон. И когда весь мир ужасался договору Молотова — Риббентропа, он пишет: «Чтобы правильно понять и оценить новый пакт о ненападении между Германией и Советской Россией, необходимо иметь в виду следующее:

1. Ни один из партнеров по пакту не меняет своих позиций и основного направления политики. Оба по-прежнему думают о захвате, будь то военная угроза, подстрекательские действия в других государствах или свержение режима. *Здесь сближаются два врага, которые собираются разложить и поглотить друг друга...*

2. Ни один из них не обманывается, ни один не питает никаких иллюзий и ни один не обманывает другого. Они используют друг друга в своих собственных интересах перед другими, в надежде таким способом нанести и друг другу наибольший вред, и наилучшим образом вытребовать себе что-то нужное от других... Германия использует этот козырь против Англии и Франции: прорыв так называемой «политики окружения». Против Польши: никакой «поддержки» с Востока в случае войны, никаких поставок...

²⁰⁵ Ильин И. А. Гитлер и Сталин. С. 7–8.

А Советское государство, какую цель преследует оно? Оно хочет ускорить мировую войну, не участвуя в ней»²⁰⁶.

Военно-политическая аналитика Ильина лишена предвзятости, потому максимально точна.

* * *

1939 год все же стал началом мировой войны. Советский Союз, как и предупреждал Ильин, благодаря пакту с Германией, не вступил напрямую в конфликт с главным своим противником, мечтающем о присоединении «восточных территорий». Польша пострадала от договоренностей Германии и СССР, но перед этим польские руководители в сговоре с Германией сами выступили в роли агрессора: часть земель Чехословакии были поделены между Германией, Польшей и Венгрией. Ильин видел хитрую политику Сталина по оттягиванию войны.

Тем не менее, как писал Ильин в январе 1940 года, Советский Союз решил провести испытание своих вооруженных сил. Таковым стала **война с Финляндией**: «Неудачи Красной армии в войне с Финляндией имеют такое значение, которое лишь постепенно будет понято и оценено мировой печатью. Речь идет не только о тактических ошибках или стратегическом отсутствии плана у коммунистического Генерального штаба, но и о последствиях вынужденного отступления красных войск... В долгой, утомительной борьбе за мировую власть, начавшейся в 1917 году, у большевистского агрессора обнаружилась огромная брешь... Потерпело провал коммунистическое государство, которое добровольно предстало для пробы сил, добровольно объявило о явке на экзамен, самостоятельно выбрало время и место для этого экзамена... Проба сил Красной армии есть не что иное, как проба сил самого коммунистического государства. Коммунистическое советское государство двадцать два года

²⁰⁶ *Ильин И. А. К новому пакту о ненападении // Ильин И. А. Гитлер и Сталин. С. 10.*

готовилось к “завоеванию мира”. Оно развивалось как военное государство. Оно выступило как агрессор... Мы совершенно точно знаем, что коммунистическое строительство прежде всего преследовало военные цели, что наибольшая забота проявлялась в первую очередь по отношению к областям промышленности, важным в военном отношении, не оставались в стороне Красная армия и коммунистическая милиция; поставки для них были предметом особого внимания... Красная армия — это еще самый обеспеченный, самый опекаемый социальный слой в Советской России, ибо она — “инструмент мировой революции” и коммунистической самообороны, разрекламированное во всем мире “оружие международного пролетариата”, защитный рубеж “социалистической идеи и социалистического строя”²⁰⁷.

Ильин определяет причину неудачи Красной армии: «Коммунисты всегда были убеждены, что машина может все и что, если у них будут западноевропейские машины, победа придет сама собой. Они — *слепые материалисты и никогда не понимали, на что способна в жизни и на войне живая человеческая душа*. Тоталитарный коммунизм презирует и растаптывает *духовную личность*»²⁰⁸.

* * *

В трудах И. А. Ильина немало размышлений о том, что атеистический советский режим противоположен ментальным основам русского бытия²⁰⁹, его **духовному пониманию человеческой личности**. В статье 1940 года «Русский солдат прежде и теперь» он указывает на изменения, произошедшие в Красной армии по сравнению с русской, императорской. Прежде всего, он отмечает, что основу

²⁰⁷ Ильин И. А. Первая проба сил Красной Армии // Ильин И. А. Гитлер и Сталин. С. 15.

²⁰⁸ Ильин И. А. Первая проба сил Красной Армии. С. 16.

²⁰⁹ См.: Ильин И. А. Советский Союз — не Россия // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. М., 1993.

вооруженных сил — рядовой состав «лишают всякой духовной сознательности, затем вселяют страх, насильственно приобщают к господствующей идеологии и топят в безропотной, рабской муштре»²¹⁰.

В понимании философа «живая личность» человека являет собою «телесно-душевно-духовный организм»²¹¹. «Человеку реально дан от Бога и от природы особый, определенный способ телесного существования, душевной жизни и духовного бытия: индивидуальный способ, — убежден И. А. Ильин. — Всякая теория и всякая педагогика и политика, которые с ним не считаются, вступают на ложный и обреченный путь»²¹².

Христианское мировоззрение видит духовное достоинство человека. И Ильин в течение всего своего творчества — от первых статей по правоведению и истории философии до объемной монографии об «аксиомах религиозного опыта» и философских эссе последнего периода своего творчества — последовательно развивает взгляд на человека как на живой дух²¹³.

Тело – материальный носитель человеческой личности, защищающий её индивидуальность. И это тело несвободно, ибо «оно находится в пространстве и во времени, среди множества других тел и вещей», что «делает тело человека несвободным в движении, смертным и распадающимся до смерти, и всегда подчиненным всем законам и причинам вещественной природы»²¹⁴.

²¹⁰ Ильин И. А. Русский солдат прежде и теперь // Ильин И. А. Гитлер и Сталин. С. 25.

²¹¹ Ильин И. А. Органическое понимание государства и демократии // Ильин И. А. Собр. соч. Т.2. Наши задачи. Кн. I. С. 379.

²¹² Ильин И. А. Путь духовного обновления // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 1. М., 1993. С. 258.

²¹³ См. его дореволюционные работы религиозно-философского характера: «Шлейермахер и его “Речи о религии”», «О возрождении гегелианства», «Философия Фихте как религия совести», «Учение Гегеля о сущности спекулятивной мысли».

²¹⁴ Ильин И. А. Путь духовного обновления. С. 95.

Следующая ступень проявления личности, напрямую связанная с телом — «душа с её разнообразными функциями и силами, индивидуальная форма жизни и инстинкта»²¹⁵. «Душа – это весь *поток не-телесных переживаний* человека, помыслов, чувствований, болевых ощущений; приятных и неприятных, значительных и незначительных состояний; воспоминаний и забвений, деловых соображений и праздных фантазий и т. д.»²¹⁶. Душа так же индивидуально неповторима, как и тело, и «все разговоры о “коллективной душе” и “коллективном бессознательном” идут от людей, мыслящих неточно или же испугавшихся своего одиночества (например, своей беспомощности или своей ответственности). Коллективная душа есть плод фантазии или абстрактной мысли»²¹⁷.

В отличие от тела, душевное не пространственно, не протяженно, не материально, хотя оно и длится во времени и потому нередко описывается как душевный процесс²¹⁸. И всё же душа человека несвободна своей таинственной связанностью с несвободным телом, которое обусловлено жизнью своей природы: «Тело человека ищет своих удовольствий... В это оно вовлекает человеческую душу, причужая её ориентироваться не вверх, а вниз, и незаметно превращая её в свое хитрое, изворотливое и лживое орудие»²¹⁹. Душа также связана своим внутренним устройством: «законами сознания и бессознательного, силою инстинкта и влечений, законами мышления, воображения, чувства и воли»²²⁰.

Уже «силы души могут быть заполнены *нечувственными содержаниями*, т. е. такими, которые лишены не только пространственно-материального, но и протяженно-образного

²¹⁵ Ильин И. А. Основы христианской культуры. С. 313.

²¹⁶ Ильин И. А. Религиозный смысл философии. Три речи // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 3. С. 23.

²¹⁷ Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. [Т. 18. Кн. I]. С. 22.

²¹⁸ Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. [Т. 18. Кн. I]. С. 19.

²¹⁹ Ильин И. А. Собр. соч.: Аксиомы религиозного опыта. [Т. 18. Кн. II]. М., 2002. С. 281.

²²⁰ Ильин И. А. Путь духовного обновления. С. 95.

характера и не имеют для себя никакого, не только “адекватного”, но даже подобного чувственного коррелята»²²¹. Уже внешняя жизнь человека отражает его *сверхтелесные и сверхчувственные восприятия* – веру, знание, добродетель, правосознание, любовь, уважение, честь, патриотизм²²². Это, указывает И. А. Ильин, и есть проявления человеческого **духа**. «Человек есть не только живой организм: он есть *живой дух, которому «подобает свобода веры и любви, созерцания, убеждений и творчества»*²²³.

«**Мир духовного смысла**», внутренние силы и способности человека, определяемые И. А. Ильиным, это – «*чувствование* (жизнь сердца)»; *воля* (способность решать, собирать свои внутренние силы); способность *воображения* («духовная интуиция»); энергия *мысли* (разум)²²⁴. Как видим, «духовность человека отнюдь не совпадает с сознанием, отнюдь не исчерпывается мыслью, отнюдь не ограничивается сферой слов и высказываний. Духовность глубже всего этого»²²⁵. По мысли И. А. Ильина, «дух человека есть личная энергия, и притом *разумная энергия*; разумная не в смысле “сознания” или “рассудочного мышления”, а в смысле *предметного созерцания, зрячего выбора и действия в силу духовно-достаточного основания*»²²⁶. То есть духовное проявляется в человеке через его способность как к рационально-логическому мышлению (человеческий разум), так и через чувства, обращенные к *нравственно-ценностным ориентирам* (человеческое сердце, познающее любовь, совесть, чувство справедливости, молитвенное обретение Божественной очевидности).

²²¹ Ильин И. А. Путь духовного обновления. С. 46.

²²² Ильин И. А. Основы художества. С. 88; Ильин И. А. Путь духовного обновления. С. 67.

²²³ Ильин И. А. Обоснование свободы // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 192.

²²⁴ Ильин И. А. Кризис безбожия // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 1. С. 338.

²²⁵ Ильин И. А. Путь к очевидности. С. 399.

²²⁶ Ильин И. А. Путь к очевидности. С. 405.

Не всякая интеллектуальная и чувственная жизнь человека является проявлением истинного духа. Приобщение личной души к духу происходит за пределами обыденных переживаний: «дух это то, что объективно значительно в душе», «лишь те душевные состояния, в которых человек живет своими главными, благородными силами и стремлениями, обращенными на познание *истины*, на созерцание или осуществление *красоты*, на совершение *добра*, на общение с Божеством — в умозрении, молитве и таинстве; словом, на то, что человек признаёт *высшим и безусловным благом*»²²⁷. В мгновения высших переживаний — в душе происходит *катарсис*: сознание *преображается*, человек восходит на новую ступень бытия, ибо через отблеск абсолютных истины, добра, красоты обнаруживает наличие некоего совершенства и свою возможность приобщения к нему. Переживания души — чувства, мысли, интуиция — обнаруживают иной мир бытия поверх обыденности. Так человек преобразается на мгновения или навечно — в духовную личность, достойную Абсолюта, т. е. жизни в Божественной вечной гармонии.

Переживания могут быть лирическими — при созерцании совершенного искусства (живописи, музыки), личных чувств (любви, благодарения), трагическими — восприятии личной или социальной катастрофы, вплоть до высшего подвига самоотдачи, жертвования воином своей жизни ради национального блага или спасения своих соратников. Так, у христианских свидетелей-мучеников ясное переживание Бога было той силой души, которая преобразало её перед лицом смерти в духовно совершенную и приобщало к Божественной святости.

Дух живет повсюду, где появляется или переживается людьми *Совершенство*, проявляется влечение к Совершенству как смысл человеческой жизни, как внутренняя и реальная творческая причина²²⁸.

²²⁷ Ильин И. А. Религиозный смысл философии. С. 23.

²²⁸ Ильин И. А. Путь к очевидности. С. 410.

Вопрос же о нравственно-совершенном решается совестью, как «особым органом духа или особым актом опытного восприятия»²²⁹. Именно через душевные переживания высшего порядка происходит приобщение индивидуальной души к Высшей Гармонии, к Богу.

* * *

И. А. Ильин отмечает летом 1941 года: «После начала войны с Германией тон советского правительства радикально изменился. Тот, кто часами слушает речи и призывы советских вождей и радиопередачи из Москвы, слышит в них совершенно новые мотивы. Всё зазвучало по-иному, — исчезло слово «коммунист», говорят о русских «народных демократах». Ни слова о мировой революции... Коммунисты закоснели в своей доктрине и своей практике, однако в *народе* начало пробуждаться национальное чувство. Это пробуждение охватило сначала молодежь страны, но затем заговорило и на периферии партии»²³⁰. И в сентябре 1941 года, когда гитлеровские дивизии захватили Украину и Белоруссию, подступали к Москве, Ильин записывает вовсе не пораженческие мысли:

«1. У России может быть много неприятелей в мире, но враг у нее один. Это есть единственный враг, который хотел бы и мог бы завоевать ее, расчленить и поработить.

2. Тягостно и опасно, что борьбу с этим врагом Россия должна вести, находясь в состоянии коммунистического тифа, не преодолев его и не оправившись от него. Однако сильный реактив войны может и должен помочь в этом преодолении.

3. Все разговоры о том, что эта война по намерениям вторгающихся имеет смысл «крестового похода» против коммунизма, суть разговоры лживые или глупые — лживые

²²⁹ Ильин И. А. Путь духовного обновления. С. 120.

²³⁰ Ильин И. А. Русская проблема, увиденная изнутри // Ильин И. А. Гитлер и Сталин. С. 59.

у пропагандирующих, глупые у доверяющих. *Война эта ведется не с коммунистами ради их «идейного свержения», а с Россией.* Коммунистам для того и помогли захватить власть, для того и поддерживали 24 года, чтобы вывести Россию из классического фронта 1914–1917 годов, ослабить её и подготовить к завоеванию. Таков же был смысл пакта о ненападении в 1939 году. Таково же было и предложение неожиданного парашютиста в Глазго: не желаете ли заключить мир за счет пространства на востоке.

4. Что Россия для выздоровления *от коммунистического тифа нуждается в военном потрясении*, ясно уже давно. Это военное потрясение началось при сравнительно благоприятных условиях.

а). Оно могло бы начаться не в контексте мировой войны, а один на один. Или — при условии нападения еще и с Д<альнего> В<остока>. Было бы несравненно хуже.

б). Оно могло бы начаться на условиях гнилой сдачи — уступки Украины и Кавказа, вовлечения красной армии в войну с Индией. Было бы бесконечно хуже и позорнее.

с). Оно могло бы начаться без польских, балтийских и финских подступов, приобретенных за последние полтора года. Было бы хуже.

д). Оно могло бы начаться без финского урока. Было бы хуже.

5. То, что ныне происходит в России — есть явление сложное.

С одной стороны, коммунисты обороняются от национал-социалистов. С другой стороны, *Россия обороняется от Германии.*

Первое не удастся: коммунисты падут. Они падут или от поражения и свержения вражеской армией, или от внутреннего подъема и переворота. Надо, конечно, желать второго исхода.

Но если бы второй исход оказался неосуществимым, если бы осуществился первый исход — то Россия прошла бы через 6–18 месяцев господства завоевателей с тем, чтобы встать на ноги после их удаления. Удаление это

состоится неизбежно, ибо Германия эту войну уже проиграла, и сама это чувствует.

6. Германия проиграла эту войну...

7. Победа красной армии над германцами невероятна. Но деятельность борьбы и её континентальная глубина грозят германцам потерями, новыми фронтами и огромным поглощением оккупационных сил. А может быть и коммунистической заразой.

8. План германцев при начале был такой: в шесть недель оккупация России до Урала; истребление коммунистов и евреев; отпуск плененных красноармейцев по домам (на обработку земли, освобожденной от коллективизации простым оккупационным декретом); вывоз запасов в Германию до зимы; разделение России на систему «Кроаций», управляемых «Павеличами» и «Квислингами»; попытка монархического провозглашения в Москве; угроза Индии с Кавказа; превращение Европейской России в стратегический тыл оси.

Русские Павеличи и Квислинги будут импортированы из продажных лиц эмиграции крайнего правого направления (Made in Germany).

Все это рухнет в час выяснившегося проигрыша войны.

9. Выступления эмигрантов в красной или в германской армии есть не тактика, а эксцесс, эксцесс психологически объяснимый, неуместный и практически нулевой. Сейчас необходима не жестикуляция из-за рубежа, а планомерная, выдержанная и солидарная работа за рубежом в пользу национальной России. Точка для приложения слабых сил эмиграции не «там», а здесь»²³¹.

Ильин отмечает, что еще накануне войны «коммунисты должны были постепенно прийти к пониманию того, что в случае войны между народами им не удастся защитить или двинуть в военный поход страну и государство, используя коммунистические и большевистские лозунги

²³¹ *Ильин И. А.* Сентябрь 1941. [тезисы о России и неизбежном поражении Германии] // *Ильин И. А. Собр. соч.: Новая национальная Россия. Публицистика 1924–1952 гг. М., 2019. С. 789–794.*

и интернационально-революционные цели. Как мы уже писали год тому назад, в борьбе за культуру в России они потерпели поражение». «В конечном итоге случилось чуждое марксистской интернациональной доктрине «у пролетариата нет отечества» «контрреволюционное» явление «и поэтому коммунистический центр вынужден учитывать **пробуждающийся национальный инстинкт самосохранения**, открыть для него отдушины»²³².

По определению Ильина, Советская Россия «состоит из привязанного к своей земле и родине народа и чуждой ему верхушки, состоящей из коммунистов-интернационалистов» — «это в целом две совершенно разные исторические величины и судьбы». И русский народ страдает за ошибки правительства, однако, «когда начинается война, — и именно такая, как эта — тотальная война, не стоит думать, что поражение коснется только правительства... Это не означает, что правительство не выдерживает, разваливается и уходит с исторической сцены, а освобожденный народ, напротив, остается невредимым, одумывается и начинает новую жизнь. Нет, лавина войны обрушивается на всю страну; она, возможно, сметет правительство вместе с его марксистской доктриной и диктаторской практикой, однако перемелет и весь народ. её следы это кровь, слезы, разруха, голод и эпидемия. Потому психологически понятно, что *в случае войны даже самое ненавистное правительство, по крайней мере, в первых крупных боевых операциях находит поддержку в народе*»²³³.

В сохранении лояльности власти Ильин учитывает **народную память о поражении в предыдущей войне**: «в воспоминаниях народа о Первой мировой войне, дезертирство с которой обернулось страшным возмездием, продолжавшимся целых 25 лет, побеждала мысль о том, что эту войну

²³² Ильин И. А. Русская проблема, увиденная изнутри // Ильин И. А. Гитлер и Сталин. С. 59.

²³³ Ильин И. А. Русская проблема, увиденная изнутри. С. 62.

надо лояльно довоевать до конца»²³⁴. И «чем дальше во времени и пространстве заходила война, тем заметнее пробуждался национальный русский инстинкт самосохранения, тем сильнее становилась решимость русского народа обороняться от врага и тем больше воюющие народные массы учились подчиняться дисциплине национального военного Верховного командования, не обращая внимания на партийный режим»²³⁵.

Если «в 1917 году русским отказал национальный инстинкт: его помрачила и заблокировала революция»²³⁶, то ныне, благодаря пробудившемуся инстинкту самосохранения, «русский народ принимает активное участие в новой войне,... русские солдаты воюют не только храбро, но во многих случаях в безнадежной ситуации бьются до последнего патрона. Попав в окружение, они стараются вырваться; везде, где только возможно, пытаются перейти в наступление и т. д. Короче говоря, — до сих пор они воевали тем способом, который был описан Наполеоном: “Русского солдата недостаточно просто убить, его надо еще и повалить”»²³⁷.

* * *

Весной 1942 года Ильин отмечает положительные перемены в состоянии Красной армии и организации тыла в Советском Союзе, по сравнению с периодом войны против Финляндии²³⁸. Ильин обозначает факт невероятной устойчивости России: «В западной Европе нет такой страны, которая бы могла столько потерять, сколько уже потеряла Россия, и вопреки тому могла бы с удвоенной силой продолжать

²³⁴ Ильин И. А. Душа русского народа во время войны // Ильин И. А. Гитлер и Сталин. С. 182–183.

²³⁵ Ильин И. А. Душа русского народа во время войны. С. 182.

²³⁶ Ильин И. А. Русская проблема, увиденная изнутри. С. 63.

²³⁷ Ильин И. А. Русская проблема, увиденная изнутри. С. 64.

²³⁸ Ильин И. А. Прошлое и будущее войны на востоке // Ильин И. А. Гитлер и Сталин. С. 95.

войну»²³⁹. И в дальнейшем во всех его статьях для швейцарской публики, среди которой немало сочувствующих Германии (немецкий язык — один из государственных в Швейцарии, так как около половины населения страны — этнические немцы), просматриваются мотивы не в пользу победы Германии над Советской Россией.

Безусловно, большую роль в преодолении неудач Красной армии 1941 года сыграло создание Антигитлеровской коалиции Советского Союза с западными державами, прежде всего, с Соединенными Штатами Америки и Великобританией. Уже в июле Сталин и Молотов встречаются с представителями Америки и Великобритании. Американское правительство сразу же распространило на СССР действующий для Великобритании ленд-лиз — льготные поставки вооружения, боеприпасов, продовольствия (фактически бесплатные, ибо за расходный материал — боеприпасы и продовольствие, вовсе не требовалась оплата, как не требовалась оплата и за уничтоженное врагом вооружение и технику). В некоторой номенклатуре поставок объем доходил до величин больших, чем произвела в годы войны советская промышленность. Как пример можно указать на автомобили и комплектующие для авиастроения. Да и американское продовольствие помогло избежать голода в годы войны, когда самые хлебородные территории юга России и Украины оказались под оккупацией. Голод в СССР разразился в 1946 году, с окончанием Второй мировой войны осенью 1945 года и прекращением поставок по ленд-лизу.

Нападение гитлеровской Германии на Россию представлено Ильиным читателям швейцарской прессы как **столкновение наций-цивилизаций**: «Западноевропейская стратегия соотносится с русской национальной как мелкое европейское пространство с огромным азиатским, как горная страна с континентальной равниной, как каменная культура с культурой деревянной»²⁴⁰.

²³⁹ Ильин И. А. Прошлое и будущее войны на востоке. С. 102.

²⁴⁰ Ильин И. А. Русская проблема, увиденная изнутри //

Философ-правовед отмечает важнейшую деталь в характере войны: *«Русские воюют на собственной территории и за собственную страну. Ведь русский народ ощущает себя подвергшимся нападению и считает, что находится в состоянии обороны. Русская история неоднократно доказала, что русские воюют с гораздо большей отдачей на собственной земле, чем при непонятном наступлении за пределы своей страны»*²⁴¹. Война с гитлеровским нашествием стала ощущаться народной и потому «рука об руку идут национальный инстинкт народа и революционная классовая пропаганда, превращая любого подростка в вооруженного защитника»²⁴².

Ильин отмечает важные явления, показывающие народность войны — добровольчество и партизанскую войну: *«Трудно найти какую-либо иную войну в мировой истории, в которой сражения добровольцев — в России именуемые войною партизан — имели бы такое значение, как в нынешней России. Можно сказать, что этот способ борьбы у русских вообще входит в систему ведения войны, даже в том смысле, что со стороны верхов из этого не делают никакого секрета. Эту борьбу по всем правилам готовили с самого начала. Такой способ борьбы был предписан в первом открытом обращении к народу»*²⁴³. И «с начала Восточной войны в Москве существует особое партизанское верховное командование, которое распоряжается применением этих сил. Отсюда исходят все общие директивы, организационные планы и особые задания; здесь проводят обучение партизанских руководителей и готовят снаряжение для партизан; здесь в партизанские отряды вливаются группы коммунистов, специально

Ильин И. А. Гитлер и Сталин. С. 69.

²⁴¹ Ильин И. А. Грандиозная битва на восточном фронте // Ильин И. А. Гитлер и Сталин. С. 160.

²⁴² Ильин И. А. Великая битва за Ленинград // Ильин И. А. Гитлер и Сталин. С. 88.

²⁴³ Ильин И. А. Партизанская война в сегодняшней России // Ильин И. А. Гитлер и Сталин. С. 147.

предназначенные для пропагандистской деятельности среди немецких солдат»²⁴⁴.

Ильин указывает на опасность коммунистической пропаганды, однако четко отделяет её от русского национального инстинкта самосохранения: хотя «*коммунистические агитаторы ... воюют за победу своей партии и мировой революции*», «*русские партизаны воюют за свою Родину*»²⁴⁵. При том, что влияние коммунистов в партизанском добровольческом движении значительно, они составляют лишь небольшую часть всего состава партизан, потому «без русскости в стародавнем смысле этого слова здесь не обойтись», ибо в боях в тылу врага «не может быть принуждения к участию в войне и террора комиссаров; тот, кто здесь воюет, воюет добровольно, по собственной инициативе, по собственному душевному порыву»²⁴⁶.

И. А. Ильин напоминает об исторических корнях русского партизанского движения: «"герилья" или, как это называется в России с 1812 года — "партизанская война"»²⁴⁷. Партизанскую тактику набегов имели в прошлом как русские казаки, так и кавказские и азиатские народы России. И. А. Ильин дает описание исторически сложившейся формы русской войны: «Татары приучили русский народ вести *тотальную войну с полной отдачей человека и имущества*. Это происходило не только по велению инстинкта (война на поражение!) и не только из стратегических соображений (оставленное укрепляет врага!), но и по религиозным мотивам: "иноверцы" ведь "противны Богу", они хотят разрушить церкви и уничтожить веру. Тем самым большие войны в России почти полностью приобрели религиозную окраску — "борьба за истинную веру". Удивительно, как даже безбожное советское правительство старалось придать грядущей войне, по крайней мере, "светскую" окраску — здесь

²⁴⁴ Ильин И. А. Партизанская война в современной России. С. 147.

²⁴⁵ Ильин И. А. Партизанская война в современной России. С. 148.

²⁴⁶ Ильин И. А. Партизанская война в современной России. С. 150.

²⁴⁷ Ильин И. А. Русский казак // Ильин И. А. Гитлер и Сталин. С. 67.

”марксизм”, там — “фашизм”. Но когда этот лозунг не возымел желанного воздействия, оно сразу же после начала войны разрешило публичные церковные службы с молитвой об успехе на фронте, которые проходили на всех улицах. Тотальная война такого рода легко утрачивает обычные формы и запреты так называемой войны ”по правилам”. Тут более не придерживаются точного различия между вооруженными ”бойцами” и невооруженным ”штатским населением”; скорее, происходит так, как на гражданской войне: если кто-то может нанести урон врагу, то он делает это»²⁴⁸.

Для русских тотальная война подразумевает битву с врагом на всей территории — без тыла и фронта — войну партизанскую, общенародную.

* * *

В статьях И. А. Ильина периода Второй мировой войны (как и прежде — под псевдонимами) отражены все крупные сражения на Восточном фронте — битва за Москву и за Мурманск, оборона Ленинграда и Севастополя, Сталинградское сражение, Курская битва.

Наряду с анализом военных событий стратегического характера и экскурсов в военную историю России, мыслитель обращается как в публикациях, так и в рукописях к важнейшим проблемам внутренней и внешней политики Советского государства, делает попытки определить изменения в жизни русского народа в новых условиях идеологического и военного противостояния, высказывается об отношении русской эмиграции к войне, обращается и к проблеме коммунистического влияния на Европу, послевоенного устройства Европы.

Будучи русским христианином-националистом²⁴⁹, И. А. Ильин непрестанно защищал русское самостояние

²⁴⁸ Ильин И. А. *Русская проблема, увиденная изнутри*. С. 67.

²⁴⁹ См. работы Ильина: «Спутник русского христианина-националиста»; «Путь духовного обновления». Глава «О христианском

в противовес интернациональной диктатуре коммунистов, уничтожающих русское традиционное общество. Этому он не изменял и в годы войны с гитлеровской Германией, подчеркнуто разделяя народный патриотизм и коммунистическую идеологию в противостоянии с агрессивным врагом. В публикациях он нередко называет страну «великой Россией», «Российским государством», пишет о «русском народе», армию называет «русской»²⁵⁰. Он отмечает: «Трудно сказать, как развивалась бы эта война, если бы немецкое наступление принесло русскому народу мягкий режим и свободное общение с границей. Однако действительность шла иным путем: чем дальше во времени и пространстве заходила война, тем заметнее пробуждался национальный русский инстинкт самосохранения, тем сильнее становилась решимость русского народа обороняться от врага»²⁵¹.

Сложную дилемму об участии русских эмигрантов в борьбе двух воюющих сторон Ильин определил вполне ясно: «Выступления эмигрантов в красной или в германской армии есть не тактика, а эксцесс, эксцесс психологически объяснимый, неуместный и практически нулевой. Сейчас необходима не жестикуляция из-за рубежа, а планомерная, выдержанная и солидарная работа за рубежом в пользу национальной России. Точка для приложения слабых сил эмиграции не “там”, а здесь»²⁵².

Подобное мнение у Ильина было и в отношении поведения русских военнопленных и оказавшихся на оккупированной Германией территории. Ильин понимает трагическое

национализме»; «О русском национализме»; «О национализме»; «Опасности и задания русского национализма»; «Борьба с денационализацией».

²⁵⁰ Ильин И. А. Прошлое и будущее войны на востоке // Ильин И. А. Гитлер и Сталин. С. 102.

²⁵¹ Ильин И. А. Душа русского народа во время войны // Ильин И. А. Гитлер и Сталин. С. 182–183.

²⁵² Ильин И. А. Сентябрь 1941. [тезисы о России и неизбежном поражении Германии] // Ильин И. А. Собр. соч.: Новая национальная Россия. Публицистика 1924–1952 гг. М., 2019. С. 794.

положение русских военнопленных и «остарбайтеров» — «насиленно увезенные с родины люди», «лишь ничтожное количество восточных рабочих завербовалось добровольно»²⁵³. Он сочувственно пишет в немецкоязычной газете Швейцарии: «С первых же дней войны людской поток устремился из России на Запад. Сначала это были военнопленные, затем и беженцы и, наконец, в Германию двинулся огромный поток так называемых “восточных рабочих”. В свое время советское правительство не сочло нужным подписать Женевскую конвенцию о военнопленных, и русские военнопленные были целиком отданы на гнев и милость вражеского государства. В качестве примера можно привести лагерь в Умани (Украина), где зимой 1941/42 года были обречены на голодную смерть примерно 80 000 военнопленных; это с ужасом цитировалось всеми иностранными дипломатами. До весны 1942 года в живых остались лишь 2 000 человек. Далее, по слухам, осенью 1941 года, под Минском как “заложники возмездия” были расстреляны около 20 000 русских военнопленных. Кроме того, смертность русских военнопленных в лагерях достигает 40 — 50%»²⁵⁴.

Советский генерал А. Власов, перешедший на сторону Германии, «обратился к русским военнопленным и к русскому народу оккупированных территорий с призывом вступить в борьбу против Красной армии, заключить «союз» с Германией и, сражаясь под немецкими знаменами, «освободить русский народ от коммунистического ига»²⁵⁵. Подобные обращения были и к другим народам: так, «в Берлине образовалась Центральная национальная татарская организация, которая бесплатно поставляет всем татарам газету на их языке»²⁵⁶. На оккупированной территории создавались воинские части из местных народов.

²⁵³ Ильин И. А. Чужие русские в Германии // Ильин И. А. Гитлер и Сталин. С. 215.

²⁵⁴ Ильин И. А. Трагическая участь «остарбайтеров» // Ильин И. А. Гитлер и Сталин. С. 215.

²⁵⁵ Ильин И. А. Душа русского народа во время войны. С. 183.

²⁵⁶ Ильин И. А. Душа русского народа во время войны. С. 184.

Однако Ильин всё это воспринимал как развязывание новой гражданской войны: «Трудно предсказать, во что практически выльется эта *попытка национал-социалистов организовать внутри Германии новую русскую гражданскую войну*, смогут ли и когда полуголодные люди вернуться к нормальной жизни? Будут ли они хорошо воевать на чужой земле против своих земляков? Не будут ли они саботировать немецкую войну со своими красными согражданами? Не будут ли перебегать?»²⁵⁷. Потому Ильин считает: «Едва ли можно рассчитывать на то, что упомянутый здесь «германско-русский антикоммунистический фронт гражданской войны» примет значительные размеры. Предусмотреть эту возможность, конечно, можно было давно, а её существование само по себе говорит языком трагедии. Что ещё страшнее может прийти в голову, кроме гражданской войны вслед за такой революцией и за такой войной? *Если русский народ преодолеет большевизм, это скорее получится изнутри, чем через прямое вмешательство со стороны*»²⁵⁸.

* * *

На исходе войны Ильин предупреждает **о грядущих проблемах послевоенного мироустройства**. Он постоянно пишет, что коммунисты в ходе освобождения европейских государств от нацизма непременно воспользуются этим для навязывания народам своей идеологии: «В окружении Сталина заметно революционное нетерпение: радикальное лево-коммунистическое крыло настаивает на использовании благоприятной военной конъюнктуры, и революционный «подъем» порывает с дипломатическим «тактом» первых военных лет»²⁵⁹.

²⁵⁷ Ильин И. А. Чужие русские в Германии // Ильин И. А. Гитлер и Сталин. С. 218.

²⁵⁸ Ильин И. А. Душа русского народа во время войны. С. 184.

²⁵⁹ Ильин И. А. О ситуации // Ильин И. А. Гитлер и Сталин. С. 249.

Ильин верно указывает на изменение стратегии и тактики Коминтерна: «Планы в конце Второй мировой войны разработаны гораздо более умело. Теперь речь идет не о повсеместном и немедленном коммунистическом путче, как это было прежде, а о насаждении левого радикализма, замаскированного войной, подчеркнуто антигерманского и опирающегося на преимущества победителя. Стараются, насколько возможно, подвести всех настроенных антикоммунистически под статью «военный преступник» и применить её к ним; таким образом компрометируют отечественные буржуазно-консервативные партии, сокращают и ослабляют их ряды, освобождают коммунистов из тюрем и содействуют им; образуют повсеместно «народные фронты» и ведут каждое государство в отдельности к коммунизму. Все это происходит в оккупированных и наполовину оккупированных государствах (Италия, Польша, Финляндия, Румыния, Болгария, Югославия, за ними, по очереди, идут Венгрия, Чехословакия и, вероятно, Норвегия), в неоккупированных государствах (Иран, Испания, Швейцария, а в будущем и другие страны), чтобы повсюду вызвать к жизни радикализацию и тот же народный фронт, умело координировать дипломатическое давление, а изнутри — левое экстремистское движение»²⁶⁰.

За полгода до окончания войны в Европе Ильин вполне ясно описывает послевоенное противостояние бывших союзников: «Соперничество народов обостряется до противоречия: коммунизм-некоммунизм, а буржуазно-капиталистический мир англосаксов поставлен перед выбором — либо уход с территорий, на которые в будущем претендует коммунизм, либо война с коммунистической системой»²⁶¹. В послевоенных реалиях это противостояние было названо «холодной войной».

²⁶⁰ Ильин И. А. О ситуации. С. 249.

²⁶¹ Ильин И. А. Советская Россия в заключительной стадии войны // Ильин И. А. Гитлер и Сталин. С. 229.

Провокация Гитлера, развязанная им война погубила способные к сопротивлению левому и правому тоталитаризму здоровые патриотические силы как самой Германии, так и народов Европы, о чём Ильин предупреждал еще накануне войны²⁶². И теперь европейские народы оказались под сильным коммунистическим давлением со стороны Советского Союза, с его воинственным атеизмом, партийной диктатурой, экономическим закабалением граждан государством²⁶³.

Ильин продолжает газетные обзоры до самого окончания войны. Но в последующие годы он направляет основное своё внимание на проблематику будущего России.

* * *

Надежды части русской эмиграции на восстание народа против ослабленного войной советского режима не состоялись. У Ильина таких надежд не наблюдалось, хотя он непрерывно писал о будущем крушении советского строя, обосновывая это рядом причин. Но он писал о внутреннем процессе вырождения советского режима, его партийно-чекистской номенклатуры, что приведет к крушению «диктатуры пролетариата». Для творческого возрождения нации-цивилизации потребуются новые люди, способные противостоять хаосу социальной нестабильности, которую целенаправленно будет создавать переродившаяся советско-коммунистическая номенклатура для своих корыстных интересов обогащения и удержания власти.

В послевоенные годы Ильин видит, что, как и прежде, эмигрантская «пресса почти сплошь лишена руководящей мысли, способности выделить главное, объяснить неясное, формулировать новые, поставленные историей проблемы, наметить основные задачи эмиграции, указать ей верные

²⁶² Ильин И. А. Переписка двух Иванов. 1935–1946 годы. М., 2000. С. 281.

²⁶³ Ильин И. А. Что такое «советская демократия»? // Ильин И. А. Гитлер и Сталин. С. 244–247.

точки для приложения сил и содействовать обновлению духа в эмиграции»²⁶⁴. Наблюдая разномыслие и интриги эмиграции, её неспособность объединиться во имя будущего России, философ призывал: «Нам надо жить не эмигрантщиной и не ближайшей злобой дня. Надо уйти в ту глубину России, которая чревата будущим... Уходить в наличную глубину, из которой видны духовные пути грядущего»²⁶⁵. Главной задачей мыслящих русских людей он считал «зоркое глядение в события»²⁶⁶, «**внимательное изучение процессов, происходящих внутри России**»²⁶⁷.

Непрестанно следя за процессами, происходящими внутри России, Ильин отмечал, что уже со второй половины 1930-х годов «тотальной полноте власти все же пришлось снизить до того, чтобы уступить небольшое пространство здоровому инстинкту и здоровому духу народа»²⁶⁸. С приглашением в окружение Сталина А. А. Жданова советская культурная и образовательная политика стала меняться и ранее отмененные исторические предметы стали возвращаться в школьные программы, как и классическая русская литература. За несколько предвоенных лет благодаря изменениям в идеологической оценке дореволюционной русской истории и культуры, новым образовательным стандартам, перед подрастающим поколением раскрылись огромные пласты богатства русской культуры, культурных достижений других народов страны. Как писал Ильин, «российская молодежь принялась копать в глубину... Молодежь читала классиков русской литературы (Пушкин, Лермонтов,

²⁶⁴ Ильин И. А. Эмигрантская пресса // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 17.

²⁶⁵ Ильин И. А. Письмо к И. С. Шмелёву 14.09.1927. [Т. 13. Кн. I]. С. 63.

²⁶⁶ Ильин И. А. Письмо к И. С. Шмелёву 10.03.1948. [Т. 13. Кн. III]. С. 285.

²⁶⁷ Ильин И. А. Что может делать эмиграция // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 16.

²⁶⁸ Ильин И. А. Русская проблема, увиденная изнутри // Ильин И. А. Гитлер и Сталин. С. 60.

Достоевский и Толстой) и узнавала по ним прежний, лучший мир. Изучала российскую историю и приходила к выводу, что без веры нельзя двигаться дальше. Приобретала знания из русской военной истории и внимательно присматривалась к историческим противникам национальной России. **Восставал новый дух**, и это был здоровый дух. Не напрасно народ в течение 20 лет жестоко страдал от коммунизма. Разумеется, он еще не мог совершить политического переворота, ведь у него не было ни оружия, ни толчка извне; но ему уже, по меньшей мере, хотелось снова стать и называться «Россией»²⁶⁹.

Ильин иногда даже слишком идеализирует духовно-культурный поворот середины 1930-х, обозначая, якобы молодежь стала «искать духовные непреходящие ценности, Бога и веры», и «всё меньше прислушивалась к заезженным разговорным штампам безбожников»²⁷⁰. В реальности идеологический пресс не ослабевал, и при массовых репрессиях «Большого террора» 1936–1938 годов казнили не только рьяных оппозиционеров сталинского курса, но и тысячи исповедников христианской веры, преследовали любое религиозное течение. А с началом войны, с самого первого дня начались массовые аресты священников, новая волна казней христиан прошла осенью 1941 — весной 1942 годов. С освобождением оккупированных территорий в 1944 году были арестованы те активисты, кто участвовал в открытии тысяч храмов. Да и все последующие годы власти Сталина аресты и казни христиан не прекращались, даже после сентября 1943 года, когда по требованию союзников произошло ослабление для богослужений в Советском Союзе²⁷¹.

²⁶⁹ Ильин И. А. Русская проблема, увиденная изнутри. С. 59–60.

²⁷⁰ Ильин И. А. Русская проблема, увиденная изнутри. С. 59.

²⁷¹ См.: Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущёве. (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М.: Крутицкое подворье, 2005; Филиппов Б. А. Очерки по истории России. XX век. Учебное пособие. М.: ПСТГУ, 2012. Яркий пример продолжающихся гонений на христиан — судьбы широко почитаемых русским церковным народом

Однако Ильин верно уловил тенденцию преодоления новыми поколениями национального нигилизма, чему способствовали трагические события войны и вынужденные изменения в культурной и образовательной политике СССР накануне и в её ходе с целью поднять патриотический дух народа, что можно сделать только через уважительное обращение к историческим, культурным достижениям предков, стремлением власти к справедливому общественному устройению.

Мыслитель ясно понимал, что грядущий распад советской системы не будет преодолен самыми искренними патриотами Руси-России, если они окажутся неспособными к самоорганизации и у них не будет ясного представления о дальнейшем пути развития нации. Для возможности самоорганизации нации в условиях искусственной нестабильности потребуются как волевые люди, так и программные идеи нового социально-политического, государственного устройства. Для этого необходимо серьезное изучение и осмысление исторических причин национальной трагедии, русской истории в целом, особенностей национального характера народа, выработка конкретной программы национально-государственного строительства. Этому и посвятил многие годы своей творческой жизни Иван Александрович Ильин.

* * *

«Всё, что написано по-русски и переведено на английский и итальянский — безнадежно лежит, — пишет он в 1951 году. — И я начинаю мириться с тем, что уйду, завещая мои

архимандрита Кирилла (Павлова) и Серафима (Тяпочкина). Архим. Серафим, арестованный осенью 1941 года, многие годы был в советском заключении, даже после послаблений 1943 года и победы 1945 года. Архим. Кирилл, отказавшийся в 1943 году вступить в ВКП (б) и за исповедание себя христианином был направлен в ударный батальон, но выжил и сразу же после демобилизации отправился исполнять данный Богу обет — поступил в православно-христианскую семинарию.

книги Богу и России»²⁷². «Мириться» для И. А. Ильина во все не значило отстраниться, он лишь скорбно понимал, что в земной жизни ему уже не удастся узреть грядущее обновление России. Он непрестанно изучал массу исторической, политической, правовой литературы и формировал образ грядущего возрождения России в своих трудах.

Драгоценное время жизни мыслителя уходило, а охватить большую русскую аудиторию личным общением не было возможности. Потому И. А. Ильин ставит себе задачу письменного изложения основных проблем русской нации-цивилизации в их исторической перспективе для будущих русских поколений. И он с 1948 года делается «диктатором собственного ответственного творчества»²⁷³: в течение нескольких лет, вплоть до своей кончины, он регулярно пишет, издает и распространяет статьи-бюллетени с анализом русской истории и культуры, о национальном духе, о преимуществах и недостатках русского народа, о праве и правосознании, об исторических ошибках и путях их преодоления в деле грядущего возрождения Великой Руси-России. В историю русской мысли эти статьи вышли в виде объемного сборника «**Наши задачи**». Их смысл автор обозначил так: «О строительстве грядущей России, о причинах революции, о новых русских политических формах — я не нахожу за 35 лет моего изгнания из России (а я не беженец и не эмигрант), нигде, ничего. Почему Россия рухнула, как она восстановится, что нам делать для этого, что было бы верно на 25 лет и на века — вот о чем думают Наши Задачи»²⁷⁴.

Работа задумывалась как научно обоснованная и доступная в изложении, не уклоняющаяся от тяжелых, «неудобных» вопросов и лишённая партийной принадлежности. В общем можно сказать, что ученый стал методично

²⁷² Ильин И. А. Письмо к М. А. Дерюгиной 11.11.1951 // Ильин И. А. Собр. соч.: Письма. Мемуары (1939–1954). [Т. 12]. С. 175.

²⁷³ Ильин И. А. Письмо к С. П. Мельгунову 13.03.1948. [Т. 12]. С.104–105.

²⁷⁴ Ильин И. А. Письмо к В. Я. Баумгартнеру 07.10.1953. [Т. 12]. С. 238.

писать в уже отработанной им форме статей большой труд по истории русского народа, его культуры и государства, стремясь к постижению дальнейшего пути национально-государственного развития России. Читая «Наши задачи», надо помнить, что мыслитель весьма серьезно и ответственно относился к каждому написанному слову: «За исключением личных писем к приятелям я всё пишу в лупу, как часовщик. Взвешивается не только самое слово и его оттенок, но и возможные, вероятные, неизбежные ассоциации у читателя. Шлифую и выбрасываю. С чувством ответственности за всё»²⁷⁵. Вместе с другими трудами по русской истории и культуре «Наши задачи» писались ученым для «верной передачи духа национального воспитания»²⁷⁶.

* * *

И. А. Ильин предупреждает будущих воспитателей новой России, её лидеров: «Когда мы размышляем об исторических путях и судьбах России и особенно о её будущем, то мы должны *иметь в виду прежде всего размеры и своеобразие переживаемого ею крушения, его глубину и сложность*. Поистине наше положение беспримерно в истории человечества, и ни одна из известных иноземных революций не дает нам никаких сколько-нибудь глубоких аналогий... Ни один народ в мире не имел и не имеет ни такой территории, ни такого национального состава, ни такой истории, как Россия. У нас своя, особая вера, свой характер, свой уклад души. Мы иначе любим, иначе созерцаем, иначе поём. У нас иное правосознание и иная государственность... *Формы национальной идеологии и национального возрождения должны возникнуть из самых душевно-духовных недр самого народа, из его национально-патриотического горения*; они должны быть рождены его собственной проблематикой, его страданиями, его характером, его историческими и культурными

²⁷⁵ Ильин И. А. Письмо к С. П. Мельгунову 27.03.1948. [Т. 12]. С. 107.

²⁷⁶ Ильин И. А. Путь духовного обновления. С. 208.

заданиями. И только тогда они будут ему по силам; только тогда они будут для него целительны... И прежде всего они должны быть именно по силам ему, его исторически сложившемуся характеру и его культурному уровню... Русские патриоты в борьбе за Россию должны сами творить и полагаться на свой разум и на свои силы»²⁷⁷.

В деле национального воспитания И. А. Ильин придает большое значение ведущему слою. Прежде всего, это творческая национальная интеллигенция. «**Проблема интеллигенции** сводится к тому, чтобы это меньшинство чувствовало бы свое духовное задание и непрестанно готовило бы себя к нему. Это задание — умственно и духовно воспитывать свой народ в духе его самобытной молитвы и самобытного творчества. Именно отсюда различие между интеллигенцией и полуинтеллигенцией»²⁷⁸. Лишь духовно живущая, служилая творческая интеллигенция может понять: «Россию возродит только новая идея, её могут воссоздать только обновленные души»²⁷⁹. А «безыдейная интеллигенция не нужна своему народу», ибо «она не исполняет своего назначения; она не может никого вести; она есть историческая накипь, политический мираж. Она есть мнимая реальность; и потому она ничего не совершит»²⁸⁰.

Надо ясно себе представлять, как «велики трудности в поисках собственного жизненного пути» для свободолюбивой русской души, которой «даны *страсть и мощь*», и как показала революция, народная душа нередко «может поддаваться зову страсти». Поэтому «*форма, характер и преобразование* суть её исторически *жизненные задачи*. В них она

²⁷⁷ Ильин И. А. Творческая идея нашего будущего // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 7. М., 1998. С. 453–454.

²⁷⁸ Ильин И. А. Об интеллигенции // Ильин И. А. Собр. соч.: Справедливость или равенство? Публицистика 1918–1948 годов. [Т. 20]. М., 2006. С. 381.

²⁷⁹ Ильин И. А. Духовный кризис русской интеллигенции // Ильин И. А. Собр. соч.: Справедливость или равенство? Публицистика 1918–1948 годов. [Т. 20]. М., 2006. С. 388.

²⁸⁰ Ильин И. А. Духовный кризис русской интеллигенции. С. 390.

вдумывается постоянно... И именно поэтому русские мыслители и художники, воспитатели и государственные мужи должны бесстрашно вершить свое дело и противостоять этим опасностям»²⁸¹.

Мыслитель ставит главные задачи «русской интеллигенции, уцелевшей от кризиса и вновь подрастающей». Прежде всего, она должна преодолеть в своем духовном укладе те «отжившие предрассудки», которые она исповедовала до революции и в массе своей продолжает исповедовать в изгнании. Русская интеллигенция «не видела и не постигала глубокого своеобразия России. Она не понимала, что Россия может строиться только самобытным творчеством, ... что русский национальный духовный акт — иной, чем у западного европейца, и что поэтому у русского должна быть иная вера, иная наука, иное искусство, иное правосознание, иное государство, иной уклад жизни»²⁸². Только поняв своеобразие России, ведущий социокультурный слой нации сможет:

«I. Найти в себе национальную, религиозно-духовную почву, укорениться в ней и сплотиться.

II. Верно понять пути, судьбы, опасности и потребности России.

III. Верно восчувствовать свое отношение к народной массе и свой ранг.

IV. Стать национально-верным, патриотически горящим, идейно-творческим и государственно-ведущим органом своего народа.

V. И воспитать в своем народе тот духовный характер, без которого России не быть.

Будет это — будет возрожденная, великая Россия на славу себе и на дружбу и безопасность соседним народам. Не будет этого — и начнется повторение старого»²⁸³.

²⁸¹ Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 387.

²⁸² Ильин И. А. Основы борьбы за национальную Россию // Ильин И. А. Собр. соч. Т.9–10. С. 345–347.

²⁸³ Ильин И. А. Духовный кризис русской интеллигенции.

Особое внимание на пути возрождения Ильин отводит **казачеству**, как яркому выразителю русской ментальности: «Правильно освещенная проблема казачества даёт поучительный взгляд на историю русского народа вообще, так что в эпоху, которая даёт надежду на возрождение русской нации, её нельзя оставить без внимания»²⁸⁴.

Учёный даёт яркую характеристику: «Казак от рождения наделен необычайной остротой восприятия, особенно органов зрения, обоняния и слуха. Он любит природу, подобно индейцу знает растительный и животный мир. Он необыкновенно вынослив и не знает страха. Чтобы постичь изначальную природу казаков, достаточно послушать казачьи песни, между прочим, национально-русского происхождения, и увидеть казачьи танцы... Он верен государству по причине своей религиозности, национального чувства и частной собственности»²⁸⁵.

Ильин указывает на роль **армии** в возрождении России: «Дух армии — не революционный, а консервативный, не международный, а национально-патриотический; не трусливого доноса, а *храброй прямоты*; не партийного карьеризма, а *качественного отбора*; не закулисной “директивы”, а *стратегической целесообразности*; не бесчестной интриги, а *честного ранга*»²⁸⁶. Личная духовность «нашла себе особое выражение в русской армии, где военная организация и личная доблесть солдата шли рука об руку; где Суворов, идя по стопам Петра Великого, выдвинул идею солдата как религиозно верующей и несущей духовное служение личности»²⁸⁷. Отсюда и надежды на роль армии в преодолении последствий революционного краха исторической Руси-России.

[Т. 20]. С. 414–415.

²⁸⁴ Ильин И. А. Русский казак. С. 151.

²⁸⁵ Ильин И. А. Русский казак. С. 156.

²⁸⁶ Ильин И. А. Осаждающая крепость // Ильин И. А. Наши задачи. Т. I. С. 343.

²⁸⁷ Ильин И. А. Возникновение и преодоление большевизма в России // Ильин И. А. Наши задачи. Т. I. С. 316.

В письме к руководителю Русского Общевоинского Союза Петру Николаевичу Врангелю в 1923 году он назвал армию «**рыцарским орденом**»: «Россия рухнула потому, что такого ордена у нее не было; без такого ордена Россия не возродится... Идея этого ордена должна быть осознана, выговорена, раскрыта во всей её государственно-патриотической силе. В разложении мировой политики, культуры и религиозности — это *гнездо духовного здоровья*»²⁸⁸. Именно армия своим «консервативным, национально-патриотическим» духом готовит «качественный отбор» государственных людей, строит тот рыцарский орден, который должен повести и вывести нацию из перманентного кризиса.

* * *

Ильин непрестанно старается объяснить всю глубину национально-государственного кризиса, который не преодолеть внешними перестановками «вождей» и перестройкой прежних конструкций. Он обращается к соратникам, думающим о путях национального возрождения: «Мы призваны к тому, чтобы найти *ключи от тайны русского духа*. Мы должны найти *пути*, которые ведут к русскости души» и «передать нашим детям,... что быть *русским* — это дар и счастье, призвание и обетование; что в этом есть *Божия благодать*, зовущая к служению и подвигам»²⁸⁹. «Мы должны *освоить волею* наше прошлое и волею замыслить наше будущее»²⁹⁰.

В своих разработках Ильин в разной степени касается всех сторон национальной жизни и государственно-политического устройства, в совокупности его труды — цельная система как критического анализа исторического пути нации-цивилизации, так и национального

²⁸⁸ Ильин И. А. Письмо к П. Н. Врангелю. 05.04.1923 г. // Ильин И. А. Собр. соч. [Т. 11]. С. 211.

²⁸⁹ Ильин И. А. О России // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 6. Кн. II. С. 28.

²⁹⁰ Ильин И. А. Путь духовного обновления. С. 206.

воспитания в эпоху выхода из государственного кризиса. «Для соблюдения священного понятия родины и преодоления как больного национализма, так и всеразлагающего интернационализма, — отмечает мыслитель, — перед каждым поколением стоит задача верной передачи духа национального воспитания»²⁹¹.

Основные аспекты национального воспитания, разработанные Ильиным, можно сгруппировать по основным направлениям.

Национальное культурное воспитание.

— Как важнейшее достояние национальной культуры Ильин указывает на язык: «**Язык** вмещает в себе... всю душу, всё прошлое, весь духовный уклад и все творческие замыслы народа»²⁹². «Силою прирожденной даровитости, чуткости и вкуса... русскому народу удалось выработать себе язык единственной в своем роде звучности, певучести, гибкости и выразительности»²⁹³. Ильин говорит об особой фонетике «русской стихии», «непередаваемой певучей доброте и ширине», «сочности языка», «в которой уже столько веков купается русская душа»²⁹⁴. «Русский язык хочет звучать и петь, быть естественным и выразительным, наслаждаться означаемым предметом... Он шумит вместе с лесом и шепчет с камышом, сверкает с молнией и рокочет с громом, щебечет с птицами и плещется с волною»²⁹⁵.

«В семье должен царить *культ родного языка*», и «важно, чтобы *пробуждение самосознания* ребенка... совершилось на его родном языке»²⁹⁶. «Надо, чтобы ребенок с пяти-шести лет научился вместе с Пушкиным благодарить Бога за то,

²⁹¹ Ильин И. А. Путь духовного обновления. С. 208.

²⁹² Ильин И. А. Путь духовного обновления. С. 202.

²⁹³ Ильин И. А. Россия в русской поэзии // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 6. Кн. II. С. 208.

²⁹⁴ Ильин И. А. Творчество Шмелёва. // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 6. Кн. II. С. 112.

²⁹⁵ Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 391.

²⁹⁶ Ильин И. А. Путь духовного обновления. С. 202–203.

что родился русским, и вместе с Гоголем – радостно дивиться на гениальность русского языка»²⁹⁷.

«Существенны семейные беседы о преимуществах родного языка», важно постоянное домашнее чтение русских классиков и Священного Писания на церковно-славянском языке²⁹⁸. Философ отмечает важность для восприятия русской культуры древнего, *церковно-славянского* языка, который «благодаря вековой церковной практике» и «древним русским летописям» «запечатлелся в народной душе», «сделался *языком религиозным*. Слышит русский этот язык — у него появляется ощущение, что он прислушивается к своему древнейшему прошлому, которое должно поведать ему нечто новое о конечных и священных вещах»²⁹⁹.

— **Песня.** «В России была весьма высокой культура церковного, концертного и оперного пения»³⁰⁰. «Наше музыкальное пение музыкально, гармонично, лирично, воздыхательно, страдательно, смиренно и исполняется с великой силой страстотерпия. Таково и наше смирение; так воспринимаем мы и Евангелие; так понимаем и учение Спасителя»³⁰¹.

Пение научает первому одухотворению душевного естества. Через песню ребенок должен «бессознательно усваивать *русский строй чувств и духовных чувствований*»³⁰². «Русская песня глубока, как человеческое страдание, искренна как молитва, сладостна как любовь и утешение... Надо постоянно обогащать детскую душу русскими мелодиями... По всей стране создавать детские хоры... Хоровое пение национализирует и организует жизнь – оно приучает человека *свободно и самостоятельно участвовать в общественном*

²⁹⁷ Ильин И. А. Путь к очевидности // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 3. С. 414.

²⁹⁸ Ильин И. А. Путь духовного обновления. С. 203.

²⁹⁹ Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 453.

³⁰⁰ Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 389, 390.

³⁰¹ Ильин И. А. Мученичество Русской Церкви и его значение для христианских церквей других стран. [Т. 14]. С. 395–396.

³⁰² Ильин И. А. Путь духовного обновления. С. 203.

единении»³⁰³. «Особый способ музыкального и художественного созерцания и творчества» должен будет «очистить и оздоровить атмосферу музыкального модернизма» и создать новую русскую школу³⁰⁴.

— **Сказка** «дает ребенку первое чувство героического – чувство испытания, опасности, призвания, усилия и победы... Она заселяет его душу национальным мифом, тем хором образов, в которых народ созерцает себя и свою судьбу, исторически глядя в прошлое и пророчески глядя в будущее». «Сказка – это ответ всё испытавшей древности на вопросы вступающей в мир детской души»³⁰⁵. Потому «национальное воспитание неполно без сказки», а приобщение к чужеземным сказкам *вместо* родных ведет к интернациональному безличью»³⁰⁶.

«Мы исказили свой душевно-духовный уклад и мы выветриваемся и отмираем, если мы потеряли доступ к нашей народной сказке»³⁰⁷. В тревоге о судьбе России – «вспомните о русской сказке и прислушайтесь к её тихому, древнему, мудрому голосу»: здесь «хранится мудрость древней, дописьменной Руси»³⁰⁸.

— «**Поэзия** пленяет душу гармонией и ритмом, учит «духовному восторгу»³⁰⁹. «Вряд ли есть еще один народ на свете, который имел бы такую поэзию, как русская... Русский поэт есть одновременно национальный пророк и мудрец, и национальный певец и музыкант... Русская поэзия вместила в себя глубочайшие идеи русской религиозности и русской философии, и сама стала органом национального

³⁰³ Ильин И. А. Путь духовного обновления. С. 203.

³⁰⁴ Ильин И. А. Музыка Метнера // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 6. Кн. II. С. 305.

³⁰⁵ Ильин И. А. Духовный смысл сказки // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 6. Кн. II. С. 272.

³⁰⁶ Ильин И. А. Путь духовного обновления. С.204–205.

³⁰⁷ Ильин И. А. Духовный смысл сказки. С. 262.

³⁰⁸ Ильин И. А. Духовный смысл сказки. С. 259–260.

³⁰⁹ Ильин И. А. Путь духовного обновления. С. 205.

самосознания»³¹⁰. «Русские поэты были не только созерцателями природы и быта: они видели историю России, её пути и судьбы, её опасности, соблазны и крушения, её призвание, предназначение и смысл её бытия»³¹¹. Русская поэзия, как и молитва, есть «голос самой России»³¹².

Классические национальные русские поэты должны дать ребенку *первую радость стиха*, где в прекрасные образы облечена мудрость. «Русский поэт одновременно – национальный пророк и национальный музыкант. И русский человек, с детства влюбившийся в русский стих, никогда не денационализируется»³¹³.

Духовно-нравственное воспитание.

— Ильин отмечает важное значение **религиозной свободы**: «Императорская Россия понимала, что только *искреннее* верование полноценно и что только *свободное* верование может быть искренним. Мы не сомневаемся в том, что будущая Россия восстановит эту свободу, – не свободу соблазна, ... но свободу Богосозерцания и Богоисповедания»³¹⁴.

«Молитва есть сосредоточенная и страстная обращенность души к Богу. Каждый народ совершает это обращение по-своему и «*самобытную молитву* надо вдохнуть ребенку с первых лет жизни. Молитва даст ему *духовную гармонию*, пусть он переживет её по-русски. Молитва даст ему источник *духовной силы – русской силы*. Молитва даст ему религиозный опыт и поведет его к религиозной очевидности – *по-русски*. Ребенок, научившийся молиться, *сам пойдет в церковь* и станет её опорой, *русской опорой, русской церкви*. Он найдет пути – и в глубину русской истории, и на простор русского возрождения»³¹⁵.

³¹⁰ Ильин И. А. Россия в русской поэзии. С. 210–211.

³¹¹ Ильин И. А. Россия в русской поэзии. С. 227.

³¹² Ильин И. А. Россия в русской поэзии. С. 208.

³¹³ Ильин И. А. Путь духовного обновления. С. 205.

³¹⁴ Ильин И. А. Обоснование свободы // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 193.

³¹⁵ Ильин И. А. Путь духовного обновления. С. 204.

— «Преклонение перед **святыми и героями** возвышает душу и указывает верный жизненный путь»³¹⁶. «Тот, кто ищет путей к России, тот пусть идет к её гениям и пророкам», которые «открыли наши очи, отверзли наш слух, закалили наши сердца, выговорили за нас и от нас символ нашего национального Боговосприятия... Они показали нам и то, чем мы *призваны* быть, и то, к чему мы *способны*; и то, как нам *восходить* на эту высокую и трудную гору. Это наши живые алтари, наши очаги, наши ангелы-хранители»³¹⁷.

Ребенок «после пяти-шести лет должен услышать о героях своей страны и влюбиться в них; он должен научиться "стоять" вместе с ними, бороться, побеждать и *не искать награды*... Чем раньше он начнет скромно, но уверенно гордиться своею рускостью, тем лучше»³¹⁸. Живые образы «*национальной святости и национальной доблести*» пробудят в ребенке волю к подвигу и служению и дадут «непоколебимую веру в духовные силы своего народа»³¹⁹.

— «**Быт** есть только обыденный покров душевной и духовной жизни, и природа говорит совсем не только глазу, и уху, всему телу, но больше всего душе и глубже всего духу». Именно через быт и природу истинные художники показывают «душевный и духовный уклад» нации³²⁰. «Духовная культура народа не есть его почетное кладбище; нет, она живет и творится и в нас, его сынах, связанных со своею родиной любовью, молитвою и творчеством ... Русское духовное возрождение совершается в нас, в наших душах, в их горении, творческом напряжении и очищении, *каждодневном быту, при духовной цельности жизни становящейся бытием*»³²¹.

Государственное воспитание.

³¹⁶ Ильин И. А. Путь духовного обновления. С. 205.

³¹⁷ Ильин И. А. О России. С. 31.

³¹⁸ Ильин И. А. Путь к очевидности. С. 414.

³¹⁹ Ильин И. А. Путь духовного обновления. С. 205.

³²⁰ Ильин И. А. Россия в русской поэзии. С. 203.

³²¹ Ильин И. А. О России. Три речи. С. 8.

— **«История учит духовному преемству и сыновней верности:** а историк, становясь между прошедшим и будущим своего народа, должен сам видеть его судьбу, разуметь его путь, любить его и верить в его призвание», тогда он становится «истинным национальным воспитателем». «Русский ребенок должен с самого начала почувствовать и понять, что он славянин, ... и в то же время сын великого русского народа, имеющего за собою величавую и трагическую историю... Необходимо пробудить в ребенке уверенность, что история русского народа есть живая сокровищница, источник живого научения, мудрости и силы». Учитель должен ясно указать ребенку все источники национальной силы и славы. Однако «преподаватель истории отнюдь не должен скрывать от ученика слабых сторон национального характера», при этом исключая из преподавания «тон скрытого сарказма»³²².

— **Армия.** В российском гражданине необходимо воспитывать чувство, что «армия есть сосредоточенная волевая сила моего государства, оплот моей родины; воплощение храбрости моего народа, организация чести, самоотверженности и служения – вот чувство, которое должно быть передано ребенку его национальным воспитателем. ... Без армии, стоящей духовно и профессионально на надлежащей высоте, – родина останется без обороны, государство распадется и нация сойдет с лица земли»³²³. Каждому должно быть понятно: «Русская армия неотделима от русского народа: она есть воплощение его воли, его силы, его храбрости, его разума»³²⁴.

— **Территория.** «Ребенок должен увидеть воображением пространственный простор своей страны, это национально-государственное наследие России. ... Он должен почувствовать, что русская национальная территория добыта

³²² Ильин И. А. Путь духовного обновления. С. 206.

³²³ Ильин И. А. Путь духовного обновления. С. 207.

³²⁴ Ильин И. А. Они аннексировали // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 127.

кровью и трудом, волею и духом... Национальная территория не есть пустое пространство..., но исторически данное и взятое духовное пастбище народа, его творческое задание, его живое обетование, жилище его грядущих поколений»³²⁵.

«Россия велика, многолюдна и многоплеменна, многоверна и многопространственна... Она была и будет *Империей*, единством во множестве: государством... органического и духовного единения»³²⁶. «Не территория священна и неприкосновенна,.. но территория, необходимая для расцвета русской национальной духовной культуры, всегда будет испытываться русскими патриотами как священная и неприкосновенная»³²⁷.

— **Государство.** «В мире есть народы, государства, правительства, церковные центры, закулисные организации и отдельные люди — враждебные России, особенно православной России, тем более императорской и нерасчлененной России... Мир изобилует «руссофобами», врагами национальной России... Поэтому, с кем бы мы ни говорили, к кому бы мы ни обращались, мы должны зорко и трезво измерять его мерилom его симпатий и намерений в отношении к единой, национальной России»³²⁸. Поэтому каждому русскому необходимо понять, что «политика есть искусство узнавать и обезвреживать врага». и что «русское дело может делаться только русскими руками и не должно делаться по иностранной указке, ибо иностранная указка всегда ограничит, исказит или даже погубит национальный интерес»³²⁹.

Хозяйственно-правовое воспитание.

³²⁵ Ильин И. А. Путь духовного обновления. С. 207.

³²⁶ Ильин И. А. Обоснование свободы. С. 195.

³²⁷ Ильин И. А. Путь духовного обновления. С. 179.

³²⁸ Ильин И. А. Против России // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 66–67.

³²⁹ Ильин И. А. Против России. С. 67; Ильин И. А. Национальный вождь и партийные главари // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 35.

— **Правосознание.** В русской душе должен быть *преодолен раб*; в ней должно начаться новое *гражданственно-свободное правосознание*³³⁰.

«Ребенок должен как можно раньше почувствовать *реальность чужого страдания* и научиться *вчувствоваться в него*, чтобы жалеть, беречь и помогать»³³¹. Так мы воспитаем в себе «*новое правосознание*, – религиозно и духовно укорененное, лояльное, справедливое, братское, верное чести и родине»³³².

— **Хозяйство.** «В грядущей России... личный творческий инстинкт человека должен быть признан, поощрен, духовно дисциплинирован и устроен в свободе». Человек опять должен получить «доступ к частной собственности», чтобы иметь свободу труда и свободу предметного служения»³³³. Лишь тогда Россия быстро возродится и зацветет.

«Мы должны воспитать в себе... новое *чувство собственности* – заряженное волею к качеству, облагороженное христианским чувством, осмысленное художественным инстинктом, социальное по духу и патриотическое по любви; новый хозяйственный акт»³³⁴. «Ребенок должен с раннего детства почувствовать творческую радость и силу труда, его необходимость, его почетность, его смысл. Он должен внутренне испытать, что... труд есть источник здоровья и свободы. В русском ребенке должна проявиться склонность к *добровольному, творческому труду*, и из этой склонности он должен почувствовать и осмыслить Россию как бесконечное и едва початое трудовое поприще. Тогда в нем пробудится живой интерес к русскому национальному хозяйству, воля к русскому национальному богатству как источнику духовной независимости и духовного

³³⁰ Ильин И. А. О страданиях и унижениях русского народа // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 199.

³³¹ Ильин И. А. Путь к очевидности. С. 413–414.

³³² Ильин И. А. О главном. С. 163.

³³³ Ильин И. А. Обоснование свободы // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 192.

³³⁴ Ильин И. А. О главном. С. 163.

расцвета русского народа. Пробудить в нем всё это значит заложить в нем основы *духовной почвенности и хозяйственного патриотизма*³³⁵.

Национальное воспитание должно иметь целью возвращение к себе — «к живым и драгоценным корням своей национальной культуры», чтобы творчески осуществить полноту национальной идеи во всей земной жизни — «в религии и в науке, в праве и в государственной форме, в искусстве и в труде, в суде, в медицине и в воспитании»³³⁶.

* * *

Ильин рассматривает и форму переходного периода от краха советской системы к национальной России. В XX веке многие «загнали сами себя в тупик и не видят ни перспективы, ни исхода: или *тоталитарная диктатура* — или *формальная демократия*». Философ права предупреждает: «*Боже избави Россию от всякого тоталитаризма — левого, правого и среднего*», как и от формальной демократии³³⁷. По утверждению Ильина, после многих лет хозяйственного и общественного разгрома, насилия над свободой личности нельзя будет говорить ни о государственной дисциплированности народа, ни о его здоровом правосознании, поэтому он «окажется неспособным к осуществлению демократического строя»³³⁸.

Ильин напоминает, что лозунг «демократия немедленно и во что бы то ни стало» однажды уже «привел Россию к тоталитарной диктатуре. Он грозит такой же диктатурой и впредь, но уже *антикоммунистической*. Мы понимаем, что доктринерам — их доктрина дороже России: на то они и доктринеры. *Но нам Россия дороже всего*,

³³⁵ Ильин И. А. Путь духовного обновления. С. 208.

³³⁶ Ильин И. А. О страданиях и унижениях русского народа. С. 199.

³³⁷ Ильин И. А. Оптимизм в политике // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 85.

³³⁸ Ильин И. А. Что же предстоит в России? // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 172.

и мы не желаем ни всероссийского распада, ни нового вымирания русского народа в подготавливаемых расчленителями гражданских войнах»³³⁹.

После левого тоталитаризма можно ожидать или «затяжную жирондистскую анархию», или «свирепую крайне-правую тиранию»³⁴⁰. В условиях глубокого кризиса советской системы кадры, вышедшие из старой партийно-жандармской номенклатуры, лишь погубят дело и ввергнут страну в хаос: «Россия будет охвачена *анархией* и *выдаст себя* головой своим национальным, военным, политическим и вероисповедным врагам. В ней сложится тот водоворот погромов и смуты, “Мальстрем нечисти”; тогда отдельные части её начнут искать спасения в “бытии о себе”, т. е. в расчленении»³⁴¹. В деле возрождения национального бытия Россия не должна платить «любую цену» за «псевдodemократическое разнуздание, которое доктринеры называют “свободой”», «она должна прежде всего восстать из порабощения и возобновить свою хозяйственную и духовную жизнь. А потом только... думать о своем демократическом облачении»³⁴².

Поэтому в концепции русского мыслителя, всю жизнь посвятившего изучению сущности и своеобразия России, видится третий исход из кризиса: от анархии и затяжных гражданских войн Россию может спасти только **«национально-государственно-воспитывающая диктатура»**³⁴³. Именно эта *«твердая, национально-патриотическая и по идее либеральная диктатура»* должна будет помочь народу *«выделить кверху свои подлинно-лучшие силы»* и *«воспитать*

³³⁹ Ильин И. А. Демократия — немедленно и во что бы то ни стало // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 178.

³⁴⁰ Ильин И. А. Что же предстоит в России? // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 2. Кн. I. С. 172.

³⁴¹ Ильин И. А. Что сулит миру расчленение России // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 2. Кн. I. С. 335.

³⁴² Ильин И. А. Демократия — немедленно и во что бы то ни стало. С. 178.

³⁴³ Ильин И. А. Что же предстоит в России? С. 174.

народ к трезвлению, к свободной лояльности, к самоуправлению и к органическому участию в государственном строительстве»³⁴⁴.

«1. Диктатура, но не тоталитарная, не интернациональная, не коммунистическая; диктатура, *организующая новую неформальную демократию*, а потому *демократическая диктатура*; — не демагогическая, “сулящая” и развращающая, а государственная, упорядочивающая и воспитывающая; не угашающая свободу, а *приучающая к подлинной свободе*.

2. Демократия, но не формальная, не арифметическая...; демократия *качественности, ответственности и служения — с избирательным правом, понятым и осуществленным по-новому*. А за этими двумя возможностями скрывается множество новых политических форм в разнообразнейших сочетаниях, начиная с новой, творческой, чисто русской *народной монархии*»³⁴⁵.

И диктатура эта, по убеждению мыслителя, «станет изнутри»³⁴⁶. Национальный диктатор должен будет:

- 1 — сократить и остановить хаос;
- 2 — немедленно начать качественный отбор людей;
- 3 — наладить трудовой и производственный порядок;
- 4 — если нужно будет, оборонит Россию от врагов и расхитителей;

5 — поставить Россию на ту дорогу, которая ведет к свободе, к росту правосознания, к государственному самоуправлению, величию и расцвету национальной культуры³⁴⁷.

Но никакой правитель, какой бы полнотой власти он ни обладал, каким бы верным сторонником национально-цветущей державной России он ни был, не вытянет тяжкий

³⁴⁴ Ильин И. А. Демократия — немедленно и во что бы то ни стало. С. 177.

³⁴⁵ Ильин И. А. Оптимизм в политике // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 85.

³⁴⁶ Ильин И. А. Предстоящий в России хаос // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 20.

³⁴⁷ Ильин И. А. О грядущей диктатуре // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. С. 461.

груз национально-государственных проблем, если не встретит внутреннего отклика от своего народа. Откуда выйдет этот правитель и как смогут сплотиться вокруг него национально мыслящие соратники? Ильин еще в в годы революционной смуты обратил внимание на положительную силу армии, поддержав стремление генерала Корнилова остановить развал страны и гибель нации; и в дальнейшем писал о русской армии как рыцарском ордене, способном противостоять разрушению национальной крепости государства. О казаках он писал как о русских рыцарях, способных встать на защиту национального государства и представляющих яркий образец живой русской культуры.

Таким образом, для Ильина армия по-прежнему должна быть тем рыцарским орденом, который формирует аристократию духа — людей, способных перед лицом смерти защищать свой народ от внешнего посягательства. Они же во все времена становились и лидерами нации, охраняющими национально-государственные интересы.

Люди разные по своему душевному складу, и тех, кто может повести за собой остальных в деле защиты общенациональных интересов — единицы. В трудные, нестабильные времена, которые выпадают на долю народа, или происходит отбор таких людей в рыцарский орден защитников нации, или же стаи приспособленцев-субпассионариев отсекают всякую возможность отбора лучших во власть, и нация-цивилизация приходит в упадок.

«Современный человек должен понять, что судьба его зависит от того, что он сам излучает в мир и притом во всех сферах жизни; что речь идет об очищении, об оживлении его сердца, о его творческой самоотдаче... Только излучающее сердце способно обновить культуру; только в нем зарождаются новые творческие идеи»³⁴⁸. Поэтому, писал Ильин, когда Россия «выйдет из-под развалин», необходимо будет, чтобы «каждый из нас осязал в самом себе и чудесные

³⁴⁸ Ильин И. А. Взгляд в даль. Книга размышлений и упований // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 8. С. 564.

дары нашей России, составляющие самую русскость нашей русскости, и те пробелы, те слабости, те недостроенности и неустроенности русской души, которые не дали нам устоять против мирового соблазна, но привели наш народ на гноище мировой истории, те несовершенства и незавершенности нашего национального характера, без одоления которых нам не перестроить России – ни нам, ни нашим детям и внукам»³⁴⁹.

Русский философ-государственник Иван Александрович Ильин имел веру в грядущее возрождение нации: «Россия не человеческая пыль и не хаос. Она есть прежде всего великий народ, не промотавший своих сил и не отчаявшийся в своем призвании. Этот народ изголодался по свободному порядку, по мирному труду, по собственности и по национальной культуре. Не хороните же его преждевременно! Придет исторический час, он восстанет из мнимого гроба и потребует назад свои права!»³⁵⁰. И для этого стране нужен рыцарский орден духовного и волевого авангарда нации.

³⁴⁹ Ильин И. А. О России. Три речи. С. 7.

³⁵⁰ Ильин И. А. Что сулит миру расчленение России // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 2. Кн. I. С. 340.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Подборка статей из сборника Ильин И. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 г. В 2-х томах в одной книге / Составитель и автор вступительной статьи И. Н. Смирнов. М.: ТОО «Рарогъ», 1992 г. 344с + 272 с. (Первое издание в России. Впервые в полном объеме было издано в Париже в 1956 г.)

О главном

Эпоха, переживаемая ныне человечеством, есть *эпоха суда и крушения*. На суд идут все народы без исключения; одни ранее, другие позже. Крушение грозит каждому из них; каждый должен увидеть свою неудовлетворительность или несостоятельность перед лицом Божиим, — в свой черед, по-своему, со своим особым исходом и в осуществлении своей особой судьбы. Прошли годы, когда нам могло казаться, что «мы рухнули, а другие устояли». Теперь нам это уже давно не кажется. Сбывается вещее слово о том, что мы все подлежим суду вечно живого огня, — разумеется, *духовного огня*, опаляющего, очищающего и обновляющего. И, разумея это, нам, русским, надлежит не падать духом и не малодушествовать, а крепко верить в Бога и верно служить нашей родине, России, с которой началось это духовно огненное опаление, очищение и обновление.

Чем мы можем служить ей? К чему мы призваны? Что нам надо делать? Ответить на это — значит выговорить главное; приступить к этому служению значит осуществлять это *главное*.

России нужен *новый русский человек*: проверенный огнями соблазна и суда, очищенный от слабостей, заблуждений и уродливостей прошлого и строящий себя *по-новому, из нового духа, ради новых великих целей...* В этом главное. Делая это, мы строим новую Россию. Ибо слепо и кощунственно думать, будто Россия «погибла»; пусть верят в это иностранцы, враждебные ей, и предатели, помышляющие

о её расчленении. Да, Россия *первою* пошла на суд; первая вступила в полосу огня, первая противостояла соблазну, первая утратила свое былое обличие, чтобы *выстрадать себе новое*. Первая, но не последняя. И другие страны уже охвачены тем же пожаром, каждая по-своему. Прежней России не будет. *Будет новая Россия*. По-прежнему Россия; но не прежняя, рухнувшая; а новая, обновленная, для которой опасности не будут опасны и катастрофы не будут страшны. И вот *к ней* мы должны готовиться; и её мы должны готовить, — ковать в себе самих, во всех нас *новый русский дух*, по-прежнему *русский*, но не прежний русский (т. е. больной, не укорененный, слабый, растерянный). И в этом *главное*.

Для этого необходимо, *во-первых*, справиться с соблазнами. Их целый ряд.

И первый из них — соблазн *большевистской «свободы»*, свободы от Бога, от Духа, от совести, от чести, от национальной культуры, от родины. Этот соблазн не русского происхождения. За последние века он проявлен материализмом и распространен французской революцией и немецкой философией (от левых гегельянцев до Фридриха Ницше включительно). Свобода необходима человеку и священна для него. Но эта свобода обретается через Бога, в духе, в совести, в чувстве собственного духовного достоинства, в служении своему единокровному народу. Большевистская же «свобода», освобождающая человека от третьего (духовного) измерения, оставляющая ему голодное тело и развратно-страстную душу, есть не свобода, а произвол насилия, блуда и греха.

Второй соблазн есть соблазн *тоталитарного государства и коммунистической каторги*, соблазн, обещающий разбойничье «величие» через порабощение и через ограбление остального человечества и обезьянье «счастье» через отказ от личного начала, от творческой инициативы и от свободного вдохновения. Этот соблазн за последние века был выдвинут социалистами, во главе коих в XIX веке встал Карл Маркс. Нельзя отнимать у людей идеи величия

и счастья. Но истинное величие не осуществляется в формах национального ограбления, всемирного завоевания, и истинное счастье не добывается через порабощение личности. Обман безбожной сытости, навязываемой от рабовладельческого государства обезличенным рабам, — соблазняет людей величайшей *пошлостью* и величайшею *ложью*; соблазняет, чтобы разочаровать и погубить. И его необходимо одолеть.

Кто не одолеет этих двух соблазнов, тот не строитель новой России. Кто не разоблачил до конца искушение *безбожной свободы и тоталитарной государственности*, тому не дастся ни очищение души, ни обновление ее. А если он утвердится в будущей России, то он окажется в ней представителем *разнуздания и рабства*. Культура без Бога есть *вавилонская башня*. Государство без Бога есть *земная каторга*. И сколькие в эмиграции уже не справились с этим соблазном, не осилили первого этапа и потому не произнесли ни одного живого слова; ибо их путь вел их с самого начала в пропасть большевизма.

Второе задание наше — *очистить душу от слабостей, заблуждений и уродливостей прошлого*. Их много. Вот главнейшие.

1. *Бесхарактерность, т. е. слабость и неустойчивость* духовной воли; отсутствие в душах *духовного хребта* и священного алтаря, за который идут на муки и на смерть; невидение *религиозного смысла жизни* и отсюда — склонность ко всевозможным шатостям, извилинам и скользким поступкам; и в связи с этим — недостаток *духовного самоуправления* и волевого удержания.

2. Недостаточное, неукрепленное чувство *собственного духовного достоинства*, этой жизнесподдерживающей и жизненаправляющей силы, и отсюда: *удобособлазняемость* наших душ; колебание их между деспотизмом и пресмыканием, между самопревознесением и самоуничижением; неумение уважать в себе субъекта прав и обязанностей, неукрепленное *правосознание*; большая тяга к слепому подражательному западничеству, к праздному и вредному заимствованию

вздорных или ядовитых идей у других народов, неверие в себя, в творческие силы своего народа.

3. Насыщение политической жизни ненавистью и тягой к анархии. Мы обязаны преодолеть и то и другое. Ни на классовой, ни на расовой, ни на партийной ненависти Россию нам не возродить и не построить. Знаем мы, что иностранцы будут поддерживать и разжигать в нас все эти виды ненависти, для того чтобы ослабить, расшатать, расчленить и покорить нас. А мы должны очистить и освободить себя от этих разрушительных сил и погасить, искоренить в себе этот дух грозящих нам гражданских войн. И сделать это мы должны потому, что мы христиане; и еще потому, что этого требует от нас государственная мудрость и верное разумение исторических и многонациональных судеб нашей родины. Великую и сильную Россию невозможно построить на ненависти, ни на классовой (социал-демократы, коммунисты, анархисты), ни на расовой (расисты, антисемиты), ни на политическо-партийной.

И вот наше третье, положительное задание — обновить в себе дух, утвердить свою русскость на новых, национально-исторически древних, но по содержанию и по творческому заряду обновленных основах. Мы должны научиться верить по-иному, созерцать сердцем — цельно, искренно, творчески, чтобы мы сами по себе знали и чтобы другие о нас знали, что не про нас это сказано: «на небо поглядывает, по земле пошаривает». Мы должны научиться не разделять веру и знание, а вносить веру не в состав и не в метод, а в процесс научного исследования и крепить нашу веру силою научного знания. Мы должны научиться новой нравственности, религиозно-крепкой, христианско-совестной, не боящейся ума и не стыдящейся своей мнимой «глупости», не ищущей «славы», но сильной истинным гражданским мужеством и волевой организацией.

Мы должны воспитать в себе новое правосознание, — религиозно и духовно укорененное, лояльное, справедливое, братское, верное чести и родине; новое чувство собственности — заряженное волею к качеству, облагороженное

христианским чувством, осмысленное художественным инстинктом, социальное по духу и патриотическое по любви; новый *хозяйственный акт* — в коем воля к труду и обилию будет сочетаться с добротой и щедростью, в коем зависть преобразится в соревнование, а личное обогащение станет источником всенародного богатства.

России нужен новый *русский человек*, с обновленным — религиозным, познавательным, нравственным, художественным, гражданским, собственническим и хозяйственным — укладом. Этот уклад мы должны прежде всего воспитать и укрепить в себе самих. Ибо только *после* этого и *вследствие* этого мы сможем передать его нашему даровитому, доброму и благородному народу, который доселе пребывает во mnogой беспомощности и *нуждается в верной, сильной ведущей идее*. Россия ждет от нас нового, христиански-социального, волевого, творческого воспитания. Но как воспитает других тот, кто не воспитал себя самого?

Это — главное. Это — на века. Без этого не возродим и не обновим Россию. А на этом пути — справимся со всеми бедами, опасностями, затруднениями и заданиями. И кто в этом духе поведет свое обновление и самовоспитание, кто так сотворит и других научит, тот осуществит свое историческое и отечественное призвание.

О предметности и продажности

Если бы надо было выразить и закрепить одним *словом* сущность современной мировой смуты, то я произнес бы слово *продажность*. Чем больше эта смута углубляется и укореняется, тем более люди отвыкают от *служения* и тем чаще и беззастенчивее они помышляют о *добыче*. Раз, заразившись этим, человек постепенно привыкает сосредоточиваться не на Деле и не на Предмете, а интересоваться своею личною «пользою», своим материальным *прибытком* или *иным лично-жизненным выигрышем*. Важнейшим вопросом его жизни становится *свой успех, свое «приращение», свое преуспеяние*. Иногда он прикрывает эту свою заботу,

главную заботу своего существования, — словами о «классовом интересе», или о «партийном успехе», или «удачных делах», есть и соответствующие доктрины, начиная от «экономического материализма» (самое важное — это обладание орудиями производства и классовый интерес пролетариата) и кончая «меркантилизмом» (самое важное — это выгодная конъюнктура и торговое процветание страны). Но доктрина является для большинства ненужной роскошью или бременем: это большинство не теоретизирует, а просто «практикует», спрашивая про себя, «а какая мне от этого польза?»...

Чем бы человек не занимался, что бы он ни делал, где бы ни служил — он руководится своими внутренними мотивами, и не может не сознавать ту цель, ради которой он делает свое дело. И вот, во всяком благом деле есть некоторое *высшее, сверхличное задание, предметная цель*, придающая *высший смысл* всему тому, что Пушкин обозначал словами «жизни мышья беготня», и указующая человеку, что и как надлежит ему делать. Это и есть то Дело, которым воистину стоит жить, за которое стоит бороться даже до смерти и за которое стоит и умереть. Человек, проникающийся этим смыслом, работающий во имя этого Дела, чувствует себя *предстоящим, ответственным, включившимся и включенным* в некий предметный «кадр» и «фронт». То, что он делает, оказывается уже не службой, а служением. Он носит в своем сердце идею и знает, что такое идейный пафос, т. е. вдохновение, подъемлющее личные силы и расширяющее личные возможности. Он сразу поймет, если мы скажем, что служение *окрыляет его*, или если мы вспомним восклицание Суворова: «господа офицеры, какой восторг!»... В устах Суворова это слово «восторг» отнюдь не было ни преувеличением, ни аффектацией: оно точно выражало то самое, что он разумел и переживал сам, и что он хотел передать другим... — *окрыленный подъем души, созерцающей совершенство*. То, что составляет самую сущность Христианства.

Напрасно думать, что «совершенство» есть праздное слово, что оно неосуществимо в земной жизни

и свидетельствует лишь о наивности человека, который его произносит и принимает всерьез. «Что там говорить о совершенстве? Все мы люди слабые, грешные, страстные и уже по одному этому удобопревратные ко злу... Совершенных людей нет, не было и не бывает. А кто мнит себя совершенным, тот впал в соблазн гордости и самопревознесения»... Такие речи мне не раз случалось слышать в Западной Европе и притом именно из уст *инославного духовенства*. И каждый раз я удивленно спрашивал наставлявшего меня пастора: «зачем же сказано в Евангелии — будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный»? (Мтф. 5.48, срв. Луки 6.35-36). И каждый раз за этим следовала растерянная пауза.

Мой возражатель явно не разумел чего-то самого важного и глубокого, а именно: полнота совершенства, конечно, доступна единому Господу; но *воля к совершенству*, но требование «самого лучшего» от самого себя, — в каждый отдельный миг своего служения, — есть то самое драгоценное Евангельское солнце, которое было оставлено нам Сыном Божиим и от лучей которого человеческая совесть обновилась и стала *христианской совестью*. Конечно, так: совершенных людей нет, не было и не бывает. Но *совестная воля* неустанно зовет человека к *исканию, обретению и осуществлению* самого лучшего, совершенного душевного строя и доступно наилучшего исхода из каждого жизненного положения. Она зовет к тому, чтобы увидеть высший смысл своей жизни, чтобы найти себе сверхличное задание, свою предметную цель, чтобы преобразить «дела» в «Дело» и «службу» в *Служение*; чтобы всегда чувствовать себя ответственным и предстоящим, включившимся и включенным в духовно-предметный «кадр» и «фронт»; чтобы приобщиться счастью *идейного пафоса* и тому окрыленному подъему души, который дается ей именно от созерцания совершенства.

Это означает, что *религиозность* человека отнюдь не кончается вместе с воскресным богослужением, а разворачивается в жизни и захватывает всю его деятельность. И первое, что она делает, — она обновляет *внутренние*

мотивы, т. е. движущие силы его жизни. Она противопоставляет *психологию предметного служения* — *психологии личного успеха и добыче*. Он делает человека *непродажным, но целостно-предметным*.

Под продажностью и подкупностью совсем не следует разуметь *измену идеи за деньги*. Такая измена есть лишь наиболее грубая форма продажности: человек забывает о служении и кривит душой за личный денежный прибыток. Это то, что называется «взяткою» или «поборами» на службе, а в Западной Европе и Америке — «коррупцией», о которой с доказательствами в руках так часто и прямо говорил недавно в своих речах новый президент Эйзенхауэр. Человек имеет известные публично-правовые полномочия и обязанности; и вместо того чтобы править долг службы — или, как говорили на Руси в старину, «дело Царево вести честно и грозно», — он поступает так, *как ему в данный момент выгоднее*. Бесчисленные русские пословицы, — острые и верные, — не устают клеймить продажных воевод, судей, подьячих и дьяков. За злоупотребления, вымогательства, поборы и взятки Петр Великий учил своих ближайших вельмож — дубинкою, сохранившеюся и до наших дней (в нарвском Петровском дворце). Но в России это было остатком или пережитком эпохи общегосударственных затруднений (бесконечные оборонительные войны!), когда казна не могла платить надлежащее жалованье и прибегала к «*системе кормления*». Медленно изживалась эта порочная установка; медленно, но мерно. Уже к началу XX века дореволюционная Россия не знала взяток — ни в суде, ни в управлении, ни тем более в дипломатии или в школе (единичные случаи порочности были исключением). И иностранцы совершенно напрасно рассказывали друг другу о том, будто «в России все продажно».

Но теперь... Теперь, когда мы пережили революцию в России с её стихией своекорыстного предательства и чуть не повальной продажности; когда мы видели, как революционная смута разливалась по всему миру; когда по нашей жизни прокатился каток правого тоталитаризма, а потом

еще более тяжелый и страшный каток второй мировой войны, — мы должны понять и выговорить, что *жажда личной добычи таится во всех народах*, и в низах, и в верхах; что болезнь продажности распространяется по свету, как сущая эпидемия и что «личной добычей», привлекающей, разлагающей и развращающей, является совсем не только золото и «валюта», но и *личный успех, личная карьера, всяческое политическое и журнальное «выдвижение», почет, власть и закулисное влияние*. Словом, — все то, что поднимает человека над толпою, давая ему возможность «фигурировать», возноситься и наслаждаться. За все это современный человек слишком часто готов забыть свою умолкнувшую совесть, порвать со своим духовным достоинством и со своею честью, выдать врагам государственную тайну, получать в качестве дипломата двойное и тройное жалованье от других держав, бесчестно клеветать и демагогировать на выборах и всячески, — изобретательно, бесстыдно и ненасытно, — пользоваться «выгодной конъюнктурой». И все это в то время, когда в мире появился *назойливый покупатель продажных людей* с неистощимым кошельком. Современный человек перестал верить в Бога и именно потому так легко и так охотно продает свою душу дьяволу.

Современная смута превращается в своего рода эпидемию прежде всего и больше всего потому, что современное человечество утрачивает *религиозное понимание жизни и религиозное отношение к ней*. Оно не чувствует духовности и не ищет ее. Оно не видит Бога и не измеряет себя Его лучами. Поэтому оно теряет чувство собственного духовного достоинства, совесть и честь, и вообще все высшее духовно-божественное измерение жизни. Оно разучается отличать добро от зла и честное от бесчестного. Современный человек все более впадает в «аутизм» (от греческого слова «аутос» — сам), т. е. в «самокультивирование»: ему важно и драгоценно только собственное вожделение, удовольствие, преуспеяние. Он живет в двух измерениях: *инстинкта и самосознания*, третье измерение, — *главное, духовное, религиозное*, — перестает для него существовать. Для него *все есть*

товар, который надо успешно обменять на житейский успех. Отсюда — его продажность. Отсюда же все эти современные типы: ловчащиеся господинчики, скользкие нырялы, перевертни, приспособляющиеся хамелеоны, бессовестные журналисты, продажные ученые, политики «без хребта», политики беззастенчивого напора, партийные интриганы, шпионы и доносчики... Он всегда там, где выгоднее; развивает то воззрение, которого требует его деньгодатель или устроитель его карьеры; он готов говорить «за хорошего коммуниста», через год проповедовать «христианское движение», через два года наняться в национал-социалисты, через три года работать в союзнической разведке, и кто знает, далеко ли ему еще до участия в черной мессе или до тайного инославного ордена.

При этом надо еще иметь в виду «благоприятствующие» условия нашей эпохи. Чем тяжелее жизнь, чем *хуже и ниже уровень питания и жилища*, тем труднее человеку блюсти честь и совесть, тем навязчивее становятся жизненные «компромиссы», тем незаметнее для самого себя человек переступает грань продажности. И еще: чем *трусливее* человек, чем он *жаднее и честолюбивее*, тем легче ему переступить эту грань бесчестия и предательства. А тут еще эта дразнящая техника, этот заманчивый комфорт, эта повышенная нервность, жаждущая развлечений, острых ощущений, неизведанных удовольствий. К этому присоединяется — *безработица*, грозящая всем и настаивающая столь многих, и не только в силу экономических кризисов и беженства, но прежде всего в силу *перенаселения* во многих странах и государствах. И в довершение — соблазны и угрозы *тоталитаризма*, то левого, то правого; оба одинаково требуют *не думающей и не чувствующей покорности и готовности на любое предписанное злодейство*; оба обещают и лгут; оба соблазняют и обманывают; оба грозят и приводят свои угрозы в исполнение.

В результате миром завладевает *эпидемия продажности*. На наших глазах люди, которых мы считали идейными и стойкими, начинают политически двурушничать,

приспособляться из-за денег и фигурирования, придумать двусмысленные лозунги и всячески затушевывать черту, отделяющую добро от зла и верность от предательства.

А между тем *национальной России необходимо совсем, совсем иное!* И правы, тысячу раз правы те, которые предпочитают скудную жизнь и молчаливое одиночество — криводушию и продажности, ибо в них, именно в их предметном, неподкупном стоянии, живет и готовится грядущая Россия...

О воспитании в грядущей России

Нам не надо знать, когда и в каком порядке закончится революция в России. События разворачиваются медленно, слишком медленно для одного поколения. Мы не можем и не должны делать себе иллюзий: предстоят еще сложные, ответственные и мучительные события, смысл которых будет состоять в том, что всероссийское крестьянство овладеет изнутри государственным и военным аппаратом страны, сбросит или отодвинет устроившийся у власти слой международных авантюристов и начнет строить новую национальную Россию. Возможно, что из наших, старших поколений лишь немногие доживут до *освобождения* родины и лишь совсем немногие смогут принять участие в её *возрождении*. Но именно это предвидение обязывает нас смотреть вперед и вдаль и готовить для новых русских поколений тот материал выводов и руководящих линий, который мы выстрадали и выносили за эти десятилетия и который поможет им справиться с их претрудной задачей. Мы должны высказать и письменно (по возможности, и печатно!) закрепить в отчетливых и убедительных формулах то, чему нас научила история, чем нас умудрила наша патриотическая скорбь.

Грядущая Россия будет нуждаться в *новом, предметном воспитании русского духовного характера*; не просто в «образовании» (ныне обозначаемом в Советии пошлым и постылым словом «учеба»), ибо образование само по себе есть *дело памяти, смекалки и практических умений в отрыве от духа, совести, веры и характера*. Образование

без воспитания не формирует человека, а разнуздывает и портит его, ибо оно дает в его распоряжение жизненно-выгодные возможности, технические умения, которыми он, — бездуховный, бессовестный, безверный и бесхарактерный, — и начинает злоупотреблять. Надо раз и навсегда установить и признать, что безграмотный, но добросовестный простолудин есть *лучший* человек и *лучший* гражданин, чем бессовестный грамотей, и что формальная «образованность» вне веры, чести и совести создает не национальную культуру, а разврат пошлой цивилизации.

Новой России предстоит выработать себе новую систему национального воспитания, и от верного разрешения этой задачи будет зависеть её будущий исторический путь.

Мы видели, как русская интеллигентская идеология XIX века подожгла Россию, вызвала великий пожар и сама сгорела в его огне. Мы знаем также, что русский народ жив и будет восстанавливать свое государство на пепелище революции. Мы же, русская интеллигенция, кость от кости русского народа, дух от духа, любовь от его любви и гнев от его гнева, — мы, никогда не верившие ни в какую «послепетровскую» пропасть, якобы отделившую нас от нашего народа, и ныне не верящие ни в какой «разрыв» между внутренней и зарубежной Россией, — мы обязаны осознать причины нашего государственного крушения, найти его истоки в строении и укладе русской души, обрести и в самих себе эти больные уклоны и преодолеть их (все эти национальные заблуждения и соблазны, все это больное наследие уделов, татарщины, сословности, крепостничества, бунтов, заговорщичества, утопизма и интернационализма), — преодолеть и вступить на новый путь.

Россия выйдет из того кризиса, в котором она находится, и возродится к новому творчеству и новому расцвету — через сочетание и примирение трех основ, трех законов духа: *свободы, любви и предметности*. Вся современная культура сорвалась на том, что не сумела сочетать эти основы и блюсти эти законы. Она захотела быть культурой *свободы* и была права в этом, но она не сумела стать

культурой *сердца* и культурой *предметности*, — и это запутало её в противоречии и привело её к великому кризису. Ибо *бессердечная свобода* стала свободой эгоизма и своекорыстия, свободой социальной эксплуатации, а это повело к классовой борьбе, к гражданским войнам и революциям. А беспредметная и противопредметная свобода стала свободой беспринципности, разнуздания, безверия, «модернизма» (во всех его видах) и безбожия. Все это связано взаимно, все это есть единый процесс, приведший к великому кризису наших дней. Реакцией на это явился зажим бессердечной и беспредметной свободы в государственно-партийные, диктаториальные тиски — то коммунистические, то буржуазно-националистические. Этот бюрократически организующий зажим должен был бы, казалось, устранить известные антисоциальные проявления свободы, злоупотребления ею и *водворить большую социальность при несвободе*. На самом же деле *несвобода* (отрицательная функция) ему удастся вполне, а большая социальность (положительная, творческая функция) — не удастся ему: на место прежней *свободной несоциальности* водворяется новая *несвободная антисоциальность* и народ попадает в *наихудшие и наитягчайшие условия жизни, известные в истории*. Социализм и коммунизм отнимают у людей свободу и не дают им ни социальной справедливости, ни духовного творчества.

Это объясняется тем, что осуществить социальную справедливость могут только люди *с сердцем и с предметною волею*, ибо справедливость есть дело *живой любви и живого совестного созерцания, т. е. предметно настроенной и устроенной души*. Ошибочно принимать справедливость за равенство, ибо *справедливость есть предметное неравенство людей*. Наивно воображать, будто достаточно последовательной доктрины и последовательного рассудка для того, чтобы справедливость была найдена и водворена и чтобы люди начали новую социальную жизнь. Ибо рассудок без любви и без совести, не укорененный в живом созерцании Бога, есть разновидность *человеческой глупости*

и черствости, а глупая черствость никогда еще не делала людей счастливыми.

Из трех великих основ всякой человеческой жизни и культуры — *свободы, любви и предметности* — ни одна не может быть упразднена или упущена: необходимы все три и все три обуславливают одна другую взаимно. Если бессердечная свобода ведет к несправедливости и эксплуатации, то беспредметная свобода ведет к духовному разложению и социальной анархии. Но бессердечная и беспредметная несвобода ведет к еще более тяжелой рабской несправедливости и глубокой деморализации. Свобода необходима человеческому инстинкту и духу, как воздух телу. Но она должна быть наполнена жизнью сердца и предметной воли. Чем больше сердца и предметной воли у человека, — тем менее опасны ему соблазны свободы и тем больший смысл она приобретает для него. Спасение не в отмене свободы, а в её сердечном наполнении и предметном осуществлении.

Именно этим определяется путь грядущей России. Ей нужно *новое воспитание*: в свободе и к свободе; в любви и к любви; в предметности и к предметности. Новые поколения русских людей должны воспитываться к *сердечной и предметной свободе*. Эта директива — на сегодня, и на завтра, и на века. Это единственно верный и главный путь, ведущий к расцвету русского духа и к осуществлению христианской культуры в России.

Для того чтобы выяснить это до конца, необходимо сосредоточиться на идее *предметности*.

События последнего века показали нам, что свобода совсем не есть последняя и самодовлеющая форма жизни, она не предопределяет ни содержания жизни, ни её уровня, ни направления. Свобода дается человеку для предметного наполнения её, для *предметной жизни*, т. е. для свободной жизни в Предмете. Что же есть Предмет и что такое предметная жизнь?

Каждое существо на земле и каждое тело человеческое имеет некоторую *цель*, которой оно и служит. При этом можно иметь в виду чисто *субъективную цель*, зовущую человека

к удовлетворению его личных потребностей и ведущую его к личному успеху в жизни. Но можно иметь в виду и *объективную цель, последнюю и главную цель жизни*, по отношению к которой все субъективные цели окажутся лишь подчиненным средством. Это есть великая и главная цель человека, осмысливающая всякую жизнь и всякое дело, *цель, на самом деле прекрасная и священная*, — не та, ради которой каждый отдельный человек гнется и кричит, старается и, богатеет, унижается и трепещет от страха, но та, ради которой *действительно стоит жить на свете, ибо за нее стоит бороться и умереть*. Для животного такую целью является продолжение рода, и в служении этой цели мать-самка отдает свою жизнь за детеныша. Но у человека есть более высокая, духовно верная цель жизни, *на самом деле и для всех драгоценная и прекрасная* или если собрать все эти определения в простой и скромный термин — Предметная.

Человеку стоит жить на свете не всем, а только тем, что осмысливает и освящает его жизнь и самую его смерть. Всюду, где он живет нестоящим, — пустыми удовольствиями, самодовлеющим накоплением имущества, кормлением своего честолюбия, служением личным страстям, — словом, всем, что непредметно или противопредметно, — он ведет жизнь *пустую и пошлую* и всегда предаст свою цель, как только встанет выбор между этой пустой целью и самой жизнью. Ибо он сейчас же рассудит так: спасу жизнь — останется надежда на удовольствия и приятности; погибну за удовольствия и за богатство — утрачу и их, и жизнь. Но если у человека есть предметная, священная цель жизни, то он мыслит обратно: если предам мою предметную цель, то потеряю и самый смысл жизни, а на что мне жизнь без смысла и святости?.. — такая жизнь мне не нужна, а предметная цель священна и необходима и тогда, если моя личная жизнь на земле прервется...

Жить предметно — значит связать себя (свое сердце, свою волю, свой разум, свое воображение, свое творчество, свою борьбу) с такой ценностью, которая придаст моей жизни *высший, последний смысл*. Мы все призваны к тому, чтобы найти эту ценность, связать себя с нею и верно осмыслить ею наш труд и направление нашей жизни. Мы должны увидеть оком сердца предметное значение и назначение нашей Жизни. Ибо в действительности мы все служим некоему высшему Делу на земле, — *Божьему Делу*, — «прекрасной жизни», по слову Аристотеля, «Царству Божьему», по откровению Евангелия. Это есть единая и великая цель нашей жизни, *единый и великий Предмет истории*. И вот, в его живую предметную ткань мы и должны включить нашу личную жизнь.

Мы найдем свое место в этой ткани, увидев с силою очевидности, что жизнь русского народа, *бытие России*, — достойное, творческое и величавое бытие, — входит в это *Божье Дело*, составляет его живую и благодатную часть, в которой есть место для всех нас. Кто бы я ни был, каково бы ни было мое общественное положение, — от крестьянина до ученого, от министра до трубочиста, — я *служу России*, русскому духу, русскому качеству, русскому величию, — не «маммоне» и не «начальству», — «не личной похоти» и не «партии», не «карьере» и не просто «работодателю», — но именно России, её спасению, её строительству, её совершенству, её *оправданию перед Лицом Божиим*. Жить и действовать так значит жить и действовать согласно главному, предметному призванию русского человека, это значит *жить предметно*, т. е. службу превратить в *служение*, работу в *творчество*, интерес во *вдохновение*, «дела» освятить духом *Дела*, заботы возвысить до *замысла*, жизнь освятить *Идеей*. Или, что то же самое, — *ввести себя в предметную ткань Дела Божия на земле*.

Предметность противостоит сразу и *безразличию* и *безоглядному своекорыстию*, — этим двум чертам рабского характера.

Воспитать к предметности значит, во-первых, вывести человеческую душу из состояния холодной *индифферентности* и *слепоты* к *общему* и *высшему*; открыть человеку глаза на его *включенность* в ткань мира, на ту *ответственность*, которая с этим связана, и на те *обязательства*, которые из этого вытекают; вызвать в нем чутье и вкус к делам *совести*, *веры*, *чести*, *права*, *справедливости*, *церкви* и *родины*. Поэтому стать предметным человеком — значит проснуться и выйти из гипноза бездействия и страха, растопить свою внутреннюю льдину и расплавить свою душевную черствость. Ибо предметность противостоит прежде всего безразличию.

Воспитать к предметности значит, во-вторых, отучить человека от узкого и плоского *своекорыстия*, от того «шкурничества» и той *беспринципной изворотливости*, при которых невозможно никакое культурное творчество и никакое общественное строительство. Стать предметным человеком — значит преодолеть в себе примитивный и безоглядный инстинкт личного самосохранения, тот *наивный* и *циничный эгоизм*, которому недоступно высшее измерение вещей и дел. Человек, не обуздавший своего животного себялюбия, своего практического эгоцентризма, не открывший себе глаза на свое призвание — *служить*, не научившийся преклоняться перед высшим Смыслом и Делом, *перед Богом*, будет всегда существом *социально опасным*. Так, Предметность освобождает не только от душевного безразличия, но и от скудости и пошлости личного эгоцентризма.

В этих двух требованиях содержится *азбука предметного воспитания*. И надо признать, что вне её — всякое вообще воспитание мнимо и призрачно и всякое вообще образование мертво и формально. Самое важное, что должны дать человеку семья и школа, — это *предметно-открытый взор*, *предметно живое сердце* и *предметно готовую волю*. Человек должен видеть и разуметь ткань Божьего Дела на земле,

чтобы знать, как можно войти в нее и как следует включать себя в её жизнь, — чтобы сердце его отзывалось на явления и события в этой ткани, как на важные драгоценные, вызывающие радость и горе, чтобы воля была способна и готова жертвовать этой ткани своим личным интересом и служить ей не за страх и не за долг, а за любовь и за совесть.

Ныне, как, может быть, еще никогда, Россия нуждается в таком воспитании. Ибо ранее в России была жива религиозная и патриотическая традиция такого духа и такого воспитания. А ныне старые традиции порваны, а новые еще не завязались и не сложились. Завязать и укрепить их должна система предметного воспитания.

Духовная предметность души является, как сказано, выходом из *безразличия и своекорыстия*. Но этим преодолением, которое имеет лишь отрицательное, а не Положительное значение, предметность не определяется и не исчерпывается. По существу же идея предметной жизни и предметного человека может быть описана так.

Преодолев свое безразличие, человек должен найти себе настоящее и достойное содержание жизни. Он должен цельно *полюбить* нечто такое, что *на самом деле* заслуживает цельной любви и преданного служения. Это значит, что настоящая предметность имеет два измерения: *субъективно личное и объективно ценностное*. Первое измерение, субъективно личное, определяет, действительно ли я предан моей жизненной цели, *искренен* ли я в этой преданности, *целен* ли я в этой искренности и, наконец, *действую* ли я согласно этой преданности, искренности и цельности. Второе измерение, объективно ценностное, определяет, *не ошибся* ли я в выборе моей жизненной цели, действительно ли мой «предмет» *Предметен*, действительно ли моя цель священна и правда ли ею *стоит жить* и за нее *стоит бороться* и, может быть, *умереть*. Ибо в жизни возможны разные пути и перепутья.

Так, возможно, что человек субъективно «предметен», а объективно нет. Это значит, что он страстно, искренно и деятельно *предан ошибке*, напр., какому-нибудь вредному,

обольстительному учению, ложной политической цели, нелепой и лукавой вере... Тогда возникает страстное и искреннее кипение в пустоте или соблазне. Но возможно и обратное, — когда человек высказывается в пользу *верной цели*, которую действительно стоит жить и за которую стоит бороться до смерти, но сам он относится к ней *холодно*, не имея для нее ни любви, ни жертвенности, ни борьбы. Тогда возникает верная *формула* Предмета, не больше, а, может быть, еще и аффектированная *декламация* о Предмете, верная по содержанию, но *фальшивая* по чувству и *скользко-предательская* в жизни. В-третьих, возможно и такое положение дела, при котором субъективно-холодный человек холодно разговаривает о Предметно неверных или соблазнительных целях жизни. Однако верна и духовно значительна *четвертая* возможность, когда человек искренно, цельно и деятельно предан Предметной цели, т. е. делу Божьему на земле, например, церкви, науке, искусству, духовному воспитанию своего народа, организации справедливой жизни, спасению своей родины, выработке свободного и справедливого права. И эта возможность есть единственно верная.

Тогда душою человека владеет двойная или подлинная Предметность. Она захватывает его душу, осмысливает его жизнь, делает его цельным и огненным и придает его жизни *религиозный смысл* даже и тогда, когда он сам себя не считает ни верующим, ни церковным, ибо сокровенная религиозность глубже явной и незримая церковь обширнее зримой. Такой человек переживает свой Предмет — сразу — как далекую цель, как объективное-будущее-желанное событие и в то же время — как близкую реальность, как вдохновляющую его силу, как подлинную ткань бытия, которая захватывает и его личные силы. Настоящий человек ищет в своей жизни прежде всего — Предметности, т. е. *Дела Божьего на земле*, он углубляет до него каждую жизненную задачу, каждое жизненное отношение, он освещает из него все дела, исходит из него, как из задания, и восходит к нему, как к цели.

Все это придает ему особый дух — дух *искания, ответственности и служения*, без которого человек остается обывателем или карьеристом, слугою своих страстей или медиумом чужих влияний, а может быть, и хуже — лисой, хамелеоном и предателем. По духу искания, ответственности и служения предметные люди легко и быстро узнают друг друга, и тот, кто раз приобщился ему, быстро научивается без ошибки узнавать его: он узнает его и у Конфуция, и у Сократа, и у Марка Аврелия, и у Вильгельма Оранского, и у Карлейля; а у нас в России — он узнает его и в православном старце, и в Петре Великом, и в Суворове, и у праведников Лескова и будет прав, ибо *этот дух действительно создавал и строил Россию*. И вот каждое такое открытие, каждое такое знакомство будет ему духовной радостью и будет вызывать в нем желание — включить узнанное в свою жизнь, а если это живой человек, то связаться с ним крепко и надолго *полнотою доверия и братским сотрудничеством*. Предметные люди — *братья перед лицом Божиим*; они суть как бы живые нити Божией ткани на земле; или — живые струи Его потока; граждане Его медленно возрастающего Царства. И именно этим объясняется присущее им стремление — *пробудить в других чувство Предметности*, сознание Предмета, искание Предметности, чувство предметной ответственности.

Вот почему Предметность можно было бы описать, как включение себя в Дело Божие на земле, или как влечение себя в Его ткань, или как вхождение в Его поток, как отождествление своего дела с Его Делом, своего успеха с Его успехом, своей силы с Его силою. И этому соответствует измерение *его* мерилami и *его* успехами — своей жизни, своей ответственности, своих решений, своей правоты, своей удачи и победы. Ткань этого Дела реально присутствует во всем: в природе и в человеке; в самом человеке (в теле, в душе и в духе) и в его культуре; в индивидуальной жизни и в народной жизни; в семье и в воспитании; в церкви и в вере; в труде и в хозяйстве; в праве и в государстве; в науке и в искусстве; в деяниях воина и в деяниях монаха. Надо

научиться воспринимать ее, *видеть ее, радоваться ей*, пребывать в ней и *служить ей*. И воспитание человека тем лучше и глубже, чем больше оно сообщает ему это умение.

Можно было бы сказать, что Предметность есть единый и общий источник всех благих побуждений человека, ибо все они определяются словами «хочу Божьего Дела» и «служу Божьему Делу». Все благие дела и побуждения человека суть видоизменения Предметности; и любовно-творческое отношение к природе, и самовоспитание, и строительство семьи, и дружба двух людей, и хозяйственное вдохновение, и чувство ответственности и вины, и социальное чувство, и правосознание, и верный патриотизм, и совестный акт, и научная совесть, и художественное созерцание, и молитва, и церковное сознание — все это *разновидности «божеского» подхода к Божьему Делу на земле*. Это есть то, в чем нуждается всегда *все человечество*, но чего ищут и чем владеют только лучшие люди. Все великие религии хотели и донныне хотят этого; все монашеские ордена, все организации братства, чести и служения (начиная от университета и кончая армией), все они ищут именно Предметности в своей сфере. И духовный уровень каждого такого человеческого союза определяется именно тем, поставлены ли в нем на должную высоту — *воля к Предметности и организация Предметности*. Ибо есть своя особая Предметность в церкви, и своя особая Предметность в науке и преподавании, и своя Предметность в суде и управлении, своя Предметность в искусстве, своя Предметность в армии. И все это, что называется в жизни — лицепрятием, непотизмом, святокупством, взяткою, криводушием, гражданскою трусостью, политической продажностью, завистью, лестью, предательством, бесчестием, карьеризмом, лукавством, интригою или же, выражаясь русскими летописными словами, — *«кривдою» и «воровством»* — все это, что разлагает нравы и создает растленную культуру и большую государственность, сводится к отсутствию Предметности в душе и в жизни. Но надо сказать и обратное: нет более крепкого и плодотворного единения на земле, как единение людей в духовной Предметности — в совместной

молитве, в духовной близости брака и дружбы, в настоящем академическом сотрудничестве, в воинском братстве единой армии, в предметно-политическом одиночестве, в патриотическом подъеме.

* * *

Тот, кто испытал влияние Предметности на человеческую душу, тот сразу поймет, если я скажу: Предмет есть некая живая и священная стихия, субстанция или «эссенция» духовной жизни, которая несет человеку множество драгоценных даров. И прежде всего она дает ему *чувство предстояния*: «есть нечто высшее и большее, нежели я сам, такое, что я вижу и к чему я стремлюсь, что мне светит и зовет меня и с чем я связан благоговением и любовью». И далее — *чувство ответственности*, ибо это предстояние связывает меня, возлагает на меня обязанности и полномочия, за осуществление коих я отвечаю. Отсюда новый дар: *чувство реальной силы*, которая призвана к действию, так, что решения её безразличны и усилия её не бессильны, но необходимы и драгоценны в плане Божьего Дела. С этим связан новый драгоценный дар — *чувство служения*, т. е. уполномоченного и призванного *самостоятельного делания* перед лицом Божиим, чувство несения бремени, разрешения заданий, — словом, *творческого участия в деле мироустройства*. В естественной связи с этим стоят новые дары Предметности: с одной стороны, — неподдельное смирение, ибо предстоящий духовной субстанции мира чувствует свою малость и беспомощность, и ответственный знает, за что и перед Кем он отвечает, и несущий служение учится скромности и смирению, — а с другой стороны — Предметное служение дает человеку *уверенность в своей правоте*, которая свободна и от самомнения, и от гордости, — и некую духовную *строгость и властность*, которые проистекают непосредственно из чувства *Предметной наполненности*, призванности и силы. Человек, живущий ответственным Предметным созерцанием, есть вдохновенный человек,

а настоящее вдохновение есть именно проявление Предметности и её дар; человек во вдохновении дышит законом самого Предмета, выговаривает Его содержание, осуществляет Его ритм, и так обстоит везде — в искусстве, в науке и в политике. Именно поэтому Предметному человеку присущ *дар верного целеполагания*, ибо цели, которые он видит и ставит, имеют всегда далекую силу и высокий смысл; они бывают верны и в земном, эмпирическом плане, но никогда не ограничиваются им и не исчерпываются, потому что их главная сила и их главный смысл — в «небесно-земном» плане, т. е. в том, что они включены в ткань Божьего Дела. Предметный человек, — знает он о том или не знает, а иногда он об этом и не знает — есть орудие или орган Дела Божьего на земле, а потому и судьба его небезразлична в высшем плане бытия, и сам он спокойно поручает себя Руке Божией, — вот так, как Пушкин выговаривал это в своем «Арионе» и как Тютчев выговаривал это о самом Пушкине («Ты был богов орган живой»...). Такой человек не считает свой земной конец «гибелью» и не верит в неуспех или поражение своего земного дела, ибо он знает, что «его» дело не есть только «его» дело, а есть Дело Предметное и потому — Божие, что неудача его есть лишь *видимая* неудача и что *конечная победа его обеспечена высшею Силою*. Образно это можно было бы выразить так: он всю жизнь как бы держится правой рукой за небо. Во всяком случае, он твердо знает, где находится его главная опора и Кто в конечном счете решает его судьбу.

Все это можно было бы выразить так, что Предметность дает человеку *верное чувство собственного духовного достоинства*.

Напрасно современные безбожники полагают, будто Бог есть фантастическое существо, пребывающее где-то «за облаками», о коем мы воображаем всякие страхи и перед которым мы все время унижаемся. На самом деле вера в Бога не унижает и не обессиливает человека, а напротив — *возносит его, преображается и укрепляет*.

Это объясняется тем, что Божие присутствие и веяние мы воспринимаем в нас самих, и притом не страхом,

а любовью, не протестом, а радостью и не унижением, а преобразованием и вознесением. Эта любовь и радость, это восприятие и созерцание Божьего веяния сердцем и волею, это осуществление Его воли, как своей, и признание всего этого мыслью несколько не унижают человека, а преобразуют и возносят его. Безбожники представляют себе отношение человека к Богу, как отношение маленькой и слабой вещи к огромной и сильной, т. е. как внешнее отношение, — какое-то «внестояние» и «противостояние», страшное, угрожающее... — вот-вот обрушится гора и раздавит... На самом же деле все это обстоит совсем иначе. Это есть внутреннее отношение, — отношение восприятия и любви, присутствия и радости, откуда и возникает своеобразное и таинственное единение человека с Богом.

Человек воспринимает дыхание Божие в глубине своего личного духа — не слухом и не словами, а *сердцем*: тем таинственным и глубоким, чувствилищем, которое мы называем «верою» и «молитвою», а также — вдохновением, совестью, очевидностью или иным актом созерцающей любви. Испытав что-либо из этого, — одним актом или многими, долго или кратко, — человек обновляется. Сущность этого обновления состоит в том, что человек, по слову Евангелия, научается быть и жить на земле в качестве земного «сына» Божия. Для этого надо, чтобы человек *любил Бога* и вместе с Богом любил *то совершенное, что Бог любит*, и желал Бога и вместе с Богом желал того божественного, чего Бог желает, и созерцал Бога и Его творения лучом своего сердечного созерцания и стремился узреть то, что Бог зрит в людях и в мире. Пережив это, человек осуществляет и утверждает свою способность — *«быть с Богом заодно»*, любить Его и любить с Ним вместе, желать Его и желать с Ним вместе, созерцать Его и созерцать с Ним вместе. И если человек раз осуществил эту способность, оценил её смысл и значение, на деле доказал её и утвердил за собою, то это значит, что он вошел в ткань духовной Предметности мира, приобщился ей и включился в нее. Это значит, что он стал к Богу в отношении «сына» к «Отцу», стал человеком-сыном. Он перестал

быть человеком-волком или просто — «человеком-сыном земного отца». Он стал человеком, воспринявшим своего Небесного Отца, — искрою Его огня, каплею из Его предвечного водомета, ценным камнем из Его сокровищницы, дыханием Его уст, Его органом, Его носителем, Его жилищем или храмом, Его сыном, имеющим призвание и право говорить Ему «Отче наш!»...

Вот откуда родится то основное, без чего нет духовной личности, — *чувство собственного духовного достоинства*, это не сомнение, не самоуверенность, не тщеславие, не честолюбие и не гордость, а именно чувство собственного духовного достоинства, в котором *уважение* к своему духу есть в то же самое время смирение перед лицом Божиим, — и это даже не «чувство», ибо чувство неустойчиво и скоропреходяще, это предметная уверенность, доведенная до очевидности, до убеждения, *до основы личной жизни*. Это не есть повышенная или преувеличенная самооценка, всегда голодающая по чужому признанию; здесь дело не в оценке своего земного состава, но в способности утвердиться в своем сверхземном составе, т. е. установить в себе алтарь Божий и поддерживать на нем огонь Божий (по древнему гимну: «Тебе в сердцах алтарь поставим»...), и обратиться к Богу со словом «Отец» и с *делами* «сына».

Всякому человеку доступно, и достойно, и необходимо поставить в своем сердце этот молитвенный алтарь, внимать зовам совести и чести и сделать свою волю орудием Воли Божией, — и тем утвердить в себе духовное достоинство как основу личной жизни, как верное мерило людей и их поступков, как чувство личного, общественного и политического ранга. От этого у человека делается непроезжимое устно и словесно, но вечно живое «рассуждение» или волевое решение вроде следующего: «как совершу я это злое дело, я, предстоящий моему Богу и освещаемый Его огнем?» или «как войду я сегодня в единение с Богом, покрывив душой?», или «как соблазнусь я взяткою, если я призван ткать ризу Божию?», «как оправдаю я эту жизнь притворства и лжи перед живущим во мне сыном Божиим?», «как уроню

в себе носителя Духа?», «если совершу эту низость, — то куда я денусь от живущего во мне дыхания уст Его?», «что останется от меня, если угашу в себе Его огонь?»... И все это есть не что иное, как голос собственного духовного достоинства, дающий человеку *живую совесть, повышенное чувство ответственности, непрерывное предстояние*, верное и спокойное хождение по Его путям, прилежное ткаение ризы Его. А если выразить все это в общей, осторожной и скупой философской формуле, то это есть Предметность сердца, воли и дел.

Вот к чему надо воспитывать новые поколения русских людей. Вот в чем нуждается свободный, достойный, гражданственный русский человек. Вот в чем спасение и расцвет грядущей России. И о том, как нам создать на этих основах новое русское воспитание и образование, — должны быть все наши помыслы.

Почему мы верим в Россию?

Где бы мы, русские люди, ни жили, в каком бы положении мы ни находились, нас никогда и нигде не покидает скорбь о нашей родине, о России. Это естественно и неизбежно: эта скорбь не может и не должна нас покидать. Она есть проявление нашей живой любви к родине и нашей веры в нее.

Чтобы быть и бороться, стоять и победить, нам необходимо верить в то, что *не иссякли благие силы русского народа*, что не оскудели в нем Божии дары, что по-прежнему лишь на поверхности омраченное живет в нем его исконное боговосприятие, что это омрачение пройдет и духовные силы воскреснут. Те из нас, которые лишатся этой веры, утратят цель и смысл национальной борьбы и отпадут, как засохшие листья. *Они перестанут видеть Россию в Боге и любить её духом*; а это значит, что они её потеряют, выйдут из её духовного лона и перестанут быть русскими.

Быть русским значит не только говорить по-русски. Но значит — *воспринимать Россию сердцем, видеть любовью*

её драгоценную самобытность и её во всей вселенской истории *неповторимое своеобразие*, понимать, что это своеобразие есть *Дар Божий*, данный самим русским людям, и в то же время — указание Божие, имеющее оградить Россию от посягательства других народов и требовать для этого дара — свободы и самостоятельности на земле. Быть русским значит *созерцать Россию в Божьем луче*, в её вечной ткани, *её непреходящей субстанции и любовью принимать её* как одну из *главных и заветных святынь своей личной жизни*. Быть русским значит *верить в Россию так*, как верили в нее все русские великие люди, все её гении и её строители. Только на этой вере мы сможем утвердить нашу борьбу за нее и нашу победу. Может быть, и не прав Тютчев, что «в Россию можно только верить», ибо ведь и разуму можно многое сказать о России, и сила воображения должна увидеть её земное величие и её духовную красоту, и воле надлежит совершить и утвердить в России многое. Но и вера необходима: без веры в Россию нам и самим не прожить, и её не возродить.

Пусть не говорят нам, что Россия не есть предмет для веры, что верить подобает в Бога, а не в земные обстоятельства. Россия перед лицом Божиим, в Божьих дарах утвержденная и в Божьем луче узренная — есть именно предмет веры, но не веры слепой и противоразумной, а веры любящей, видящей и разумом обоснованной. Россия, как цепь исторических явлений и образов, есть, конечно, земное обстояние, подлежащее научному изучению. Но и самое это научное не должно останавливаться на внешней видимости фактов; оно должно проникать в их внутренний смысл, в духовное значение исторических явлений, к тому единому, что составляет дух русского народа и сущность России. Мы, русские люди, призваны не только знать историю своего отечества, но и видеть в ней *борьбу нашего народа за его самобытный духовный лик*.

Мы должны видеть наш народ не только в его мятущейся страстности, но и в его смиренной молитве; не только в его грехах и падениях, но и в его доброте, в его доблести,

в его подвигах; не только в его войнах, но и в сокровенном смысле этих войн. И особенно — в том скрытом от постороннего глаза *направлении его сердца и воли*, которым проникнута вся его история, весь его омолитвованный быт. Мы должны научиться *видеть Россию в Боге* — её сердце, её государственность, её историю. Мы должны по-новому — духовно и религиозно осмыслить всю историю русской культуры.

И, когда мы осмыслим её так, тогда нам откроется, что русский народ всю свою жизнь *предстоял Богу*, искал, домогался и подвизался, что он знал свои страсти и свои грехи, но всегда мерил себя Божьими мерилками; что через все его уклонения и падения, несмотря на них и вопреки им, душа его *всегда молилась и молитва* всегда составляла живое естество его духа.

Верить в Россию значит видеть и признавать, что душа её укоренена в Боге и что её история есть возрастание её от этих корней. Если мы в это верим, то никакие «провалы» на её пути, никакие испытания её сил не могут нас страшить. Естественна наша неутрачиваемая скорбь о её временном унижении и о мучениях, переносимых нашим народом; но естественно уныние или отчаяние.

Итак, душа русского народа всегда искала своих корней в Боге и в Его земных явлениях: *в правде, праведности и красоте*. Когда-то давно, может быть, еще в доисторические времена, был решен на Руси вопрос о правде и кривде, решен и запечатлен приговором в сказке.

«Надо жить по-Божьи... Что будет, то и будет, а кривдой жить не хочу»... И на этом решении Россия строилась и держалась в течение всей своей истории — от Киево-Печерской Лавры до описанных у Лескова «Праведников» и «Инженеров-Бессеребренников»; от Сергия Преподобного до унтер-офицера Фомы Данилова, замученного в 1875 году кипчаками за верность *вере и родине*; от князя Якова Долгорукова, прямившего стойкой правдой Петру Великому, до умученного большевиками исповедника — Митрополита Петербургского Венямина.

Россия есть прежде всего — *живой сонм русских правдолюбцев*, «прямых стоятелей», верных Божьей правде. Какую-то таинственной, могучей уверенностью они знали-ведали, что *видимость земной неудачи не должна смущать прямую и верную душу*; что делающий по-Божьи *побеждает одним своим деланием, строит Россию одним своим* (хотя бы и одиноким, и мученическим) стоянием. И тот из нас, кто хоть раз попытался объять взором сонм этих русских стоятелей, тот никогда не поверит западным разговорам о ничтожности славянства, и никогда не поколеблется в своей вере в Россию.

Россия держалась и строилась памятью о Боге и пребыванием в Его живом и благодатном дуновении. Вот почему, когда русский человек хочет образумить своего ближнего, он говорит ему: «Побойся Бога!» — а укоряя, произносит слова: «Бога в тебе нет!» Ибо имеющий Бога в себе носит в своей душе *живую любовь и живую совесть*: две благороднейшие основы всякого жизненного Служения, — священнического, гражданского и военного, судейского и царского. Это воззрение исконное, древнерусское; оно-то и нашло свое выражение в указе Петра Великого, начертанном на Зерцале: «Надлежит пред суд чинно поступать, понеже суд Божий есть, проклят всяк, творяй дело Божье с небрежением». Это воззрение выражал всегда и Суворов, выдвигая идею русского воина, сражающегося за дело Божье. На этом воззрении воспитывались целые поколения русских людей, — и тех, что сражались за Россию, и тех, что освобождали крестьян от крепостного права (на основах, не осуществленных нигде в мире, кроме России), и тех, что создавали русское земство, русский суд и русскую школу предреволюционного периода.

Здоровая государственность и здоровая армия невозможны без чувства собственного духовного достоинства, а русский человек утверждал его на вере в свою бессмертную, Богу предстоящую и Богом ведомую душу: вот откуда у русского человека то удивительное религиозно-эпическое и спокойное восприятие смерти — и на одре болезни,

и в сражении, которое было отмечено не раз в русской литературе, в особенности у Толстого и Тургенева.

Но здоровая государственность и здоровая армия невозможны и без верного чувства ранга. И прав был тот капитан у Достоевского, который ответил безбожнику: «Если Бога нет, то какой же я после этого капитан?» Творческая государственность требует еще *мудрости сердечной и вдохновенного созерцания*, или, по слову Митрополита Филарета, сказанному во время коронавания Императора Александра II — она требует, «наипаче таинственного осенения от Господня Духа владычного, Духа премудрости и ведения, Духа совета и крепости».

Этим духом и держалась Россия на протяжении всей своей истории, и отпадения её от этого духа всегда вели её к неисчислимым бедам. Поэтому верить в Россию, значит принимать эти глубокие и великие традиции, — *её воли к качеству, её своеобразия и служения*, укореняться в них и уверенно строить на них её возрождение.

И вот когда западные народы ставят нам вопрос, почему же мы так непоколебимо уверены в грядущем возрождении и восстановлении России, то мы отвечаем: потому что мы знаем историю России, которой вы не знаете, и живем её *духом*, который вам чужд и недоступен.

Мы утверждаем духовную силу и светлое будущее русского народа в силу многих оснований, из коих каждое имеет свой особый вес и кои все вместе ведут нас в глубину нашей веры и нашей верности.

Мы верим в русский народ не только потому, что он доказал свою способность к государственной организации и хозяйственной колонизации, политически и экономически объединив одну шестую часть земной поверхности; и не только потому, что он создал правопорядок для ста шестидесяти различных племен, — *разноязычных и разноверных меньшинств*, столетиями проявляя ту благодушную гибкость и миролюбивую уживчивость, перед которой с таким радостным чувством преклонился однажды Лермонтов («Герой нашего времени», глава I, «Бэла»); и не только потому,

что он доказал свою великую духовную и национальную живучесть, подняв и пересилив двухсотпятидесятилетнее иго татар; и не только потому, что он, незащищенный естественными границами, пройдя через века вооруженной борьбы, проведя в оборонительных войнах две трети своей жертвенной жизни, одолел все свои исторические бремена и дал к концу этого периода высший в Европе средний уровень рождаемости: 47 человек в год на каждую тысячу населения; и не только потому, что он создал могучий и самобытный язык, столь же способный к пластической выразительности, сколь к отвлеченному парению, — язык, о котором Гоголь сказал: «Что ни звук, то и подарок, и право, иное название еще драгоценнее самой вещи»... («Выбранные места из переписки с друзьями»);

и не только потому, что он, создавая свою особую национальную культуру, доказал — и свою силу творить новое, и свой талант претворять чужое, и свою волю к качеству и совершенству, и свою даровитость, выдвигая из всех сословий «собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов» (Ломоносов);

и не только потому, что он выработал на протяжении веков свое особое русское правосознание (русский предреволюционный суд, труды российского Сената, русская юриспруденция, сочетающая в себе христианский дух с утонченным чувством справедливости и неформальным созерцанием права);

и не только потому, что он создал прекрасное и самобытное искусство, вкус и мера, своеобразие и глубина которого доселе еще не оценены другими народами по достоинству — ни в хоровом пении, ни в музыке, ни в литературе, ни в живописи, ни в скульптуре, ни в архитектуре, ни в театре, ни в танце;

и еще не только потому, что русскому народу даны от Бога и от природы неисчерпаемые богатства, надземные и подземные, которые обеспечивают ему возможность, — в самом крайнем и худшем случае успешного вторжения западных европейцев в его пределы, — отойти в глубь своей

страны, найти там все необходимое для обороны и для возвращения отнятого расчленителями и отстоять свое место под Божьим солнцем, свое национальное единство и независимость...

Мы верим в Россию не только по всем этим основаниям, но, конечно, мы находим опору и в них. За ними и через них сияет нам нечто большее: *народ с такими дарами и с такой судьбой, выстрадавший и создавший такое, не может быть покинут Богом в трагический час своей истории*. Он в действительности и не покинут Богом, уже в силу одного того, что душа его искони укоренялась и укоренилась в молитвенном созерцании, в искании горнего, в служении высшему смыслу жизни. И если временно омрачилось око его, и если единожды поколебалась его сила, отличающая верное от соблазна, — то страдания очистят его взор и укрепят в нем его духовную мощь...

Мы верим в Россию потому, что созерцаем её в *Боге* и видим её такую, какой она была *на самом деле*. Не имея этой опоры, она не подняла бы своей суровой судьбы. Не имея этого живого источника, она не создала бы своей культуры. Не имея этого дара, она не получила бы и этого призвания. Знаем и разумеем, что для личной жизни человека — 25 лет есть срок долгий и тягостный. Но в жизни целого народа с тысячелетним прошлым этот срок «выпадения» или «провала» не имеет решающего значения: история свидетельствует о том, что на такие испытания и потрясения народы отвечают *возвращением к своей духовной субстанции, восстановлением своего духовного акта, новым расцветом своих сил*. Так будет и с русским народом. Пережитые испытания пробудят и укрепят его инстинкт самосохранения. Гонения на веру очистят его духовное око и его религиозность. Изжившиеся запасы зависти, злобы и раздорливости отойдут в прошлое. И восстанет новая Россия.

Мы верим в это не потому, что желаем этого, но потому, что знаем русскую душу, видим путь, пройденный нашим народом, и, говоря о России, мысленно обращаемся

к Божьему замыслу, положенному в основание русской истории, русского национального бытия.

Основная задача грядущей России

Нам не надо предвидеть грядущего хода событий. Мы не знаем, когда и в каком порядке будет прекращена коммунистическая революция в России. Но мы знаем и понимаем, в чем будет состоять основная задача русского национального спасения и строительства после революции: она будет состоять в *выделении кверху лучших людей*, — людей, преданных России, национально чувствующих, государственно мыслящих, волевых, идейно творческих, несущих народу не месть и не распад, а дух освобождения, справедливости и сверхклассового единения. Если отбор этих *новых русских людей* удастся и совершится быстро, то Россия восстановится и возродится в течение нескольких лет; если же нет — то Россия перейдет из революционных бедствий в долгий период послереволюционной деморализации, всяческого распада и международной зависимости.

Всякое государство организуется и строится своим *ведущим слоем*, живым отбором своих правящих сил. Всегда и всюду *правит меньшинство*: в самой полной и последовательной демократии — большинство не правит, а только *выделяет* свою «элиту» и дает ей общие, направляющие *указания*. И вот судьбы государств определяются *качеством ведущего слоя*: успехи государства суть его успехи; политические неудачи и беды и беды народа свидетельствуют о его неудовлетворительности или прямо о его несостоятельности, — может быть о его безволии, безыдейности, близорукости, а может быть, о его порочности и продажности. Такова судьба всех народов: они расплачиваются унижениями и страданиями за недостатки своего ведущего слоя. Однако эти унижения и страдания являются не только тягостными последствиями совершенных ошибок или преступлений; они являются в то же время *подготовкой будущего, школой для новой элиты*; они длятся лишь до тех пор, пока эта новая

национальная элита не окрепнет религиозно, нравственно и государственно. В этом — смысл исторических провалов, подобных русской коммунистической революции: в страданиях рождается и закаляется *новый дух*, который в дальнейшем поведет страну.

Это зарождение и закаление нового духа происходит ныне в России вот уже тридцать с лишним лет. Оно совершается негласно, в подспудном молчании. Мы можем быть твердо уверены, что русские сердца не разлюбили Россию и не разучились верить, но научились *верно видеть зло и злобу*, научились *ценить свою историю*, научились и еще учатся *келейной молитве* и зрелым *волевым решениям*. Этот процесс начался еще в первые годы революции, и многие из нас участвовали в нем и наблюдали его. Ныне русскому народу, как еще никогда ни одному другому, дана была в историческом опыте *злая государственная власть*, — дана была очевидность лжи, пошлости и насилия, жестокости и порабощения. И все это — при длительной неосуществимости протеста, при невозможности достойно ответить на недостойное и возмутительное. Это скопление злого опыта, это нарастание негодования и страха — ставило всякую живую душу перед выбором: или согнуться, приспособиться и примириться с происходящим, стать «ловчилой» и заглушить в себе веру и совесть; или же выработать защитную маску условной «лояльности» и *уйти в духовную катакомбу*. В этой духовной катакомбе люди научились сосредоточиваться на главном и пренебрегать неглавным в жизни: они научились зажигать незримую врагам лампаду и творить при её свете новую подспудную культуру; они научились *молиться по-новому* и *любить по-новому* и внутренне, беззвучным шепотом, произносить клятвы служения и верности. Они духовно обновлялись.

В первые годы большинство русских людей колебалось между этими двумя возможностями: между духовным разложением и обновлением. Но некоторое, не поддающееся учету меньшинство вступило на этот путь сразу. Возможно, что немногие из них пережили эти мучительные

десятилетия, и что немногие доживут до возрождения России. Но они могут быть уверены в том, что ни одно усилие их, ни один вздох не пропали бесплодно. Задача их состояла в том, чтобы заткать немедленно — во всем этом крушении и вопреки всему этому распаду — *ткань новой России* и постепенно *вовлекать в эту ткань все новых и новых людей*. Они могли быть уверены, что данная русскому народу *очевидность зла* будет непрестанно пополнять их ряды, медленно, но верно увеличивая число обновляющихся. В этом был смысл того исповедничества и мученичества, на которое шли с самого начала лучшие люди России, принимавшие гонение, аресты, суд, ссылку, медленное умирание и расстрел. Они понимали, что они *призваны* противостоять и стоять до конца; что одним своим с виду обреченным и безнадежным «стоянием» они делают *главное и необходимое*: служат той России, в которую надо верить, которая ныне выстрадывает себе духовную свободу и, не поддаваясь соблазнам, ищет христианского братства и справедливости. Так священномученики строили Православную Церковь, а политические герои — гражданственную природу России (См. *предсмертное письмо расстрелянного большевиками Митрополита Петербургского Вениамина* (цитировано у Митрополита Анастасия в Сборнике избранных сочинений, 1948, «Похвальное слово новым священномученикам Русской Церкви»). См. также в трудах Протопресвитера Михаила Польского: «Положение Церкви в Советской России» и «Новые мученики российские» (прим. составителей первого издания этой книги).

Они совершили свое дело и достигли многого. И если мы читаем в советских газетах признания, что в высшие учебные заведения «пошла верующая молодежь», что в советской России священники «увлекают наиболее живые умы» и что «нынешние верующие совсем другие люди по сравнению с тем, что представляли они собою в начале революции»; если мы видим, что половина российского населения, несмотря на двадцатилетние гонения, открыто причислила себя по переписи к верующим, — то мы должны воздать должное подвигу русского

героического меньшинства. Отсюда пойдет возрождение России, ибо здесь скрыт *живой источник нового качества*.

Причины русской революции многосложны и глубоки; о них будут написаны впоследствии целые исследования. Но если перевести их язык *духовного качества*, то можно сказать следующее.

Россия перед революцией оскудела не духовностью и не добротой, а силою *духа* и добра. В России было множество хороших и добрых людей; но хорошим людям не хватало *характера*, а у добрых людей было мало *воли и решимости*. В России было немало людей чести и честности; но они были рассеяны, не спаяны друг с другом, *не организованы*. Духовная культура в России росла и множилась: крепла наука, цвели искусства, намечалось и зрело обновление Церкви. Но не было во всем этом *действенной силы, верной идеи*, уверенного и зрелого самосознания, собранной силы; не хватало *национального воспитания и характера*. Было много юношеского брожения и неопределенных соблазнов; недоставало *зрелой предметности и энергии в самоутверждении*. Этому соответствовало и состояние русского народного хозяйства — бурно росшего, но не нашедшего еще ни зрелых форм, ни организованности, ни настоящего проникновения в толщу естественных богатств. Собственное крестьянство только начинало крепнуть; промышленная предприимчивость имела перед собою непечатые возможности; помещичье хозяйство еще не изболело своих недугов — экстенсивности и дворянского дилетантизма; рабочие еще не нашли своего национального места и самосознания. Средний слой еще не окреп в своей государственной идее и воле; и зараза сентиментального социализма и непротивленчества еще не была побеждена. *Незрелость и рыхлость национального характера соответствовала незрелости и рыхлости народного хозяйства*.

Этой своеобразной беспочвенности и рыхлости здоровых сил народа противостоял *неизжитый запас больных и разрушительных сил*. В крестьянстве бродило еще памятозлобие крепостного права и вековая мечта земельного

передела и анархии; аграрная перенаселенность общины дразнила народ безвыходностью и поддерживала иллюзию количественно неисчерпаемого земельного фонда; остатки крестьянского неравноправия и неполноправия довершали это настроение. Брожение рабочего пролетариата питалось и крестьянским недовольством, и классовым положением рабочих, и утопически-революционной пропагандой социализма. Обилие темпераментных национальных меньшинств, руководимых своєю честолюбивой полуинтеллигенцией, создавало целый кадр центробежно настроенных «деятелей». Эти «деятели», с их радикально-революционными симпатиями, вливались во всероссийский резервуар фрондирующей интеллигенции и неустроенной, вечно недовольной, бродящей полуинтеллигенции; и все это вместе в высшей степени *затрудняло качественный отбор государственной элиты*. За девятнадцатый век слагалась и крепла болезненная традиция революционной фронды; считалось, что «порядочный» человек должен быть настроен радикально и непримиримо; он должен порицать и отрицать все, что исходит от Императорского правительства; он должен если не прямо быть социалистом, то «сочувствовать» и закулисно «помогать» социалистическим партиям. Эта традиция в течение целого века работала над *изоляцией и компрометированием* русского Императорского правительства, предполагая в русском народе выдающиеся демократически-республиканские дарования и выдавая социализм за вернейший критерий демократичности.

Дореволюционная Россия держалась и строилась не этими центробежными силами, а *вопреки* этим последним. Необходимый отбор ведущего слоя, правящего чиновничества и культурной общественности совершался, несмотря на все затруднения, несмотря на изолирующую пропаганду и на террор революционных партий.

Идейные и честные люди пополняли кадры русской армии, русского флота и русского чиновничества. Не скудела Академия Генерального Штаба. На исключительной высоте стоял правительствующий Сенат, кассационные решения

которого содержат целый клад юридической мудрости и справедливости. Россия имела основания гордиться своим судом, своими финансами, своею наукою, своим искусством и своими театрами. Она имела первоклассную дипломатию, превосходную военную разведку и опытный, преданный своему делу кадр народных учителей. А когда П. А. Столыпин взялся за дело разверстания сельской общины и за переселение, то ему удалось отобрать такой кадр чиновников, о качестве которого не могло быть двух мнений.

Наряду с этим Россия выдвинула драгоценный слой нечиновной общественности; идейных и опытных деятелей земского и городского самоуправления, превосходный кадр врачей национально-русской интуитивной школы, идейную и гуманную адвокатуру, даровитое купечество с традициями и с размахом, кадр энергичных кооператоров и агрономов. Все это строило Россию, постепенно освобождаясь (силою вещей, ходом жизненного дела, реализмом предметных задач) от мечтательного брожения и вращаясь в механизм государства. Россия нуждалась больше всего в *мире и в завершенности столыпинской реформы*; она нуждалась меньше всего в *революции и в социализме*. Судьба судила ей иное: она послала ей неподготовленную и неудачную войну, социалистическую кровавую революцию и планомерное разрушение почти всей её исторически выстраданной культуры. Вскрылись исторические рубцы и заживающие шрамы, души заболели ненавистью и местью, замутились до самого дна, и поднявшееся социальное дно поглотило свою собственную, русскую национальную элиту.

Разразившаяся коммунистическая революция не только разрушала прежнее государство, прежнее хозяйство и прежнюю культуру в России, но стремилась прежде всего *смести прежний ведущий слой* и поставить на его место *новый*.

Первая, отрицательная задача не представляла особых затруднений: сместить, уволить, лишить имущества и жилища, обречь на голод и холод, арестовать, сослать, расстрелять — все это разрушительное дело требовало только

решительности и жестокости. Но разрешение положительной задачи — *создание нового ведущего слоя* — не могло удасться революционерам. Здесь мы наталкиваемся на одно из основных внутренних противоречий революции.

Революция с самого начала обращалась не к лучшим, государственно-зидательным силам народа, а к *разрушительным и разнузданным* элементам его. Она привлекла к себе не честных, верных, патриотически настроенных людей, привыкших к дисциплине и ответственности, а безответственных, деморализованных, беспринципных, карьеристов, интернационалистов, грабителей, дезертиров, авантюристов. Это есть просто неоспоримый исторический факт. Ей нужны были люди дурные и жестокие, способные разлагать армию, захватывать чужое имущество, доносить и убивать. Наряду с этим она обращалась к людям невежественным и наивным, которые готовы были верить в немедленное революционно-социалистическое переустройство России.

И вот никакой государственный режим, тем более «творчески обновляющий» режим, не может быть построен *такими* людьми и на *таких* порочных основаниях. *Привычный нарушитель, сделавший себе из правонарушения политическую профессию, останется правонарушителем и после того, как ему прикажут строить новую жизнь.* Революция дала народу «право на бесчестие» (Достоевский), и, соблазнив его этим «правом», она начала свой отбор, делая ставку на «бесчестие». Этим она расшатала народное правосознание, смешала «разрешенное» и «запретное», перепутала «мое» и «твое», отменила все правовые межи и подорвала все социальные и культурные сдержки. Какой же «ведущий слой» мог отобраться по этим признакам и в этой атмосфере?

Пришли новые люди — презирающие законность, отрицающие права личности, жаждущие захватного обогащения, лишенные знания, опыта и умений; полуграмотные выдвигенцы, государственно неумелые «нелегалы» (выражение Ленина), приспособившиеся к коммунистам преступники. Революция узаконила уголовщину и тем самым обрела себя на неудачу. Революция превратила разбойника

в чиновника и заставила свое чиновничество править разбойными приемами. Вследствие этого политика пропиталась преступностью, а преступность огосударствилась.

Шли годы. На этих основах сложилось и окрепло *новое коммунистическое чиновничество*: запуганное и раболепно-льстивое перед лицом власти; пронирыливое, жадное и вороватое в делах службы; произвольное и беспощадное в отношении к подчиненным и к народу; во всем трепещущее, шкурное, пролганное; привыкшее к политическому доносу и отвыкшее от собственного, предметного и ответственного суждения; готовое вести свою страну по приказу сверху — на вымирание и на гибель. И все неудачи революции объясняются не только противоестественностью её программы и её планов, но и *несостоятельностью отобранного ею слоя.*

* * *

Когда крушение коммунистического строя станет совершившимся фактом и настоящая Россия начнет возрождаться, — русский народ увидит себя без *ведущего слоя.* Конечно, место этого слоя будет временно занято усидевшими и преходящими людьми, но присутствие их не разрешит вопроса. Прежняя, дореволюционная элита распалась, погибла или переделалась; и то, что от нее сохранится, будет лишь скудным, хотя и драгоценным остатком былого национально-исторического достояния. А революционный отбор должен будет отчасти совсем отпасть ввиду своей несостоятельности и несправимости; отчасти же измениться к лучшему как бы на ходу. То, в чем Россия будет нуждаться прежде всего и больше всего, — будет *новый ведущий слой.*

Эта новая элита, *новая русская национальная интеллигенция* — должна извлечь все необходимые уроки из всероссийского революционного крушения. Мало того, она должна осмыслить русское историческое прошлое и извлечь из него заложенный в нем «разум истории». А история учит нас многому.

1. Прежде всего ведущий слой не есть *ни замкнутая «каста», ни наследственное или потомственное «сословие».*

По составу своему он есть нечто живое, подвижное, всегда пополняющееся *новыми, способными людьми* и всегда готовое освободить себя от неспособных. Это есть старое и здоровое русское воззрение. Его выдвинул еще Иоанн Грозный, осознавший необходимость нового отбора, но трагически исказивший и погубивший его в «опричнине». К этому воззрению вернулся Петр Великий, выдвинувший на первые и не первые места государства новых людей, начиная от Меншикова и Лефорта, Шафировова и Ягужинского и кончая своими, командированными за границу учениками. С тех пор эта традиция дала России Ломоносова и целые плеяды славных ученых; гениального скульптора Федота Шубина и длинный ряд славных художников из народа; ряд блестящих деятелей екатерининской эпохи — Сперанского, Скобелева, Витте, Губонина, Савву Мамонтова, Третьякова, Лавра Корнилова и его сподвижников.

Здесь есть некое общее правило: человека чести и ума, таланта и сердца — не спрашивают о его «предках», ибо *он сам есть «предок» для грядущего потомства*. Качественный, духовный заряд, присущий человеку, выдвигает его на первые места, независимо от его родословной. Потомственная традиция честности, храбрости и служения есть великая вещь, но она не может сделать глупца — умным, а безвольного человека — призванным организатором жизни. Мы все — от правителя до простого обывателя — *должны научиться узнавать людей качественно-духовного заряда и всячески выдвигать их*, «раздвигаясь» для них; только так мы сможем верно пополнять нашу национальную элиту во всех областях жизни. Это требование есть не «демократическое», как принято думать, а *нравственно-патриотическое и национально-государственное*. Только так мы воссоздаем Россию: дорогу честности, уму и таланту!..

2. Принадлежность к ведущему слою — начиная от министра и кончая мировым судьей, начиная от епископа и кончая офицером, начиная от профессора и кончая народным учителем, — *есть не привилегия, а несение трудной и ответственной обязанности*. Это не есть ни «легкая

и веселая жизнь», ни «почивание на лаврах». Темному, необразованному человеку прощительно думать, будто «настоящая» работа есть именно телесная, и только телесная, а всякий душевно-духовный труд есть «притворство» и «тунеядство»; но человек духовного или интеллектуального труда не имеет права поддаваться этому воззрению. В свое время ему поддались русские народники; перед ним склонился Л. Н. Толстой, надсмеявшийся над духовным трудом в своей революционно-демагогической сказке «Об Иване-дураке». Призыв Толстого к «опрощению» был не только протестом против излишней роскоши (что было бы естественно), но и отрицанием всякого «не-физического» труда. Это воззрение заразило постепенно широкие круги интеллигенции. «Кающийся барин» не сумел найти меру для своего «покаяния», он не только стал корить себя за недостаточную склонность к братской справедливости, но заразился культурным нигилизмом в вопросах права, государства, собственности, науки и искусства. Этим была в значительной мере подготовлена большевицкая революция с её уравнительством в вопросах жилища, питания, одежды, образования и имущества: «уравнивать» и «упрощать» — значит *снижать уровень и подрывать культуру*.

Вести свой народ есть *не привилегия, а обязанность* лучших людей страны. Эта обязанность требует от человека не только особых природных качеств, подготовки и образования, но и особого рода жизни в смысле досуга, жилища, питания и одежды. Это люди *иной душевной и нервной организации*, люди духовной сосредоточенности, люди иных потребностей и вкусов, иного *жизненного напряжения и ритма*. Мыслителю и артисту нужна тишина. Ученому и судье необходима библиотека. Чиновник должен быть обеспечен и независим от управляемых обывателей и т. д. Если это — «привилегия», то привилегия, вознаграждающая за высший труд и обязывающая к качественному служению. Этой «привилегии» нечего стыдиться; её надо принимать с достоинством и ответственностью, не позволяя предрассудку и зависти вливать в душу свою отраву.

Ранг в жизни *необходим и неизбежен*. Он обосновывается качеством и покрывается трудом и ответственностью. Рангу должна соответствовать *строгость к себе* у того, кто выше, и *беззавистная почтительность* у того, кто ниже. Только этим *верным чувством ранга* воссоздадим Россию. Конец зависти! Дорогу качеству и ответственности!

3. Вместе с тем в России должна быть искоренена дурная традиция *«кормления»*, т. е. *частного наживания на публичной должности*. Государственный чиновник, так же как и служащий земского или городского самоуправления, должен довольствоваться получаемым им окладом (жалованием) и не пополнять его никакими «прибытками» или «поборами» с обслуживаемого им населения. Время, когда государственный центр раздавал должности на «кормление», — время удельно-феодалное и, далее, сословно-крепостное — прошло безвозвратно. Воевода, живущий поборами («земля любит навоз, а воевода принос»); судья, торгующий приговором и презирующий закон («хочу по нем сужу, хочу — на нем сижу»), чиновник взяточник и растратчик («казна — шатущая корова, не доит её один ленивый») — все эти больные и кривые явления русской истории были в небывалом размере воскрешены русской революцией и должны окончательно угаснуть вместе с нею. Революционная всепродажность; революционная растрата; повальное революционное хищение — объясняются тем *изъятием собственности* и тем *хозяйственно-бюрократическим бедламом*, которые осуществлялись самой революцией: люди, ограбленные ею, возвращали себе отнятое всюду, где могли, и не считали такое «самовознаграждение» зазорным. Психологически — это понятно; но по существу — это есть деморализация и расхищение государства.

Публичные должности, от самой малой до самой большой, должны давать человеку *удовлетворяющее его вознаграждение* и должны переживаться им не как «кормление», а как *служение*. Человек, не удовлетворяющийся законным жалованием, не имеет права брать соответствующую должность. Человек, взявший публичную должность, не имеет

права пользоваться ею для частной наживы. Конец взятке, растрате и всякой продажности!.. Только этим возродим Россию.

4. Далее, одна из основных опасностей ведущего слоя состоит в *слишком высокой оценке государственной власти*, её значения и призвания. Государственная власть имеет свои пределы, обозначаемые именно тем, что она есть *власть, извне подходящая к человеку*, предписывающая и воспрещающая ему *независимо от его согласия или несогласия* и угрожающая ему наказанием. Это означает, что все творческие состояния души и духа, предполагающие любовь, свободу и добрую волю, *не подлежат ведению государственной власти* и не могут ею предписываться. Государство не может требовать от граждан веры, молитвы, любви, доброты и убеждений. Оно не смеет регулировать научное, религиозное и художественное творчество. Оно не может предписывать доказательства чувств или воззрений. Оно не должно вторгаться в нравственный, семейный и повседневный быт. Оно не должно без крайней надобности стеснять хозяйственную инициативу и хозяйственное творчество людей.

Ведущий слой призван вести, а не гнать, не запугивать, не порабощать людей. Он призван *читать и поощрять свободное творчество ведомого народа*. Он не командует (за исключением армии), а организует, и притом лишь в пределах общего и публичного интереса. Вести можно только свободных; погонщики нужны только скоту; надсмотрщики нужны только рабам. Лучший способ вести есть живой пример. Авантюристы, карьеристы и хищники не могут вести свой народ; а если поведут, то приведут только в яму. Государственное водительство имеет свои пределы, которые определяются, во-первых, *достоинством и свободой личного духа*, во-вторых, *самодеятельностью творческого инстинкта человека*. Конец террору как системе правления!.. Конец тоталитарному всеведению и всеприсутствию!.. России нужна *власть, верно блюдущая свою меру*.

5. К этому необходимо добавить, что новый русский отбор должен строить Россию *не произволом, а правом*. Будут

законы и правительственные распоряжения. Эти законы должны соблюдаться и исполняться *самими чиновниками*, ибо чиновник есть первый, кого закон связывает. Представление о том, что этот закон вяжет обывателя и разнуздывает произвол правителя, много раз осужденное в русских народных пословицах, но возрожденное советской революцией, должно отпасть навсегда. Закон связывает всех: и Государя, и министра, и полицейских, и судью, и рядового гражданина. От закона есть только одно «отступление»: *по совести, в сторону справедливости, с принятием на себя всей ответственности*. Формально-буквенное, педантически-мертвенное применение закона есть не законность, а карикатура на нее. «Крайняя законность» никогда не должна превращаться в «крайнюю несправедливость». Или по русским пословицам: «Не всякий прут по закону гнут»; а «милость творить — с Богом говорить».

Это означает, что всякое применение закона требует беспристрастного жизненного наблюдения (интуиция факта) и беспристрастного решающего усмотрения (интуиция права). Мало закона. Надо видеть живое событие. И далее, надо видеть сквозь закон: 1. Намерение законодателя и 2. Высшую цель права (свобода, мир, справедливость). Поэтому всякое применение закона предполагает в душе применяющего чиновника — *живое творческое правосознание* (правовое *разумение* и правовую *совесть*). И вот в этой сфере не должно быть места никакой *корысти*, никакой *кривизне* или, как выражала это русская летопись, — никакому «воровству» и «малодушию»: ни взятке, ни косвенной личной выгоде, ни классовому интересу, ни родству, ни льстивому прислуживанию, ни потачке, ни укрывательству, — словом, ничему тому, от чего стонала дореформенная Россия, с чем так успешно боролся пореформенный (после 1864 г.) правопорядок и что расцвело цветами позора и скандала в эпоху революции.

Грядущей России нужен не произвол, не самодурство и не административная продажность, а *правопорядок, утверждаемый живым и неподкупным правосознанием*.

Правило этого правосознания выражено в старом русском поэтическом присловье:

Чтобы твоим судом другим не сделать лиха,
О деле рассуждай, когда в тебе всё тихо,
И то — с молитвою всегда,
Чтоб просветлил тебя Господь... А то беда:
Без умысла невинного придавишь
И после дела не поправишь...

6. Далее, новая русская элита в деле правления должна *блюсти и крепить авторитет государственной власти*. Невозможно строить правопорядок без этого авторитета. Он пошатнулся еще при Императорском правительстве; он был расшатан и подорван при Временном правительстве; он был опять восстановлен, правда в формах противоположных, свирепых и унижительных, советскою властью. Новый русский отбор призван укоренить авторитет государства на совсем иных, благородных и правовых основаниях: на основе религиозного созерцания и уважения к духовной свободе; на основе братского правосознания и патриотического чувства; на основе достоинства власти, её силы и всеобщего доверия к ней. Необходимо помнить, что этот авторитет есть всенародное, исторически накапливающееся достояние. Он слагается из поколения в поколение; он живет в душах незримо, но определяюще; он призван служить орудием национального спасения. Революция сначала расшатала, а потом скомпрометировала его кровью, партийно-классовым режимом и тоталитарностью коммунистического строя. И вот борьба за грядущую Россию окажется борьбой за *новый авторитет новой национально-русской власти*, ибо безавторитетная власть не оборонит и не возродит Россию.

7. Все эти требования и условия будут, однако, несовершенны и неопределяющи, если не будет соблюдено последнее. Новый русский отбор *должен быть одушевлен творческой национальной идеей*.

Безыдейная интеллигенция не нужна народу и государству и не может вести его... Да и куда она приведет его, сама

блуждая в темноте и в неопределенности? Но прежние идеи русской интеллигенции были ошибочны и сгорели в огне революций и войн. Ни идея «народничества», ни идея «демократии», ни идея «социализма», ни идея «империализма», ни идея «тоталитарности» — ни одна из них не вдохновит новую русскую интеллигенцию и не поведет Россию к добру. Нужна, *новая идея* — *религиозная* по истоку и *национальная* по духовному смыслу. Только такая идея может возродить и воссоздать грядущую Россию.

О русском национализме II.

Что такое есть национализм? Национализм есть *любовь* к историческому облику и творческому акту своего народа во всем его своеобразии. Национализм есть *вера* в инстинктивную и духовную силу своего народа, вера в его духовное призвание. Национализм есть *воля* к тому, чтобы мой народ творчески и свободно цвел в Божием саду. Национализм есть *созерцание* своего народа перед лицом Божиим, созерцание его души, его недостатков, его талантов, его исторической проблематики, его опасностей и его соблазнов. Национализм есть *система поступков*, вытекающих из этой любви, из этой веры, из этой воли и из этого созерцания.

Вот почему национальное чувство есть *духовный огонь*, ведущий человека к *служению и жертвам*, а народ — к *духовному расцвету*. Это есть некий восторг (любимое выражение Суворова!) от созерцания своего народа в плане Божием и в дарах Его Благодати. Это есть *благодарение* Богу за эти дары, но в то же время и *скорбь* о своем народе и *стыд* за него, если он оказывается не на высоте этих даров. В национальном чувстве скрыт источник *достоинства*, которое Карамзин обозначил когда-то как «народную гордость» и источник *единения*, которое спасло Россию во все трудные часы её истории, и источник *государственного правосознания*, связующего «всех нас» в живое государственное единство.

Национализм испытывает, исповедует и отстаивает жизнь своего народа как *драгоценную духовную самосиянность*. Он принимает дары и создания своего народа как свою собственную духовную *почву*, как *отправной пункт* своего собственного творчества. И он прав в этом. Ибо творческий акт не изобретается каждым человеком для себя, но выстрадывается и вынашивается *целым народом* на протяжении веков. Душевный уклад труда и быта и духовный уклад любви и созерцания, молитвы и познания, при всем его *личном своеобразии* имеет еще и национальную природу, *национальную однородность* и *национальное своеобразие*. Согласно общему социально-психологическому закону, подобие единит людей, общение усиливает это подобие и радость быть понятым раскрывает души и углубляет общение. Вот почему национальный творческий акт роднит людей между собой и пробуждает в них желание раскрыться, высказаться, отдать «свое заветное» и найти отклик в других. Творческий человек творит всегда от лица своего народа и обращается прежде всего и больше всего к своему народу. Народность есть как бы *климат души* и *почва духа*; а национализм есть верная, естественная тяга к *своему климату* и к *своей почве*.

Не случайно русская сердечность и простота обхождения всегда сжимались и страдали от черствости, чопорности и искусственной натянутости Запада. Не случайно и то, что русская созерцательность и искренность никогда не ценились европейским рассудком и американской деловитостью. С каким трудом европеец улавливает особенности нашего правосознания — его неформальность, его свободу от мертвого законничества, его живую тягу к живой справедливости и в то же время его наивную недисциплинированность в бытовых основах и его тягу к анархии. С каким трудом прислушивается он к нашей музыке — к её естественно льющейся и не исчерпывающей мелодии, к её дерзновенным ритмам, к ни на что не похожим тональностям и гармониям русской народной песни... Как чужда ему наша не рассудочная, созерцательная наука... А русская живопись, — чудеснейшая и значительнейшая,

наряду с итальянской, — доселе еще «не открыта» и не признана снобствующим европейцем... Все прекрасное, что было доселе создано русским народом, исходило из его *национального духовного акта* и представлялось *чуждым Западу*.

А между тем создать нечто прекрасное, совершенное для *всех* народов — может только тот, кто утвердился в творческом акте *своего* народа. «Мировой гений» есть всегда и прежде всего — «*национальный гений*», и всякая попытка создать нечто великое из денационализированной или «интернациональной» души дает в лучшем случае только мнимую, «экранную знаменитость». Истинное величие всегда почвенно. Подлинный гений всегда национален, и он знает это сам о себе.

И если пророки не принимаются в своем отечестве, то не потому, что они творят из какого-то «сверхнационального» акта, а потому, что они *углубляют* творческий акт своего народа до того уровня, до той глубины, которая еще не доступна их единоплеменным современникам. Пророк и гений — *национальнее своего поколения* в высшем и лучшем значении этого слова. Пребывая в своеобразии своего народа, они осуществляют *национальный акт* классической глубины и *зрелости* и тем показывают своему народу его подлинную силу, его призвание и грядущие пути.

Итак, национализм есть здоровое и оправданное настроение души. То, что национализм любит и чему он служит, — в самом деле достойно любви, борьбы и жертв. И грядущая Россия будет *национальной Россией*.

Из подраздела 113. Опасности и задания русского национализма (I)

Все то, что я высказал в оправдание и обоснование национализма, заставляет меня договорить и признать, что есть больные и извращенные формы национального чувства и национальной политики. Эти извращенные формы могут быть сведены к двум главным типам: в первом случае национальное чувство *прилепляется к неглавному* в жизни и культуре своего народа; во втором случае оно *превращает утверждение своей культуры в отрицание чужой*.

Сочетание и сплетение этих ошибок может порождать самые различные виды больного национализма.

Из книги «О сопротивлении злу силою» (из гл. ОБЩИЕ ОСНОВЫ) (Текст по изданию: Ильин И. А. Собрание сочинений. Тт. 1–25 (в 33 книгах) / Составитель Ю. Т. Лисица. М., 1992–2021. Т. 5. — М.: Русская книга, 1996. С. 124–133)

Вопрос о допустимости внешнего понуждения и пресечения ставится правильно только тогда, если он ставится *от лица живого добра*, исторически борющегося в истории человечества с *живою стихиею зла*. Допустимо ли, чтобы в этой борьбе представители подлинного живого добра психически понуждали слабых людей и физически понуждали и пресекали деятельность злых, воздействуя на их злодействующие души и злотворящие тела, и если допустимо, то в каких пределах, при каких условиях и в каких формах? Самая сущность этого вопроса уже предрешает и предусматривает источник, направление и цель этого воздействия: оно должно проистекать из подлинной *воли к добру*; оно должно быть направлено само и направлять принуждаемого *к подлинному добру*; оно должно иметь целью *укрепление и осуществление добра* в душах. Это необходимый уровень исследования, ниже которого весь вопрос утрачивает свой философский интерес и свое жизненное значение, ибо не стоит спрашивать о том, что именно позволительно злодею, желающему злодейски подвигнуть чужую душу к злодеяниям: ему *ничто* не позволительно; он это знает, и потому, не спрашивая, сам позволяет себе *все*. Весь вопрос ставится *не* от лица злодея, а от лица того, кто любит добро и целно, искренно служит ему.

Но именно поэтому бессмысленны и духовно мертвы все и всякие попытки отвлечь этот вопрос от вопрошающего субъекта, от его заданий и намерений, — попытки формально «уравнять» добро и зло, благородного борца и злодея в обсуждении их «прав» на понуждение и пресечение. Эти попытки, обычно исходящие (помимо сентиментальных людей) от трусливых индифферентов, нигилистов

или бесстыдных софистов, сводятся к отрешению *способа воздействия* от его душевного источника, от его *направления* и его *цели*, и далее, к «осуждению» этого способа как такового. «Не все ли равно, *кто* угрожает, *чем*, *кому* и *во имя чего*, — если угроза налицо? Угрожать при всех условиях негуманно». Или иначе: «Не все ли равно, *кто* заключает в тюрьму и казнит, *кого* и *во имя чего*, — если заключение и казнь налицо? Гуманность не мирится с тюрьмами и казнями». При этом обычно подобные утверждения произносятся тоном, не допускающим возражений, так, как если бы дело сводилось к провозглашению некой непререкаемой моральной аксиомы, побеждающей уже одною своею произнесенностью. На самом же деле эта мнимая аксиома является порождением не живого духовного и нравственного опыта, а в лучшем случае — невежественного рассудка, пытающегося морально расценивать *внешнее* как таковое по его *формально-отвлеченным* признакам как таковым. Добро и зло в действительности *не* равноценны и *не* равноправны; и точно так же *не* равноценны и *не* равноправны их живые носители, осуществители и слуги. Называть того, кто пресекает злодейство, «насильником» — можно только от слепоты или от лицемерия; осуждать «наравне» казнь злодея и убийство праведного мученика — можно только от лицемерия или от слепоты. Только для лицемера или слепца равноправны Георгий Победоносец и закалаемый им дракон; только лицемер или слепец может при виде этого подвига «держать нейтралитет» и взывать к «гуманности», ограждая себя и выжидая.

Именно *природою самого добра* определяется и *вопрос* о допустимости физического понуждения и пресечения, и *ответ* на него, ибо живое добро (живущее в своих носителях, осуществителях и слугах) есть подлинный источник, направление и цель понуждения и пресечения, направленного против злодеев.

По самой природе своей добро и зло имеют душевно-духовную природу, и «местонахождением» их является человеческая душа. Поэтому *борьба со злом* есть процесс

душевно-духовный; побеждает зло тот, кто превращает его в добро, т. е. из глубины преображает духовную слепоту в духовную зрячесть, а силу каменеющей ненависти в благодатность приемлющей любви. В этом основная сущность борьбы со злом и победы над ним, и поэтому всякая мера, направленная против зла, должна в конечном счете служить именно этой цели, получая от нее смысл и значение. Вот почему физическое понуждение и пресечение никогда не были и не будут самодовлеющим средством в этой борьбе: тот, кто, лишая злодея свободы или жизни, думает, что в этом «главное» и что большего и не нужно, — тот не понимает ни природы добра и зла, ни борьбы с ними; он не видит ничего, кроме внешних симптомов болезни, и направляет свою энергию мимо самого недуга; и деятельность его при своей поверхностной полезности может оказаться вредною по существу. Физическое понуждение и пресечение приобретают все свое значение лишь в системе верно направленного социального воспитания, *соблюдающего законы духа и любви.*

Далее, добро и зло, являясь, по существу, душевно-духовными величинами, живут в человеке и осуществляются именно человеком, а потому вступают через него в мир тела и материи. Понятно, что если бы человек был существом чисто духовным и вполне бестелесным, то борьба со злом ограничивалась бы душевно-духовными усилиями и свершениями, и тогда физическое воздействие незлодея на злодея было бы невозможно, но в действительности мир устроен иначе, и оно вполне возможно. Точно так же, если бы человек переживал зло одною душою и, обладая телом, был бы лишен возможности проявить зло телесно и излить его во внешнем поступке, или если бы душа и тело человека не были связаны от природы в живое, органически-символическое соединение и не «передавали» бы непосредственно друг другу свои состояния и изменения, то физическое пресечение и понуждение отпали бы как ненужные и бессмысленные, однако на самом деле человек устроен иначе: он фактически изливает внутреннее зло во внешние поступки и фактически его тело передает его душе чужой протест против его злого

поступка. Напротив, если бы человек был существом *чисто телесным*, лишенным души и духа, то физическое понуждение и пресечение оказались бы единственным и *исключительным* средством борьбы со злом; однако в действительности дело обстоит именно не так.

Ввиду всего этого употребление физической силы в борьбе со злом является *возможным и небесмысленным*, но отнюдь *не исключительным и не самодовлеющим*, а *вторичным и подчиненным* средством в общей системе духовного воздействия и воспитания, и притом средством, применимым в границах духовной допустимости и необходимости. В силу самой природы своей оно должно применяться не тогда, когда его можно применить, а тогда, когда его применить *необходимо*; и всюду, где в нем *нет необходимости*, его применять не следует. Ибо его внешняя, физическая природа инородна и неадекватна побораемому началу зла. Физическое понуждение и пресечение имеет дело не с самим злом, а только с его внешним проявлением; оно не проникает в необходимую глубину ожесточенной души, и тот уровень, до которого доходит его положительное влияние, остается сравнительно весьма поверхностным; поэтому оно бессильно преобразить зло как таковое и настигает его только тогда, когда духовное преображение уже не состоялось и злу удалось излиться во внешний поступок. В качестве несамодовлеющего, вторичного и подчиненного средства оно должно сообразоваться не только с законами духа и добра, но и с природою главных средств и с потребностями основной борьбы; оно отнюдь не должно посягать на замену духовных усилий и мероприятий — физическими; оно отнюдь не должно вредить духовному преображению человека. Физическое понуждение и пресечение есть крайняя мера борьбы, и сфера её применения начинается только там, где внутренние меры оказываются несостоятельными и недостаточными.

Это означает, что физическое понуждение и пресечение, во-первых, не должно пытаться вызвать в душе человека *очевидность* (познание, признание, приятие, убеждение,

верование или исповедание). Всякая такая попытка заранее обречена на неудачу, в лучшем случае, она заставляет понуждаемого вступить на путь лицемерия; в худшем случае, она расшатывает в нем самую способность к очевидности, к убежденности и вере и, может быть, угашает эту способность совсем, духовно уродуя человека. Тюремь, пытки и казни бессильны подвигнуть душу к усмотрению, убеждению и верованию; они могут довести её только до предательства или до окаменевшего упрямства, завершающегося далеко не всегда осмысленным мученичеством. Физическое воздействие должно при всех условиях беречь духовную очевидность человека, не подавляя в нем чувства его собственного духовного достоинства и не колебля доверия человека к самому себе. Вот почему должны быть осуждены и отвергнуты все формы физического понуждения, разрушающие душевное здоровье и духовную силу человека: лишение пищи, сна, непосильные работы, пытки, заключение в обществе злодеев, унижительное обхождение и т. д.

Во-вторых, физическое понуждение и пресечение не должно пытаться вынудить у человека чувство *любви* (напр., личной преданности, партийной приверженности, согласия на брак, верности, патриотизма). Всякая такая попытка заранее обречена на неудачу: в лучшем случае, понуждаемый вступит на путь лжи и предательства; в худшем случае, душа его проникается презрением и ненавистью к понуждающему и к навязываемому ей предмету и ожесточится до полной неспособности любить вообще. Тюремь, пытки и казни не могут вызвать в душе ни любви, ни верности. Любовь или добровольна и искренна, или её нет. Поэтому физическое воздействие должно при всех условиях беречь способность человека к любви, усматривая в ней основную преображающую силу жизни и духа. Вот почему должны быть осуждены и отвергнуты все формы физического понуждения, ожесточающие человека, озлобляющие его и превращающие его в слепого ненавистника и мстителя: грубое, оскорбительное обхождение, лишение заключенного всех знаков любви и внимания, недопущение богослужения

и духовника, снабжение человеконенавистнической литературой, пытки и телесные наказания и т. д.

Наконец, в-третьих, физическое понуждение и пресечение, обращаясь непосредственно не к очевидности и любви, а к воле человека, и притом с требованием самопонуждения и самопринуждения, должно беречь волевую способность человека, не расшатывая и не расслабляя ее, а напротив, укрепляя её и содействуя её духовному воспитанию. Всякая форма понуждения, разлагающая волю, делает свою собственную цель недостижимой и становится бессмысленной, ибо задача понуждения состоит в том, чтобы сделать человека ненуждающимся в понуждении, а не в том, чтобы довести его до полной неспособности к волевому самоуправлению и тем превратить его навсегда в объект пресечения. Вот почему должны быть осуждены все формы физического понуждения, повреждающие и не укрепляющие волю человека: вынужденная праздность, бессмысленные работы, беспробудность пожизненного приговора, обезличивающие наказания и т. д.

Этим уже выяснен и тот предел, от которого физическое понуждение и пресечение становится осмысленным и допустимым. Оно не может вызвать к жизни ни очевидности, ни любви, ни духовно-цельного, положительного поступка, ни тем более нравственно-религиозного преображения души, и всюду, где живут, действуют и управляют человеком *эти* силы и способности, оно ненужно и недопустимо. Всюду, где человек сам работает над приобретением очевидности и любви и держит себя в руках; где в человеке цела сила духовно-волевого самоуправления и где в душе его живут начала чести и долга, где индивидуум сам воспитывает себя силою самопонуждения и самопринуждения, где душа не одержима противодуховностью и противолюбовностью, и даже там, где просто оказывается достаточным психическое понуждение, исходящее от других людей, – вопрос о физическом понуждении и пресечении или совсем не должен ставиться, или должен решаться отрицательно. *Пока* обращение к очевидности и любви

или к разумно-волевому началу человека делают свое дело, и *поскольку* они его делают, до тех пор и постольку физическое понуждение и пресечение не должны иметь места, пребывая как бы в резерве, ибо они образуют именно *замещающий и восполняющий резерв* для главной борющейся силы. Понятно, что эти средства, исполняя функцию резерва, должны стоять наготове, в известной близости к внутренним средствам борьбы и в подчинении им. Мало того, в отличие от военного резерва они должны быть заранее известны «противнику» в качестве угрозы и санкции и должны всегда вводиться в бой в очень размеренной и выдержанной постепенности, так, чтобы доза физического понуждения и пресечения являлась всегда *индивидуально приспособленной и не чрезмерной* — ни в смысле формы наказания, ни в смысле его длительности.

Физическое понуждение и пресечение принципиально применимы тогда и постольку, когда и *поскольку внутреннее самоуправление изменяет человеку и нет душевно-духовных средств* для того, чтобы удержать и остановить его противодуховные деяния, Это означает, что предел, от которого становится необходимым физическое воздействие, устанавливается отрицательно: это есть *духовная несостоятельность* воспитываемого человека и *духовная безоружность* воспитывающего человека. Понятно, что обе эти величины не только совместно устанавливают *terminus a quo* (предел допустимости и необходимости), но и в значительной степени обуславливают друг друга. Так, чем меньше духовная несостоятельность воспитываемого, тем более имеется духовных возможностей для воздействия на него и соответственно тем далее отодвигается предел, от которого необходимо физическое воздействие; зато у воспитывающего оказывается тем менее оснований ссылаться на объективное «отсутствие» душевно-духовных средств, и неуместная ссылка на это отсутствие прямо обнаруживает его собственную несостоятельность. И обратно: чем испорченнее, злонамереннее и агрессивнее воспитываемый, тем скорее может обнаружиться объективное отсутствие

душевно-духовных средств и тем скорее могут «опуститься руки» даже и у святого.

Физическое воздействие допустимо тогда, когда оно необходимо, а необходимо оно тогда, когда душевно-духовное воздействие *недостаточно, недействительно* или *неосуществимо*. Условия, определяющие собою наступление и наличность такого момента, многообразны и сложны и вряд ли могут быть сполна перечислены. Это могут быть, во-первых, *объективные* условия, не связанные ни с личностью понуждаемого, ни с личностью понуждающего; таковы условия *времени, пространства* и *объема* воздействия. Чем короче время, данное для воздействия или для предотвращения поступка (напр., за один миг до выстрела), чем дальше расстояние, отделяющее пресекающего от злоумышленника (напр., телеграмма об аресте злодея как единственный выход), чем обширнее по составу объект воздействия (напр., необходимость быстрого и энергичного воздействия на толпу, на армию, на население занятой территории) — тем менее осуществимы «внутренние» меры борьбы, тем скорее обнаруживается их нецелесообразность, может быть, их полная безнадежность. Это могут быть, во-вторых, *субъективные* условия, связанные или с личностью понуждаемого, или с личностью понуждающего. Чем ниже общий духовный уровень понуждаемого (напр., умственная неразвитость или нравственная тупость человека, темнота, безграмотность, нетрезвость народной массы, воспитанность в религии жестокости и ненависти, слабость правосознания и патриотического чувства в стране), чем сильнее одержимость человека (напр., буйство сумасшедшего, массовый психоз) или его злая воля (напр., ожесточенность злодея) — тем скорее может наступить критический момент, обессиливающий все душевно-духовные средства как таковые. Наконец, чем душевно-беспомощнее (напр., глухонемой, иностранец, не владеющий языком, лишенный дара слова) или духовно-безоружнее понуждающий человек (напр., педагогическая неопытность, непризванность вождя, бессилие правительства при отсутствии в стране общественного

мнения, неподкупности, честной печати) — тем труднее ему вести борьбу чисто духовными средствами.

Установить здесь раз навсегда какой-нибудь единый содержательный критерий для безошибочного решения вопроса в конкретных исторических ситуациях — нельзя. Возможно, что духовно сильный, мудрый и опытный человек будет еще продолжать душевно-духовную борьбу там, где духовно слабый, неискушенный и неумудренный человек будет склонен признать, что духовные средства все исчерпаны; но возможно и обратное: именно, что духовно сильный и прозорливый человек обратится к мечу там, где слабый, близорукий или глупый все еще будет пытаться уговаривать и доказывать. Борьба со злом есть живой процесс, очень сложный и ответственный, в котором самое «зло» дается всегда в образе единичного-индивидуального или общественного явления. Задача борющегося всегда состоит в том, чтобы предметно постигнуть природу данного явления и найти целесообразные средства для одоления. Участвуя в этой борьбе, каждый должен действовать по своему *крайнему разумению*, движимый *любовью*, доверяя своему *духу* и полагаясь на свое *наблюдение*; и каждый, действуя так, не может считать себя обеспеченным от возможной ошибки, недосмотра, неудачи и причинения вреда. Ибо человеку, даже самому искреннему и благонамеренному, свойственно ошибаться, тем более — борющемуся, тем более — вынужденному бороться крайними мерами. От ошибки и вреда не обеспечен никто: ни поддерживающийся совсем от борьбы, ибо он наверное вредит поощрением и потаканием, ни сопротивляющийся чисто духовными мерами, ибо при возможной неуместности их он предоставляет злодею свободу действия и в то же время профанирует и дискредитирует силу и святость духовного обращения («не давайте святыни псам», Мтф. VII. 6), ни сопротивляющийся внешним понуждением и пресечением, ибо он может переоценить силу злой воли и недооценить силу духовного понуждения...

Все, что философское исследование может дать в качестве критерия для руководства при сопротивлении злу,

сводится целиком к нескольким сравнительно формальным правилам.

Во-первых, сопротивляющийся должен развивать в себе чуткость и зоркость для распознавания зла и для отличения его от явлений, сходных с ним по внешней видимости. Это дается лишь постепенно, только в долгом нравственном и религиозном очищении личной души, только в личном и подлинном, духовно осмысленном жизненном опыте.

Во-вторых, сопротивляющийся должен стремиться к постижению тех путей и законов, по которым протекает жизнь зла в человеческих душах, а также всей выработанной великими праведниками и аскетами техники его внутренне-го одоления. Только тот, кто владеет этими законами и этой техникой, сможет верно разрешить все очередные вопросы социального воспитания.

В-третьих, выбирая в борьбе меры и средства, сопротивляющийся всегда должен мысленно начинать с духовных средств, нисходя к мерам внешней борьбы лишь постольку, поскольку духовные средства оказываются неосуществимыми, недействительными и недостаточными. И даже тогда, когда необходимость физического воздействия выясняется с самого начала и сразу, сопротивляющийся должен помнить, что эта мера есть несамостоятельная, вторичная, подчиненная и крайняя.

В-четвертых, обращаясь к физическому воздействию, сопротивляющийся должен всегда искать умственно и практически тот момент и те условия, при которых физическое воздействие сможет быть прекращено, не повредив духовной борьбе, подготовив ей путь и вот уступая ей свое место. Ибо при верном ведении борьбы со злом все меры противодействия ему (начиная от самоумиления и благотворения своему личному врагу и кончая смертной казнью для абсолютного злодея) пребывают во внутренней органической связи взаимоподдержания и подчинения единой цели.

Наконец, в-пятых, сопротивляющийся должен постоянно проверять подлинные, внутренние истоки и мотивы своей личной борьбы со злом, в уверенности, что от этого

зависит и предметное постижение побораемого зла, и овладение духовной техникой борьбы, и выбор средств, и осуществление самой борьбы; мало того, он должен быть уверен, что от этого зависит его личная правота и стойкость в сопротивлении, что этим в последнем счете определяется и самая победа или поражение.

И если первые четыре правила не должны вызывать сомнения после всего вышеустановленного, то пятое правило нуждается еще в углубленном анализе и обосновании.

ЛИТЕРАТУРА

Основные публикации трудов И. А. Ильина

1. *Ильин И. А.* Собрание сочинений. Тт. 1–25 (в 33 книгах) / Составитель Ю. Т. Лисица. М., 1992–2021.
2. *Ильин И. А.* Наши задачи. Историческая судьба и будущее России: статьи 1948–1954 годов в двух томах / Составитель и автор вступительной статьи И. Н. Смирнов. М.: Парог, 1992. 343 + 271 с.
3. *Ильин И. А.* Сочинения: в 2-х т. / Составитель Ю. Т. Лисица. — Москва: Медиум, 1993. — (Из истории отечественной философской мысли). — Прилож. к журн. «Вопросы философии».
4. Т. 1: Философия права. Нравственная философия. — М., 1993. — 510 с. — Библиогр. в примеч.: с. 480–509.
5. Т. 2: Религиозная философия. — М., 1994. — 576 с. — Библиогр. с. 513–559. — Библиогр. в примеч.: с. 560–570. — Указ. имен: с. 572–574.
6. Ильин И. А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. СПб.: Наука, 1994. 544 с.

Электронные ресурсы:

7. Специальный проект портала «Культура.РФ», содержащий полный архив работ И.А. Ильина https://www.culture.ru/catalog/archiv_ilina/
8. Сайт «Наследие русского философа И. А. Ильина (1883–1954)» <https://nasledie-iljina.srcc.msu.ru/>, содержащий разнообразную информацию о философе, включая библиографию трудов и ссылки на литературу о нем.

Некоторые значимые публикации об И. А. Ильине:

9. Иван Александрович Ильин: pro et contra: Личность и творчество Ивана Ильина в воспоминаниях, документах и оценках русских мыслителей и исследователей: Антология / Сост. и предисл. *И. И. Евлампиев*, отв. ред. Дм. К. Бурлака. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 2004. 895 с. — Серия «Русский путь».

10. Иван Александрович Ильин / под ред. *И. И. Евлампиева*. — М.: Политическая энциклопедия, 2014. — (Институт философии РАН. Серия «Философия России первой половины XX века»). — 543 с.
11. Путь духовного обновления — императив русской классической философии. Чтения памяти И. А. Ильина. Московский государственный университет технологий и управления им. К. Г. Разумовского (ПКУ); Институт философии РАН; РНИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва. 16 мая 2024 г. / Сост. *Д. М. Володихин*. — М., 2024.
12. Творческое наследие И. А. Ильина: вопросы общенациональной политики и культуры: Сборник материалов международной научной конференции «Национальный вопрос в творческом наследии Ивана Ильина. Смысл и цель общенациональной и этнокультурной политики»: к 60-летию со дня смерти Ивана Александровича Ильина / ред.-сост. *Ю. А. Закунов*. — Москва: Институт наследия, 2015.
13. *Вакулинская А. И.* Теоретические аспекты философии права И. А. Ильина в контексте русской традиции понимания права // История философии. 2018. Т. 23. № 1. С. 96–107.
14. *Гончаров С. З.* Иван Ильин о духовной основе воинского служения // Сергей Гончаров. <https://proza.ru/2010/12/19/696>
15. *Гончаров С. З.* Философия совершенства Ивана Ильина (учебное пособие для студентов высших учебных заведений) / С. З. Гончаров; М-во образования и науки Рос. Федерации, Негос. образоват. учреждение высш. проф. образования Урал ин-т бизнеса им. И. А. Ильина. — Екатеринбург: Уральский институт бизнеса, 2007. — 551 с.
16. *Гулыга А. В.* Путь к очевидности // Творцы русской идеи / А. В. Гулыга. М., 2006.
17. *Евлампиев И. И.* «Драма творящего духа»: Бог и человек в философии Ивана Ильина // Ступени. СПб., 1992.
18. *Евлампиев И. И.* Божественное и человеческое в философии Ивана Ильина. СПб.: Наука. 1998. — 512 с.
19. *Евлампиев И. И.* Иван Ильин. — СПб.: Наука, 2016. — 251 с.

20. *Киселев А. Ф.* Иван Ильин и его поющее сердце / А. Ф. Киселев. — Москва: Логос: Университетская книга, 2006. — 270 с.
21. *Лисица Ю. Т.* Иван Александрович Ильин как правовед и государствовед // ВФ, 1991.С. 5–36.
22. *Лисица Ю. Т.* Иван Александрович Ильин. Историко-биографический очерк // Собрание сочинений: В 10 т./И. А. Ильин. М, 1993. Т. 1.
23. *Офферманс В.* Дело жизни русского религиозного философа Ивана Ильина — обновление духовных основ человечества // Erlangen, 1979.
24. *Закунов Ю. А.* Русская идея и ценностные альтернативы в свете философии И.А. Ильина. — Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2012 — 376 с.
25. *Закунов Ю. А.* К вопросу о различиях в историософии И. А. Ильина и Г. П. Федотова // Мудрое слово русской философии. Сб. науч. тр. — Спб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1999. — 308 с. С. 201–208.
26. *Закунов Ю. А.* Основные ценностные альтернативы в свете идей И. А. Ильина // Русский экономический вестник: Научно-публицистический журнал. Специальный выпуск № 5. Материалы IV Международных Ильинских научно-богословских чтений. В 3-х книгах. Кн. 2. «Духовная основа социальной и государственной самостоятельности России», Екатеринбург, 2006. — 361 с. С. 70–85.
27. *Полторацкий Н. П.* Русские зарубежные писатели в литературно-философской критике Ивана Александровича Ильина // Русская литература в эмиграции. Питтсбург, 1972.
28. *Полторацкий Н. П.* Ильин Иван Александрович: жизнь, труды, мировоззрение. Нью-Йорк, 1989.
29. *Шарипов А. М.* Русский мыслитель Иван Александрович Ильин. Творческая биография. М.: Издательство Главархива Москвы, 2008. 302 с.
30. *Шарипов А. М.* Из истории публикации творческого наследия И. А. Ильина // Отечественные архивы. — 2012, № 1. С. 23–29.

31. Шарипов А. М. Пророк грядущей России: к 130-летию со дня рождения И. А. Ильина (1883–1954) // Новый журнал. Нью-Йорк (США), декабрь 2012, № 269. С. 168–188.
32. Шарипов А. М. Иван Ильин в современной России: к 130-летию философа // Вопросы философии. 2013, № 10. С. 167–172.
33. Шарипов А. М. Кризис цивилизации и значении национально-религиозной идентификации для исторической перспективы: актуальное прочтение Ивана Ильина // Национални идентитет и меѓународне интеграције: Меѓународна научна конференција. Србија. — Београд: Институт за политичке студије, 2015. С. 91–112.
34. Александар Шарипов — повратак Ильина. Интервју Владимир Димитријевић // Печат (Србија). Број 376. 3 июля 2015. С. 54–58.
35. Шарипов Александр Михайлович. Руски мислилац Иван Александрович Ильин: стваралачка биографија / Александар Шарипов; прево с руског Владимир Јагличић. — Београд: Задужбина Светог манастира Хиландара, 2018. — 366 с.: ил.; 21 см. — (Библиотека: Изабрана дела Ивана Ильина; 4).
36. Шарипов А. Русский мыслитель Иван Ильин. Жизнь и творчество. — М., 2020. — 364 с.

Об авторах:

ЗАКУНОВ Юрий Александрович, кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Российского НИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, доцент кафедры философии и культурологии МГУТУ им. К. Г. Разумовского.

ШАРИПОВ Александр Михайлович, кандидат исторических наук, член Союза писателей России, исследователь жизни и творчества И. А. Ильина.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ТЕХНОЛОГИЙ
И УПРАВЛЕНИЯ ИМЕНИ К. Г. РАЗУМОВСКОГО
(ПЕРВЫЙ КАЗАЧИЙ УНИВЕРСИТЕТ)

Ю. А. Закунов, А. М. Шарипов

**И. А. ИЛЬИН
О ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ
ОСНОВАХ СЛУЖЕНИЯ РОССИИ
И РОЛИ КАЗАЧЕСТВА**

Монография

Издательство «Снежный Ком»
ИП Штепин Дмитрий Вадимович
ОГРНИП 318774600524067
skomm.ru
Email: contact@skomm.ru

Подписано в печать 24.11.2025. Формат 84×108^{1/32}
Гарнитура Minion Pro. Печать офсетная.
Бумага офсетная. 10,49 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.